

Рерих Н.К. Химавагт filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Рерих Н.К. Химавагт.

I.

Афанасий Никитин Тверской, москвит пятнадцатого столетия, после своего путешествия в Индию восклицает: “И я от многих тревог отправился в Индию!”
“Vade, filii, ad Montes Indiae et ad cavernas suas, et accipe ex eis lapides honoratos, qui liquefiunt in aqua, cuando commiscuntur ei” – “Иди, мой сын, в горы Индии и иди в их пещеры и возьми там наши драгоценные камни, которые растворяются в воде, когда они смешаны с нею”. – Так говорит блестящий Али, араб, упомянутый Парацельсом.

Давайте пойдём в горы Индии!

Люди во всех частях света хотят знать о Гималаях. Самые лучшие люди сердечно устремляются к этому сокровищу Индии. Они просят послать хотя бы маленький эскиз или снимок, который они могли бы держать на своем столе для вдохновения. Во все времена происходило притяжение к Гималаям. Людям известно, что всякий ищущий духовного восхождения должен смотреть в сторону Гималаев.

Многие экспедиции стремятся покорить великолепные пики Гималаев. Сурово встречают непокоренные гиганты отважных искателей. Снова Эверест отказался принять вновь прибывших. И Нанга Парбат не сдается. А пик Канченджанги даже не оспаривается. И все же отовсюду различные народы стремятся к сверкающим высотам Гималаев. Такая процессия превращается в поклонение паломников вершинам мира.

Местные ламы загадочно улыбаются, когда слышат, что еще одна попытка окончилась неудачей. Если они доверяют вам, то сообщат шепотом несколько древних пророчеств, согласно которым некоторые священные вершины никогда не будут осквернены. Недавно известный лама, ныне умерший, сказал нам: “Странные люди эти пелинги-иностранцы. Для чего они принимают на себя такие трудности по восхождению на физическом плане, когда мы можем бывать на вершинах в тонком теле?”

Действительно, в каждом стремлении к вершинам, в каждом восхождении есть несказанная радость. Внутренний порыв непреодолимо зовет людей к высотам.

Если бы кто-нибудь задался целью с исторической точки зрения изучить устремление к Гималаям, то результаты оказались бы необыкновенно интересными. Действительно, если бы можно было проследить силу притяжения этих высот за несколько тысячелетий, то стало бы понятно, почему Гималаи прозваны “несравненными”. Сколько незабываемых божественных знаков связано с этой горной страной! Даже в темные века средневековья в далеких странах мечтали о прекрасной Индии, которая ассоциировалась со священными снежными гигантами.

Мысленно сравним все прекрасные легенды, которые могли зародиться только в Гималаях. И сразу же нас поразит изумительное разнообразие этого наследия, сформировавшегося благодаря накоплениям многих племен, пополнявшегося благодатной щедростью нескольких тысячелетий, увенчанных подвигами великих искателей истины. Так и было. Но для столь высоких достижений требовалось величественное окружение, а что может быть прекраснее непокоренных гор во всем их несказанном сиянии, во всем их неизреченном многообразии?

Неудачной и убогой была бы попытка сравнить Гималаи с прочими известными нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай – все прекрасные высоты покажутся лишь одинокими вершинами по сравнению с высочайшими горными хребтами Гималаев.

Чего только не вместила в себя эта разнообразная красота! Тропические предгорья, альпийские луга и, наконец, неисчислимые ледники, насыщенные метеорной пылью. Никто не скажет, что Гималаи непреодолимы; никто не откажется назвать их мрачными вратами, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово “однообразие”. Воистину, от значительной части человеческого лексикона следует отказаться, вступая в царство гималайских снегов, и именно от той, что содержит выражения злости и слабости.

Человеческий дух, жаждущий преодолеть все препятствия, наполняется

стремлением, которое неукротимо влечет его вперед, к покорению этих вершин. И сами трудности, порою сопряженные с риском, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями восхождения для понимания земных условностей. Все ветхие бамбуковые мосты через гремящие горные потоки, все опасные переходы по вековым ледникам над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед успешными подъемами, грозы, голод и жара преодолеваются там, где полна чаша накоплений.

Не из спесивости и чванства столько путешественников, искателей устремлялись и вдохновлялись Гималаями. Для соперничества и состязания могли найтись и другие труднейшие пики. Но поверх всех мыслей о состязании и соперничестве лежит устремление к этим мировым магнитам, несказуемое священное вдохновение, которое рождает героев.

Истинным магнитом будут не лавровые венки состязаний, не первые страницы мимолетных книг и газет, но притяжение к этому беспримерному величию, которое питает дух; и ничего не может быть худого в таком стремлении.

Почему же думаем о Гималаях, что заставляет мыслить, вспоминать о них и стремиться к ним?

Потому что даже мысленное приобщение к их торжественному величию будет лучшим укрепляющим средством. Ведь все по-своему стремится к прекрасному. Каждый мыслит о красоте и непременно захочет так или иначе сказать о ней. Мысль о красоте настолько мощна и подвижна, что человек не может молчать об этом и всегда будет стремиться выразить ее словами. Может быть в песне или в чем-то другом человеку удастся запечатлеть мысль о прекрасном.

От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла продвигаясь все дальше и выше через прекрасные человеческие формы, через таинственное касание Надземного человек хочет утвердиться на незыблемо прекрасном. Если существуют на Земле прекрасные творения рук человеческих – к ним придет путник, успокоится под их сводами в сиянии фресок и витражей. Если путник очарован миражами далеких горизонтов, он устремится к ним. И если он узнает, что где-то сверкают вершины наивысшие, то притянется к ним и от одного этого стремления уже станет сильнее, чище и вдохновится на подвиги во имя добра, красоты и восхождения.

С особым вниманием у костра собравшиеся люди слушают путника. Не только в древних летописях читаем о таком уважении к пришедшим издалека. Ведь и теперь, несмотря на быстрые средства сообщения, благодаря которым мир кажется мал и люди устремляются в высшие сферы Земли или в глубины, к центру планеты, рассказ путника по-прежнему остается украшением каждого собрания.

– Правда ли так прекрасны Гималаи?

– Правда ли они так несравненны?

– Расскажите нам хоть что-нибудь о Гималаях и бывает ли там необычное?

От каждого повествования путника люди ждут необычного. Скверные обычаи, привычки, неподвижность из-за привязанностей угнетают даже грубое сердце. Даже подавленный дух стремится к движению. В конце концов, никто не мыслит о продвижении только вниз.

Вспоминаю рассказ одного путешественника. Начав спуск в большом каньоне Аризоны, несмотря на великолепие окружающих красок, он все же был подавлен одной только мыслью о бесконечном спуске: “Мы спускались все ниже и ниже и мысль о спуске препятствовала любованию окружающим ландшафтом”.

Конечно, восторг и восхищение непосредственно связаны с восхождением, при котором появляется непреодолимое желание заглянуть за вздымающиеся перед тобой снежные пики. Когда же спускаешься вниз, то каждая вершина, которую миновал, посылает печальное “прощай”. Потому-то так радостно не только подниматься на вершину, но даже мысленно следовать путем восхождения. Когда снова слышим о путешественниках к Гималаям, то уже признательны им хотя бы за то, что они вновь напоминают нам о вершинах, о зове вечно прекрасном и столь необходимом.

Гималаи, разрешите еще раз послать вам сердечное восхищение. Также, вся

прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди.

Кайлас, Манасаровар, Бадринат, Кедарнат, Трилокнат, Равалсар – эти великолепные жемчужины Всевышнего всегда наполняют сердце особенно благоговейным трепетом. Когда нам оставался один день пути до Манасаровара, весь караван воспрял духом – так далеко воздействует аура священного действующего ашрама.

Путь в Трилокнат рождает и еще одно яркое воспоминание. К древней святыне тянутся вереницы садху и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе безо всего, и без одежды, совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы. Здесь Беас или Вьяс, здесь Вьясакунд – место исполнения желаний. Здесь Риши Вьяса собирал Махабхарату.

Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на многие языки переводят, и кристалл накоплений их наслоился на скалах Гималайских.

“Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев?” – так поет индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслоиилось то, что не смоят ливни и не испепелят молнии. Идущий к добру благословен на всех путях. Трогательны повести о том, как встречались праведники разных народов. В бору деодары касаются под ветром вершинами. Так и все высшее встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения – беседою глав. Как деодары совещались между собою. И слово-то какое милое, деодар – дар Божий. И названо все не просто, ибо целебна смола деодаров. Деодар, мускус, валериан, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить ее множеством открытий и все-таки опять обращаются к основам.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже не вымысел, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондишери. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Лакхнау, и в Бенаресе. И не только сам садху проходит без вреда по пылающим углям, но он ведет за собой и желающих, за него держащихся.

Вот в Ганге у Бенареса сидит садху на воде в священной позе. Скрещенные ноги его прикрыты водными струями. Народ сбегается к берегу и дивуется на святого человека.

Вот садху, заживо погребенный на многие дни; вот еще садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама, посредством “тум-мо” саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий “смертным глазом” пса бешеного. Степенный лама из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете в области Цанг один лама просил перевозчика переправить его через Цампо без платы, но лукавый лодочник сказал ему: “Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит опасный бешеный пес – порази его!” Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнес несколько слов, и пес упал мертвым! Так видел бутанский лама. О таком же “смертном глазе”, о “глазе Капиль”, приходилось слышать не раз и в Тибете, и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене с ведома католического духовенства, значится страна Шамбала.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, третий подниматься на воздух, а четвертый покоиться на гвоздях, пятый поглощать яды, а шестой поражать взглядом, седьмой без вреда для себя лежать под землей, то ведь некто может собрать и в себе все эти крупницы знания. И так может пребороться препятствие низшей материи! И не в каких-то далеких веках, но теперь, прямо здесь, когда космические лучи Милликана, передача мысли Райна и явление самой тончайшей психической энергии также изучаются и подтверждаются.

Каждый из Риши на своем языке произносил священную клятву о построении мира

Перих Н.К. Химават filosoff.org
обновленного, возвышенного, утонченного, прекрасного!

Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришел бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но всегда поспешал во Благо Общее. Молился ли Риши на вершинах или на высоком берегу реки, или в пещере укромной, он посылал молитвы о всех неведомых, неизвестных тружениках, болеющих и страждущих!

Посылал ли Риши белых коней во спасение неизвестных путников, или благословлял неведомых мореходов, или хранил Град во нощи, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утешения огня.

Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Перед нами путь на Кайлас. Высится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора колокола! По острым кряжам ходят к вершине ее. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбхава, о том говорит древний монастырь Гандо-Ла. Именно здесь пещеры Миларепы. И не одна, но многие освященные именем отшельника, слушавшего перед зарей голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гаутамы Будды. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя Колокола, тоже думал о колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно – за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно – Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины, в красоте сияющие, сказав:

“Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недосягаемости восхищаться их великолепием!”

“Сатъям, Шивам, Сундарам!”

Упанишады подтверждают: “Нет радости вне беспредельности. Нет радости в конечном. Радость есть беспредельность. Но нужно желать познать беспредельность”.

Незабываемо высоко настроение, когда индус напевно сказывает священное предание. Прекрасно умеет сказать их поэт Тагор, который всем своим чутким сердцем держит великие ритмы, восхищенный этой красотой.

В Индии, несмотря ни на что, всюду остается одна основная радость, когда сказываются стихи Махабхараты, Упанишад и Пуран. При всем новом, неминуемо вошедшем в Индии, эти старые напевы остаются всегда живыми.

Эту внутреннюю сердечную радость нужно не только воспитать, но ее нужно суметь удержать, чтобы она поселилась в сердце. Добрая радость сердца делается уже неотъемлемым качеством и преобразит собою все сумерки и потемки.

Думать ли о величественных, замысловатых строениях юга Индии, или мечтать о неповторенном величии Читора или Гвалиора и множества твердынь Раджпутаны, или перенестись мысленно в торжество Гималаев – всюду будет выражена радость мышления. В лунном Ганге, в тайне ночи Бенареса или в великом ритме гималайских водопадов будет то же неповторенное настроение. В повторении множества древнейших имен, от Ману, от Арджуны, от Кришны, от всех Пандавов, героев, творителей и строителей утверждается крепость в любовном почитании этой древности. И от Матери Мира, от Царицы Мира, от всех носительниц домашнего и государственного очага проникаемся всегда цветущим очарованием великой сердечности.

Хороша Индия. Хороша она и в явном, и в тайнах, бережливо охраненных.

Милая, прекрасная Индия.

Индия

В дни настоящего Армагеддона я просил отправить мое послание нескольким художественным выставкам в Индии. Вот мое сообщение: “Искусство должно быть защищено всеми средствами. Армагеддон – в разгаре. Искусство и Знание – краеугольные камни Эволюции. Искусство и Наука необходимы всегда, но в наши дни Армагеддона они должны особенно охраняться всей мощью наших сердец. Большая ошибка думать, что в тревожное время культура может игнорироваться. Наоборот, потребность в культуре особенно чувствуется во времена войн и отсутствия человеческого взаимопонимания. Без Искусства Религия недоступна, без Искусства национальный дух потерян, без Искусства Наука – в темноте. Это не утопия. История человечества дает бесчисленные примеры Искусства, являющегося большим маяком света во времена бедствия. Ученые утверждают, что цвет и звук – панацея от всех бед. Красотой и гармонией даже дикие звери были приручены. Позвольте священной флейте Шри Кришны зазвучать снова. Давайте представим себе мир, в котором были созданы волшебные фрески Аджанты. Во времена войны давайте думать о будущем мире, утвержденном созиданием, трудом и красотой.

Путешествуя через благословенную Индию, мы однажды проходили по дороге в тени могучих чинар. Наш проводник сообщил нам: “Великий император Акбар думал о будущих путешественниках, которые будут защищены этими красивыми деревьями. Он смотрел в будущее”.

“Смотреть на прекрасное – значит улучшаться”, – сказал Платон.

“Человек становится тем, о чем он думает”, – предопределяли Упанишады.

“Возрождение искусства – свидетельство возрождения нации. В упадочной стране искусство становится только абстрактной роскошью. Но когда страна прогрессирует, искусство становится реальной движущей силой людей. Попробуем вообразить историю человечества без сокровищ красоты. И тогда мы поймем, что эпохи прошли бессмысленно, лишенные своей души. Без провозглашения духа красоты мы будем оставаться среди ужасов смерти. И когда мы провозглашаем эту красоту, искусство как жизнь, мы говорим об эволюции красоты. Все сделанное для искусства – достижение для эволюции. Каждый сотрудник в этой области – уже герой.

Великая слава этой стране, что количество творческих работников не может выражаться в одном списке, но заслуживает целую серию, даже с самой краткой оценкой. Мы счастливы чувствовать, какой обширный материал перед нами, какая радость показывать молодому поколению блестящий легион, который создал наиболее прекрасные достижения. Везде, где искусство и знание процветают, мы можем быть энтузиастами. И в этом радостном энтузиазме мы можем приветствовать истинные творческие силы нации. Выставка – не только памятник создателю, рабочему, но это самое лучшее напоминание для становления молодежи. Я счастлив приветствовать блестящих художников, приветствовать сущность прекрасной творческой мысли и салютовать молодому поколению, которому эта творческая мысль приносит счастье”.

О Бхарата, прекрасный, позволь мне послать мой искренний восторг всему величественному и вдохновенному, что заполняет Твои древние города и храмы, Твои луга, Твои просторы, Твои священные реки и Гималаи.

Друзья Востока

Ваше письмо пришло в то самое время, когда я закончил писать свой очерк “Терпимость” следующим отрывком:

“Вспомним поучительный пример китайской легенды о художниках. “Знаменитый художник был приглашен ко двору императора, чтобы написать возможно лучшую картину свою. Велики были затраты на оплату и на издержки приезда художника, но Покровитель Искусства император хотел иметь его лучшее произведение и предоставить все лучшие условия. Художник назначил срок в течение одного года. В отведенном ему помещении художник проводил день за днем в сосредоточенном обдумывании, так что наконец придворные обеспокоились, когда же, наконец, начнется сама картина. Все материалы были

давно приготовлены, но художник, видимо, и не думал приступить к заполнению холста. Наконец, спросили художника, ввиду приближения окончания срока, им назначенного, но он сказал: “Не мешайте”. И за два дня до окончания года он встал и, быстро принявшись за кисти, закончил лучшее свое произведение, сказав после: “Сделать не долго, но нужно раньше увидеть то, что сделаешь”.

Казалось бы, уже достаточно много времени прошло, чтобы человечество могло увидеть всю непрактичность, низость и ничтожество нетерпимости. Будем надеяться, что многие века уже научили увидеть и осознать этот вред, взаимно непрестанно наносимый. Будем думать, что по завету мудрого китайского художника – “увидеть долго, но сделать быстро”.

Разве это не счастливое совпадение, что именно во время получения вашего письма я упомянул три важных принципа: китайскую мудрость, правителя как Покровителя Искусства и устремление к достижению. Если я не писал бы эту статью в это время, то все равно должен был бы напомнить эти три основных момента. Могу также в дополнение процитировать следующий отрывок из Агни Йоги: “Терпение есть дар неба – так говорили древние”. И, несомненно, вы можете прочесть в моей книге “Алтай-Гималаи” цитату из “Дао Де-цзин” о мудром распознавании, которая заканчивается фразой: “Тот, кто обладает свойствами Дао, подобен ребенку. Ядовитые насекомые не будут жалить его. Дикие звери не будут бросаться на него. Хищные птицы не станут поражать его!” Великая мудрость Дао также отражена в великом древнем китайском искусстве. Какой прекрасный пример эта неувядающая мудрость может дать для будущего! Совершенство качества, однажды уже достигнутое, всегда может быть легко возрождено. Как удивительны все Учения Востока, раскрывающие мощь сердца с его могущественными огнями и достижениями.

Радостно видеть, что и в наше время применяются такие великие понятия, могущие преобразовать безрадостные сумерки в сияние будущего.

И опять Агни Йога показывает: “Мы делаем все и мы живем только для будущего”. Как прекрасно осуществлять наши великие обязательства перед лицом будущего. Первое из этих обязательств должно выражаться в охране великих сокровищ Культуры. Это тяжелая задача, но мы должны радоваться, если нам доверено совершать что-то великое. Многочисленные препятствия на великом Пути. Но на них мы учимся. Через них мы поднимаемся и совершенствуемся в нашей бдительности, находчивости и творческих способностях. Во всем, малом и большом, мы видим подтверждение этому чудесному неутомимому зову: творить, творить, творить! Этот зов мог бы преобразиться в побудительный стимул жизни. Внесем во все существующее эти жизненные заветы. Давайте не забудем молодое поколение, подготовить путь восхождения для которых – наш долг.

Так, собирая все лучшие сокровищницы прошлого и творения новых героических образов, творения подвига и одухотворенной красоты, мы покажем нашей молодежи, где истинные сокровища, где находится Великая Реальность и где дух человеческий обретет этому подтверждение.

“Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, все великолепие, все величие есть Бог. Истинно, истинно!” – воскликнул индусский Святой, возвращаясь из состояния Самадхи.

Мы не одиноки в своей борьбе. Мощный проводник Свами Вивекананда говорит нам о значении искусства: “Разве вы не видите, что я прежде всего поэт?” “Тот человек не религиозен в самом деле, кто не способен чувствовать красоту и величие искусства”. “Непонимание искусства есть большое невежество”.

“Просветите себе свет ведения” (Оссия, 10, 12).

“Человек должен стать сотрудником неба и земли”.

“Все существа питают друг друга”.

“Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, но чтоб приложить их, нужна искренность”.

“Не существует ли панацея для всего сущего? Не есть ли это любовь к человечеству? Не делайте другим того, что вы не желаете для себя”.

“Если человек умеет управлять собою, какую же трудность мог бы он встретить в управлении государством?”

“Невежда, гордящийся своим знанием; ничтожный, желающий чрезмерно свободу; человек, возвращающийся к древним обычаям, – подвержены неминуемым бедствиям” (Конфуций).

“Не лучше в мире” – истинно так! Трещит мирское строение. Но там, где странники, где каменщики, где создатели, там сама надежда претворяется в чувствознание. Это знание говорит о неотложности часа. Поспешаем и не убоимся.

Рабиндранат Тагор кончает статью “Что такое искусство” словами: “В Искусстве индивидуальность в нас посылает отклик Всевышнему, который раскрывает Себя нам в мире бесконечной красоты вопреки беспросветному миру фактов”.

Друзья, сохраняйте вашу светлую, творческую волю. Нет иного пути.

И вы, друзья, в рассеянии сущие. Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и знания, для борьбы и труда соединимся.

Письмена Азии

С обветшалых, пожелтевших рукописей Турфана звучат гимны Богу Света, Солнцу, Вечной Живой Душе, возносятся моления о покое, о восхождении, о мире. Слово “мир” употребляется очень часто. Кроме множества буддийских текстов, в разновременных находках имеются рукописи китайские, манихейские, несторианские, тибетские, иранские и среднеазиатских путников.

Разрушены пустынные сейчас храмы. Засыпаны процветавшие города, исчезли стены и башни. Срезана, сбита стенопись. Уничтожены книгохранилища, распроданы и расхищены сокровища. Мрачность царит там, где сияли светлые краски и сверкали металлы. Что же скажет тот, кто посетит старинные места на новых путях?

Пострадали и листы рукописей, как от времени, так и от всяких недоброжелательных вражеских рук. Но все-таки и эти прерывчатые, изъеденные свитки напомнят, что и в пустынных, затемненных развалинах когда-то возникали светлые мысли и кто-то изливал душу в прекрасных зовах.

В недавнем переводе одного из турфанских гимнов читаем (многоточия обозначают пропавшие места текста):

“Гимн живой душе... все грехи, колебания, внутренние и внешние, все мысли, все помысленное и все сказанное. Смешение доброго и злого мышления, неосознание того и другого. Пойми свое Бытие: чистое слово, ведущее к душе! Через нее, через душу пойми лукавое слово властелина зла, которое приведет ко тьме адовой. Взвесь, как судья на весах, каждое слово, выпущенное и преосужденное. Осмысли перевоплощение и тьму адову, где души терзаются в утеснении. Храни душевное целомудрие, сокровище слова... поедающий огонь человеческий! И ты, душа светлая, окрыленная, свободная в выражениях! Предопределение и воплощение удержат сердце и мысль твои от греховного позыва. В отчизну Света иди путем мира...”

Тебе пою, о Бог Всемогущий, о живая душа, о дар Отеческий. Будь благословенна, душа светлая. Благословенна будь. Свято дойди к своему Отечеству. Счастьем щедрая Мощь! мудрая... все... сама... в трепете... внимая... мир... к Тебе, Сын Вседержителя. Все утеснение, тягость и нужда, которые Ты превзошел, кто может пребороть? Ты, Просветленный, Милосердный, Благословенный, Мощный и Благородный Владыко”...

“От Света, от Бога – я, став безземельной, от вас удаленная. Будь благословен, кто душу мою изведет из нужды”...

“...Вы получите вечную жизнь. Очистите светлую душу, и она освободит вас. Зазвучите в чудесном гимне: “О благе, о мире, о доверии”. Прекрасно пойте и радуйтесь мыслью: “О, Светлый Водитель души”. Вострубите в веселии: “Веди души воедино ко спасению”. На любвеобильный зов трубный отзовутся радостно сыны Божии. Скажите: “Свят, свят”. Воззовите: “Да будет, да будет”.

Звучите: “О, премудрость Светлейшая”. Воззовите чистым словом: “Слово живое Истины от оков освободит заключенных. Хвалите Истину, вы”. Звучите и воззовите: “Пылайте страхом Божиим, в заповедях и Заветах воссоединяйтесь без... исхода... Света. Зовите... Глашатай... великий мир, сокровища, которые души, и глаза, и уши... Призовите Сына Божьего на пир божественный. Украсьте любимые куши, просветите путь к Свету. Спрягите все члены в пяти, в семи и в двенадцати. Вот они, семь сияющих благородных камней, которыми стоит мир. Их мощью живут миры и все сущее. Как лампада в доме единая, во тьме пресветлая”...

“Ударившего тебя не ударь. Не мсти тебе мстящему. Не вводи в искушение тебя искушающих. Встреть дружелюбно на тебя разгневанного. Не причини другому тебе самому нежеланное. Сноси обиды от высших, от равных и от меньших. Не поранят слона цветы, в него брошенные. Не расплавят камень капли воды. Так же и обиды и поношения не поколеблют многотерпеливого. Как Сумеру гора, терпеливый высоко удержит себя. Многотерпеливый сумеет явить себя иногда учеником, иногда и учителем, иногда рабом, иногда и владыкою”... (Сумеру гора – то же, что и Маха Меру).

“Вот путь, вот тайна, вот Великий Завет и врата Освобождения. Да будет на мне Твоя Господня воля. Да защитит меня Твое великолепие и да умножится мое терпение, правота и страх Божий. Мой глас и мое ухо...”

“Счастлив, кто в чистоте и правде Твоей, о Боже, познает многообразие, человечность и чудотворность...”

“Есть ученик доброго сердца и любящий учителя. Он следует ему, держит имя его в чести и любовно во всем к нему относится... Прими этих братьев, к тебе приходящих. Когда захотят они почерпнуть от мудрости, поучи их, как детей своих...”

“...Как Владыко, который оружие свое и доспех снимает и облачается в царские одежды, так посланец Света отлагает воинственность и восседает в Свете и в Божественном одеянии, в венце сияющем и в венце прекрасном. И в великой радости сходятся к нему и справа, и слева Светозарные в песнопении радости – все собирается в Божественной чудотворности, как блеск молнии, или, как стремящееся светоозарение, осветит столбы его восхищения во всей божественности...”

“Благородный Владыко исполнил свое обещание, Им данное: “Воссяду на облаке и к часу сужденному пошлю вам помощь”.

Так звучат голоса на истлевших рукописях. В письменах пехлевийских и уйгурских сохранились в тайниках Азии голоса стран дальних. И в стенописи сохранены черты разных народов, которые в прекрасном сочетании улеглись на тех же единых поверхностях. В образах стенописи, в технике исполнений тоже найдутся и китайские, и иранские, и индусские облики. Светлые, большею частью образы в разных символах возносят о мире моления. А из-за Гималаев звучит моление древних Вед:

“Пусть все сущие силы принесут нам мир. Пусть Бог нам мир засвидетельствует. Пусть мир, и мир един царствует всюду. Пусть сойдет на нас этот мир”.

Среди мятущегося западного вихря Данте в своем незабываемом трактате зывает:

“О человечество, какие же бури должны поразить тебя, какие потери ты должно понести, какие крушения должны ударить тебя, пока ты, как многоголовое чудовище, устремляешься к вещам противным! Ты больно в своем понимании. Ты болеешь в своих чувствах. Неразрешимые противоречия не помогут твоему пониманию. Ясная убедительность не убеждает твоего низкого мышления. Даже сладость Божественной убедительности не очаровывает тебя, когда она дышит в созвучиях Святого Духа. Помните, братья, как хорошо и как приятно жить вместе в единении”.

Молила Азия о мире, о том же зывали великие души Запада. Не в молениях ли, навсегда запечатленных, выковано свидетельство о мире, о мире всего мира.

Шамбала

“Лама, расскажи мне о Шамбале!”

“Вы, жители Запада, ничего не знаете о Шамбале и не хотите ничего знать. Вероятно, ты спрашиваешь только из любопытства и впустую произносишь это священное слово”.

“Лама, я не бесцельно спрашиваю о Шамбале. Повсюду люди знают этот великий символ под разными именами. Наши ученые разыскивают каждую искру знания об этом замечательном месте. Чома де Кереш знал о Шамбале, когда подолгу жил в буддийских монастырях. Грюнведель перевел книгу знаменитого Таши-ламы Пал-ден Йе-ше “Путь в Шамбалу”. Мы догадываемся, что под тайными символами спрятана великая истина. Поистине ревностный ученый жаждет знать все о Калачакре”.

“Как это может быть, если жители Запада оскверняют наши храмы? Они курят в наших святилищах. Они не понимают и не хотят почитать нашу веру и наше учение. Они издеваются и смеются над символами, значения которых не могут осмыслить. Если бы мы посетили ваши храмы, наше поведение было бы совершенно иным, потому что ваш великий Бодхисатва Исса поистине возвышенный. И никто из нас не станет клеветать на учение милосердия и справедливости”.

“Лама, лишь очень невежественные и глупые люди высмеивают ваше учение. Все учения справедливости находятся в одном и том же священном месте. И каждый, кто чувствует это, не осквернит святых мест. Лама, почему ты думаешь, что сущность учения Благословенного неизвестна Западу? Почему ты уверен, что на Западе мы не знаем о Шамбале?”

Лама, вот на моем столе ты можешь увидеть Калачакру, Учение, принесенное великим Аттишей из Индии. Я знаю, что если высокий дух уже готов, то слышит голос, возвещающий: “Калагийя” – зов в Шамбалу. Мы знаем, какой Таши-лама посетил Шамбалу. Мы знаем книгу Высокого Священника – “Красный путь в Шамбалу”. Мы даже знаем монгольскую песнь о Шамбале. Кто знает, возможно, мы знаем многое из того, что неизвестно тебе. Мы знаем, что совсем недавно молодой лама из Монголии опубликовал новую книгу о Шамбале”.

Лама пристально изучает нас и затем говорит:

“Великая Шамбала находится далеко за океаном. Это могущественное небесное владение. Она не имеет ничего общего с нашей землей. Как и зачем вы, земные люди, интересуетесь ею? Лишь в некоторых местах, на Крайнем Севере, вы можете различить сияющие лучи Шамбалы”.

“Лама, мы знаем величие Шамбалы. Мы знаем реальность этого несказуемого места. Но мы также знаем и реальность земной Шамбалы. Мы знаем, как некоторые высокие ламы ходили в Шамбалу, как на своем пути они видели обычные физические предметы. Мы знаем рассказы одного бурятского ламы, как его сопровождали через очень узкий тайный проход. Мы знаем, как другой посетитель видел караван горцев, везущих соль с озер, расположенных на самой границе Шамбалы. Более того, мы сами видели белый пограничный столб, один из трех постов Шамбалы. Поэтому не говори мне только о небесной Шамбале, но говори и о земной; потому что ты, так же как и я, знаешь, что земная Шамбала связана с небесной. И именно в этом месте объединяются два мира”.

Лама замолчал. Из-под полуопущенных век он внимательно изучает наши лица. И в вечерних сумерках начинает свое повествование: “Истинно, наступает время, когда Учение Благословенного вновь идет с Севера на Юг. Слово Истины, начавшее свой великий путь из Бодхгайя, вновь возвратится в те же места. Мы должны принять это как оно есть: истинное Учение покинет Тибет и вновь появится на Юге. Во всех странах проявятся наставления Будды. Действительно, наступают великие события. Вот вы приходите с Запада и приносите весть о Шамбале. Мы поистине должны это принять. Видимо, луч от башни Ригден Джапо достиг всех стран.

Как алмаз, сверкает свет на Башне Шамбалы. Он там – Ригден Джапо, неутомимый, вечно бодрствующий на благо человечества. Его глаза никогда не закрываются. В своем магическом зеркале он видит все земные события. И могущество его мысли проникает в далекие земли. Для него не существует расстояния; он может в мгновение ока оказать помощь достойным. Его яркий свет может уничтожить любую тьму. Его неисчислимы богатства готовы для

Рерих Н.К. Химават filosoff.org
помощи всем нуждающимся, тем, кто отдал себя на служение во благо справедливости. Он может даже изменять карму людей...”

“Лама, мне кажется, что ты говоришь о Майтрейе, не правда ли?”

“Мы не должны говорить об этой тайне! Существует много такого, что не может быть выдано. Существует много такого, что не может быть кристаллизовано в звуке. В звуке мы открываем нашу мысль. Звуком мы отражаем нашу мысль в пространстве и можем нанести величайший вред. Поэтому все открытое до сужденного срока приведет к неисчислимым бедствиям. Даже величайшие катастрофы могут возникнуть из-за таких легкомысленных действий. Если Ригден Джапо и Благословенный Майтрейя для тебя одно и то же лицо – пусть будет так. Я этого не утверждал! Неисчислимы жители Шамбалы. Многочисленны великопленные новые силы и достижения, которые подготавливаются там для человечества...”

“Лама, в Веданте говорится, что очень скоро человечеству будут даны новые энергии. Верно ли это?”

“Бесчисленно великое, сужденное и приготовленное. Из Священных Писаний мы знаем об Учении Благословенного, о жителях далеких звезд. Из этого же источника мы слышали о летающей стальной птице... о железных змиях, которые, изрыгая огонь и дым, поглощают пространство. Татхагата Благословенный предсказал все будущее. Он знал, каким образом помощники Ригден Джапо воплотятся в должное время, как священная армия избавит Лхасу от всех ее гнусных врагов и как будет установлено царство справедливости”.

“Лама, если великие воины воплощены, разве не будет Шамбала действовать здесь, на земле?”

“Везде – здесь и на небесах. Все силы блага объединятся, чтобы уничтожить тьму. Каждый, кто поможет в этом великом труде, будет вознагражден во сто крат и на самой земле, в этом воплощении. А все грешащие против Шамбалы погибнут в этом же воплощении, так как они исчерпали милосердие”.

“Лама, конечно мы знаем, что Панчен Ринпоче глубоко уважают повсюду. В разных странах мы слышали, как не только буддисты, но и люди разных национальностей высоко отзываются о Его Святейшестве. Говорят даже, что задолго до его отъезда на фресках в его личных покоях были изображены все детали его предстоящего путешествия. Мы знаем, что Панчен Ринпоче следует обычаям всех великих лам. Нам рассказывали, как во время своего побега он и его последователи избежали многих величайших опасностей.

Нам известно, как однажды, когда преследователи из Лхасы были уже почти рядом, мощный снегопад преградил им путь. В другой раз Панчен Ринпоче достиг горного озера; перед ним встала трудная задача. Его враги были близко, и чтобы уйти от них, нужно было проделать длинный путь вокруг озера. Тогда Панчен Ринпоче погрузился на некоторое время в глубокую медитацию. Выйдя из нее, он отдал приказ каравану, несмотря на опасность, оставаться всю ночь на берегу озера. И тогда произошло необычайное: ночью ударил сильный мороз, и озеро покрылось льдом и снегом. До восхода солнца, когда еще было темно, Таши-лама приказал своим людям быстро двинуться в путь и вместе с тремястами своих последователей пересек озеро по льду кратчайшим путем, избежав таким образом опасности. Когда же враги подошли к озеру, солнце стояло уже высоко и лед растаял. Им оставался лишь окружной путь. Так ли это?”

“Истинно, это так. Панчен Ринпоче во время путешествия помогала священная Шамбала. Он видел много чудесных замков, когда пересекал нагорья, спеша на север”.

“Лама, недалеко от Улан-Давана мы видели огромного черного грифа, летящего низко вблизи нашего лагеря. Он двигался наперерез чему-то сияющему и красивому, летящему на юг над нашим лагерем и светящемуся в лучах солнца”.

Глаза ламы сверкнули. Нетерпеливо он спросил:

“чувствовали ли вы запахи храмовых благовоний в этой пустыне?”

“Лама, ты совершенно прав – в каменной пустыне, находящейся в нескольких днях пути от всякого жилья, многие из нас одновременно ощутили веяние

изысканного аромата. Так было несколько раз. Мы никогда раньше не нюхали такого приятного запаха. Он напомнил мне одно благоговение, которое дал мне мой друг в Индии – где он его достал, я не знаю”.

“А, вас охраняет Шамбала. Огромный черный гриф – ваш враг, который стремится разрушить вашу работу, но охраняющая сила Шамбалы сопровождает вас в виде этой лучистой формы материи. Эта мощь всегда рядом с вами, но вы не всегда можете ощутить ее. Только иногда она проявляет себя, чтобы дать вам силу и направить вас. Заметили ли вы, куда летела эта сфера? Вам следует двигаться именно в этом направлении. Ты упомянул священный зов – Калагийя! Когда кто-то слышит этот повелительный призыв, он должен знать, что путь в Шамбалу открыт для него. Он должен запомнить год, когда был позван, потому что именно с этого времени с ним всегда рядом помощь Ригден Джапо. Только вы сами должны знать и понять, каким способом людям оказывается помощь, потому что они часто упускают посланную им помощь”.

Камень

Наш Чампа, полутибетец-полумонгол, родом с Кукунора, возвращается с базара и таинственно сообщает:

“Говорят, что тут где-то есть камень, на котором медный пояс”.

“Что же это такое, и как бы узнать, где этот камень?”

“Кто знает, может быть он у лам. Только дознаться трудно, потому что они не любят говорить о камне”.

Мы думаем, что речь идет о каком-то вновь открытом погребении, или о кладе, или, наконец, о легенде. На первый взгляд, обращается внимание не столько на камень, сколько на пояс. Ведь пояс всегда был признаком власти. Не раз в истории похищение пояса или оскорбление пояса приводило к тяжким последствиям. Так поговорили о странном камне с медным поясом у вечернего костра и подумали, что, вероятно, дальнейшее узнать о нем будет трудно. Если бы это оказалось каким-то кладом, то ведь о кладах будут говорить особенно осторожно.

Конечно, легенды о кладах, находимых в бурханах, или о каких-то сокрытых ценностях можно слышать часто. Иногда они будут связаны с великими именами прежних легендарных воителей. Не обойдется и без упоминания Чингисхана, ибо это имя упоминается при всяком возможном случае.

Проходит несколько дней. Юрий занимается с приезжим бурятским ламой-лекарем. Вдруг приезжает чиновное лицо от местного князя. Князь очень просит, чтобы мы не трогали и не разбивали камня с медным поясом. Вот чудо – опять тот же камень. Спрашиваем, полагая, что речь идет о какой-то руде: “Где же он находится? И кто нашел его?”. Ответ уже наводит нас на некоторые мысли и воспоминания.

“Камень этот двигается и появляется около священных и замечательных мест. Здесь же, около Наран Обо, место священное. Князь знает, что вы собираете травы и цветы. Это очень хорошо. Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Вы великие люди, и он может оказаться и на вашем пути”.

Значит, дело оказывается не в медном поясе, как мы думали первоначально, но в самом камне. А камень этот не что иное, как тот самый легендарный, испокон известный чудный камень, посещающий особо замечательные местности в особо нужное время. Таким образом, скромный посланец князя совершенно деловито просит нас не потревожить чудодейственного камня. Конечно, мы просим его передать, чтобы никто не беспокоился. Камня мы не нарушим, не разобьем и не обидим.

Воображаю, как удивлены были бы местные монголы, если им рассказать все известные легенды и саги о странствующем чудесном камне – прославляемом в веках от берегов Тихого океана средневековыми мастерзингерами, знаменитым Вольфрамом фон Эшенбахом. В данном случае новым оказалось то обстоятельство, что не легенда рассказывалась, но просили не повредить камень. Значит, не сказание, но бытность самого камня жила совершенно явно и непреложно.

Новая подробность о поясе на камне, быть может, означает, что камень облечен властью. В других вариантах ни о каком поясе не упоминалось. На камне указываются знаки, которые то появляются, то уходят вглубь. Камень предупреждает своего временного владельца о всяких значительных событиях. Камень издает треск в особых случаях. Становится особенно тяжелым или, наоборот, теряет вес. Иногда камень начинает светиться. Иногда камень приносит новому владельцу совершенно неожиданно какими-то незнакомцами. У камня много качеств, не даром о нем сложены всевозможные предания и песни. Упоминается он и в средневековых исторических и научных хрониках. На Гималаях, в Тибете и в Монголии постоянно приходится встречаться с упоминаниями об этом сокровенном чуде.

Странно связывать чудесные, полные глубоких знаков и символов сказания с приездом чиновного лица, просящего не повредить и не увозить камень. Здесь ведь место особо священное. Говорят, что около Наран Обо уже появлялся чудесный камень. В этих местах запрещено убивать животных. Сам Таши-лама подымался на Наран Обо и благословил это место.

“Ведь Таши-лама выдает пропуск в Шамбалу”.

Конечно, и это сведение понимается чрезвычайно различно. Но, тем не менее, до сих пор приезжают некоторые люди к Таши-ламе с прямою просьбой дать им подобный пропуск. Опять-таки древнейшие знаки совмещаются с современностью иногда в самых неожиданных формах.

Также приходилось слышать, как нападали некоторые люди на рассказчиков о таких знаках. Ревнителю тайн придут и шепнут, а рассказчик немедленно прервет повествование. Если же начнут его допрашивать, то он закончит какой-либо самой прозаической формой, совсем не отвечающей вдохновенному началу. Значит, и древнее установление охранения тайны живет по-прежнему. И как умеют хранить такие заповедные тайны! Как умеют вовремя перевести речь на какие-нибудь повседневные темы или неожиданно обратить внимание на какое-то внешнее приключение!

Опять-таки вспоминается, как однажды один индус сказал, что он настолько не выдаст тайны, что скорее допустит утверждение, что вообще ничего подобного не существует. Как в океанских волнах пробегают два и три различных течения, так же и глубины людского сознания умеют быть заперты затвором тайны.

Кто-то смеется над подобною стойкостью, над таким хранением основ. Но кто-то и уважает, когда видит, что вне всякой, иногда и вопреки всякой своекорысти люди остаются несломимы, как адамант. Камень драгий – знали его многие народы. Сохранили, запрятали знания о нем в самую священную сокровищницу. Если приезжает чиновник и просит не повреждать и не увозить камня, то ведь в этом еще не будет открытие тайны. Ведь он-то не сказал, о каком таком камне идет речь. Он по обязанности должен был предупредить, что таковой камень появлялся, бывало, в этой местности. Значит, этим предупреждением он не раскрыл тайны камня.

Посланец был рад слышать наше обещание не вредить камню. Кто знает, может быть, в постановке нашего ответа ему почудилось, что мы знаем больше, чем он полагал. Во всяком случае, наше обещание не вредить камню было принято с искренней признательностью.

Уметь хранить тайны уже значит доказать значительное качество духа. Кто возьмется отделить, где легенда граничит с фантастикой, а где в основе ее лежит действительность. Не так давно доказывалось, что герои так называемых легенд были существовавшими людьми, героическими деятелями, дела которых, выходя за пределы общечеловеческого разума, сплетались в чудесные, вдохновляющие легенды.

Знаете ли вы, существует или нет тот камень, о котором знают так многие народы?

Святые стражи

Так рассказывал монгольский лама:

“Святые держатели бывали и в наших аилах. Никто не знает, когда они проедут. Неизвестно, откуда и куда, но большею частью поспешают. Говорят,

что они ищут клады, а другие говорят, что они что-то заложат, там где нужно. Иногда места прохождений их люди отмечали субурганами или хотя бы простыми обо. Когда узнают люди о приезде их, то надолго водворяется радость в окрестных аилах. Слышно, что и болезни минуют эти места. А также приходит всякая удача и в помышлениях, и в делах”.

Мы спросили: “Если говоришь, что помыслы и дела становятся удачнее, может быть, внушается это в мыслях? Ведь часто известны такие внушения”.

“Про эту силу мы знаем и сами думаем, что удача посылается. Однажды святого держателя спросили: правда ли, что по мысли его совершаются разные полезные дела, а также спросили, как это он внушает? Говорят, что он ответил: и так, и этак, а главное то, что вы делаете потом так, как нужно. И поспевают они, чтобы дать людям больше добрых мыслей, чтобы повсюду люди могли сделать самое полезное ко времени”.

Мы спросили: “Скоро ли признают их люди?”

“По правде сказать, только немногие их признают. А другие как-то только после ухода одумываются. И тогда опять начинают ждать. Глупые люди, когда что приходит – не соглашаются, а только стоит уйти, как начинают опять ждать”.

Мы спросили: “А если они приезжают, то где останавливаются?”

“Иногда и в своей палатке, а то больше куда-то уезжают, и никто о них толком не знает, из-за каких гор они приходят и куда ляжет путь. Но умные люди ждут их, ждут их очень сильно, особенно в день Благословенного. А уж если пройдет слух о проезде, то повсюду как бы пролетит радость. От аила к аилу скажут гонцы. А не успеет собраться народ, он уже и уехал. Конечно, говорят, что у них есть и подземные ходы, но только этого никто не знает. Когда они появляются среди пустыни, то можно задуматься, откуда же и как совершен этот долгий безводный путь? Может прийти в голову, что где-то и есть ходы подземные. Даже находили такие долгие-долгие пещеры, и конца-краю не видно. Может быть, что-то и есть в них, но никто в этой тьме пещерной не нашел хода”.

Мы спросили: “Все это из давнего прошлого или же и теперь бывает?”

“И было, и есть, и будет. Они берегут людей. Они держат справедливость. Они посылают новые мысли. И недавно, и теперь, а может, и сегодня покажется всадник. Или один, а не то и вдвоем, никто путей их не знает”.

Мы спросили: “А есть ли какие-нибудь признаки их приезда?”

“Вот уж никаких, никогда. Да ведь и все чудное бывает нежданно. Уж так нежданно, что уму не помыслить. Но сердце, может быть, и чует. Когда надлежит им приблизиться, может быть, и тоскует, и стремится сердце, и летит навстречу. Сколько раз как птица трепещет сердце, а ведь, может быть, что они проезжают поблизости? Сколько раз конь заржет неведомо от чего – может быть, их коней зачуял? Сколько раз собаки насторожатся и уйдут назад, потому пес на них не залает. И в караванах бывает, на ночлегах. Увидит что будто едет кто-то, а начнут слушать – ничего не слышать. Бывает, что особый запах замечательный, как от лучших цветов, пронесется среди песков. Тоже говорят, что это от их приближения. Видели как-то и белую собаку, будто бы борзую. Старые люди говорили, что их собака. А бежит она одна, как бы за делом. На зов не отзывается. Наверное, поспешает. Тоже говорят, что видели иногда белых птиц, как бы голубей. Думают, что ими они посылаются. Вообще, много знаков и в нашей пустыне. Уж такие иногда замечательные камни находим. Не иначе, что кто-то заложил их. Потому, обделаны они, иногда с надписями, а иногда как бы круглые, что твое яйцо”.

Мы сказали: “Вот вы видите много знаков в пустыне, а для проезжих все одна дичь и мертвенность”.

“А потому, что вы не знаете наших языков пустынных. Вы и ветра не разберете, и запахов не услышите, да и они, если проедут, то вы их не признаете”.

Мы добавили: “А как же они из себя? Ведь видели же их люди”.

“А так, как по месту нужно. Так чтобы людей понапрасну не удивлять. Вот мне говорили, что в одном становище их приняли за торговцев, а в другом – за табунщиков, а где-то еще – за военных людей, каждый судит по-своему. Но они нашим суждениям не обижаются. Один признавший допытывался, а как ему понять, что он сделает так, как нужно? А он ему ответил – все равно, как нужно, так и сделаешь. Об этом не беспокойся, но твори добро всегда и во всем. Они всегда учат добро делать”.

Мы опять спросили: “Но почему же они терпят пустыни неплодородные?” Лама посмотрел на нас очень хитро и сказал: “И это придет вовремя. И реки подымутся, и леса встанут, и трава побежит всюду. Всему срок. Как ушло по погрешности людской, так и придет по держательской мысли. Они пошлют, когда нужно, когда мы сумеем опознать и принять”.

Мы спросили: “А нет ли у кого каких-нибудь знаков или вещей от них?”

“Может быть и есть. И даже наверное имеется. Но только если кто получил их, тот о них уже не скажет”.

Мы спросили: “А имена их знаете ли?”

“Они могут быть под разными именами, но, опять же, если кому выпало счастье знать имя, то он никогда никому не повторит его. Никто не преступит это уложение”.

Собеседник замолчал и долго следил за какой-то двигавшейся точкой на дальних барханах. Может быть он думал, а вдруг! В глазах его загорелась нежданная жданность. Виделось, что он знает, слышал и видел еще многое. Но сколько же нужно посидеть у одного костра, чтобы растворилось сердце! Даже если бы оно и хотело раствориться, то воля знает, насколько эти врата могут открываться проезжому. Для нас, для проезжих, не сказаны многие тайны пустыни. Она их может поведать лишь своему. Лишь тому, в ком есть окончательная уверенность. Тому, кто может мыслить спокойно и о прошлом, и о будущем, кто может довольствоваться тем малым, которое даже не учтено для нынешней роскоши.

Пустыня приняла тот лик, в котором видит ее проезжий, чтобы сокрыть свое значение и свое величие. Срединная Азия притаилась со всеми своими богатствами, со всеми глубоко захороненными знаками, а сыны ее умеют беречь заповеданное, они защищают учение Благословенного.

Может быть, завтра лама расскажет нам о Шамбале.

Эрдени Мори (Монгольский эпос)

I

В фольклоре и сагах знаем героев на белых конях. Видели белого коня Святого Егория. Видели белых коней Святого Флора и Святого Лавра. Также встречались с белым огненным Пегасом.

Видели белых коней древнего литовского бога Световита; на белых конях мчались германские валькирии.

Слышали о белом коне Исфагана в Древнем Иране. Видели стерегущих храмы оседланных коней Арджуны.

Слышали о коне Гессер-Хана, великого героя Древней Азии, и даже видели на скалах Тибета удары подков его. Знали коня Химавата с огненной ношей Чинтамани.

Эрдени Мори – белый конь – монгольский носитель того же сокровища счастья.

На картинах китайских белые олени несут то же пламенное сокровище. Слово бы олень Святого Губерта. И поступь коня белого очерчивает пределы государства китайского. От коня стена великая. И опять герои на белых конях. И в Монголии Цаган Мори – Эрдени Мори – белый конь, будет отмечен всякими сказаниями. Мчится на нем и Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, и в отсветах пламенных конь становится огненным. И когда народ ожидает будущее, великий всадник обращает лица ждущих – туда, куда нужно.

Именно белый конь в сказаниях принадлежит герою. Именно белому коню предоставлено и одному ходить, принося великую весть.

Когда-то рано погибший Леонид Семенов-Тянь-Шанский принес мне свою огненную поэму “Белые кони”. Поэт не знал тогда о легендах белого коня. Несмотря на азиатскую фамилию, полученную от деда, поэт был не близок Азии. Но он был настоящий поэт и поэтому своими путями пришел к восточному сознанию.

Помню беседу с Владимиром Соловьевым у Стасова, когда обсуждалась моя картина “Световитовы кони”, а философ приговаривал, теребя свою бороду: “Восток, Восток!” Конечно, все помнят его пророческое стихотворение о Кукуноре.

На скифских бронзах кони занимают такое существенное место. Конечно, они – носители быта. И в сказках коню приписываются вещи качества. Богатырь влезает в одно ушко и усиленным, мудрым, вылезает из другого. Конь в сагах предупреждает воина об опасности. И в курганах конский костяк не расстается со своим хозяином.

* * *

В наши дни Монголия у каждого на языке.

Давайте послушаем некоторые монгольские пророчества.

Из предсказания мудрого монгольского пророка Молон-Бакши, записанного его внуком Санки Цибиковым, переведенного монголом Шагдаровым и Шондор Дабаевым:

“В год цикла свиньи будет землетрясение. В год собаки будет брожение среди начальствующих и власть имущих. В хате родится великий. Хан проедет, не привлекая к себе постороннего внимания. Мимо же дома будут проходить войска. Люди, не имеющие потомственного рода и звания, станут у власти и будут править народом. Честные люди удалятся и займут место у порога, тогда как лживые займут место в доме.

Наступит время, когда истина уступит место лицемерию. Змей пятнистый съест голову свою, а змей же красно-пегий – мясо своего туловища. Лошадь, съедая свой зад, съест и голову свою. Отсюда, начальник, присваивавший народное достояние, поплатится своею головою.

Дальше наступит время, когда деревянная телега будет стоять с коня, а простая – с быка.

Плохому коню путь далек, а скупому человеку друг далек.

Как у мертвого нет звания, так и у бедного нет имущества.

Топором, не имеющим обуха, будешь колоть дрова.

Свет земной окутает железный змей, но зато весь мир – огненный змей.

В 1903–1904 годах произойдет большое событие.

В год быка будет большое событие. В год тигра произойдет уничтожение. В год зайца будет год терпения и выносливости.

По восточным окраинам будут грабежи, ибо начальник пустит волка на стадо баранов, загнанное во двор.

Наступит время, так называемое “ни мое – ни твое”, будет нужен медный котел и кожаный сундук.

Ко времени переселений повсеместно будет огненный змей.

На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью: “Вырубишь топором эту надпись – она не исчезнет, она появится снова”.

Дальше этого камня будет пустыня, до которой дойдете. Достигшие этой страны люди станут людьми, а животные – животными. Будет трудно старикам и малым. Вещи будете выучить даже на быков, на коров и на лошадей. Иконы и книги

Рерих Н.К. Химават filosoff.org
будете носить на себе. Для стариков будете сушить мясо и жарить зерно; пить
черный чай – питательно”.

Со слов селаринов Молон Бакши предсказал, что позже придут два-четыре
человека, которые подъярят своих бунтовщиков и будут созидать религиозные
государственные правопорядки”.

Молон Бакша скончался, достигши восьмидесяти лет, в год быка. Его песнь
была:

По правой стороне Селенги

Почему качается камыш?

По той стороне Худара

Почему качается камыш?

И предчувствуя в жизни страдания,

Почему мне чувствуется печаль?

Воспевая эту песню, он, бывало, рыдал!

Вот и еще:

“Великий Киданьский народ не погибнет. Он узнает народ Шамбалы. Он принесет
очень старательно священные изображения и порядки государственные.

От белого камня он прочтет и позовет Ихе Бакшу рассказать слово Истины.

Как от великих костров, засияет надпись на камне. Что это идет? Отчего
качается ковыль? Что же шествует?

Эрдени Мори сам идет. Эрдени Мори сам выступает. И люди не останутся в
прежнем положении.

Что же светит поверх ковыля? Отчего стали светлыми обоны? Отчего засиял
большой субурган?

Там, где прошел Эрдени Мори, там засветился ковыль. Там замолчали волки.

И полетели кречеты очень быстро”.

* * *

Издавна ходит Эрдени Мори, и светит его сокровище. На восходе и на закате
солнца затихает все, значит где-то проходит великий конь белый, несущий
сокровище. Пока народы знают о сужденном сокровище, они все же останутся на
верном пути. Путь их, хотя бы и долгий, и необычный, – неизбежен. Так же
неизбежен, как служение совершенствования. Кому-то – сказки. А кому-то –
быль. Кто-то убоится. А кто-то развернет страницы книги принесенной.

И Голубиная книга с небес упала. И сокровище сверху пришло. И не сразу
нашли мудрого для прочтения книги. И разные народы помнят об этих
принесенных благовестях. И всем темным невыносим свет. Почему они так
ощетинились? Ведь они ужасаются о себе самих, когда не прочли книги, когда
отвернулись от Света. И отвернувшись от Света малого, разве выдержат их
глаза Свет Великий!

Менхе Тенгри!

Великое Синее Небо, покровитель Чингисхана.

Уж так широка пустыня монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны
горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели
юрты, или нежданно выглянул белый-пребелый монастырь, или субурган. Или
засинело озеро.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут со скоростью ветра всадники в ярких кафтанах или желтых курмах и красноверхих шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы? Лишь виднеются винтовки у них за спиной.

И снова тишина. Где же и прочие живности? Но тянется темная черта каравана. Чернеют стада яков. Рассыпались табуны конские. Забелели на солнце стада баранов, а не то замелькали дзерены, мчась по холму. Или юркнул в нору тарбаган, или бурундук. Верблюды, волки, лисицы, зайцы, мало ли всякой живности...

И птиц точно бы нет. Только разве беркут чертит круги. Или запестрят в небе вороны, или клушицы. Или жаворонок залетится. Или перепел вспорхнет. Или от воды потянут турпаны, гуси, утки, куличье всякое... Или вытянется из ковья дрофа. Или замашут крылами журавли и цапли... Есть и птицы...

Откуда же великое молчанье твое, пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри, милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени Мори?

На скалах Шара-Мурена знаки сокровища. Наран Обо притаил камень чудесный. Везде прошел Эрдени Мори.

II

Знамя Чингисхана было белое; при этом в разных походах употреблялись символы многих изображений: лев, конь счастья, кречет, барс.

В основе монгольский цвет синий, но и посейчас живут заветы великого Чингисхана. Также упоминаются и законы его, среди которых многие могут жить и посейчас. Перечень суровых наказаний за кражу, убийство, прелюбодеяние и другие недостойные действия не упадет со страниц законодательства и в настоящее время. Также и прочие государственные деяния, требования к чиновным лицам и заботы о преуспевании страны были широко установлены великим ханом.

Для уничтожения в ханах гордости и тщеславия Чингисхан запрещал принимать пышные титулы. Соблюдалась веротерпимость и свобода слова, лишь бы признавалась любовь к Богу. От общественных работ освобождались духовные лица и врачи. Смертная казнь полагалась также для шпионов, лжесвидетелей, колдунов, лихоимцев. Относительно браков – запрещалось вступать с родственниками в первом и втором колене. Для подъема чувства чести запрещалось брать монголов в услужение. С целью уничтожения пьянства Чингисхан восставал против употребления крепких напитков, всячески их ограничивая и предлагая их совсем не пить. Также известно постановление, имевшее целью истребление чрезмерного суеверия, имеются и указы о развитии гостеприимства среди кочевого населения и обеспечении безопасности при следовании по обширным владениям империи. Также были определены районы для ночевки. Юрты были разбиты на десятки, сотни и тысячи. По караванным путям были устроены станции и поставлена стража. Были учреждены почтовые станции на расстояниях одного дня пути. Войска были подразделены также на десятки, сотни и тысячи, и тьмы, или десятки тысяч. Смертная казнь была положена всякому начальнику, который покинет определенное ему место.

По всему дошедшему до нас, Чингисхан действительно был великим вождем и строителем.

* * *

“Боже, упаси нас от монголов” – такие записки находили в разрушенных городах Азии. Датские рыбаки не выходили в море на ловлю из опасения монгольского нашествия.

Вот одно из наиболее ранних описаний монголов, преподнесенных Европе в XIII столетии и подсказанное страхом:

“Для того, чтобы человеческие радости не могли быть особенно

продолжительными и чтобы мировое благополучие не длилось слишком долго без воплей, – писал Матье Парис, – в этом году (то есть в 1240 г.) отвратительные порождения самого сатаны, то есть бесчисленные полчища татар, прорвавшись, ринулись из пределов своих горами окруженных стойбищ.

Стелясь наподобие саранчи по земной поверхности, они причинили ужасные опустошения в восточных частях Европы и обратили их с помощью огня и меча в пустыню. Они бесчеловечны и звероподобны, представляют из себя скорее чудовищ, нежели людей, всегда жаждут крови, которой и упиваются, рвут на части и пожирают собачье и человеческое мясо. Одеваются в бычьи шкуры, вооружены железными пластинами, малорослы, дородны, дюжи, сильны, непобедимы, с не защищенными ничем спинами и грудями, покрытыми доспехами. Они с наслаждением пьют чистую кровь животных своих стад, лошади их толсты, сильны и едят сучья и даже деревья, на этих лошадей им приходится взлезать с помощью трех ступенек, ввиду короткости их бедер... Они не знают человеческих законов, совершенно не имеют понятия о комфорте и отличаются большей свирепостью, нежели львы или медведи... Они не щадят ни возраста, ни пола, ни положения. Не знают никакого разговорного языка, кроме своего собственного, которого никто больше не понимает, так как вплоть до самого последнего времени к ним не было никакого доступа и сами они, в свою очередь, не показывались вне пределов своей страны. При таких условиях не имеется никаких сведений об их обычаях и личности, которые узнаются путем взаимных сношений людей друг с другом. Они бродят со своими стадами и женами, причем последние приучены сражаться не хуже мужчин. Эти-то существа появились вдруг с быстротою молнии на поругание христианства, опустошая и избивая все на своем пути, наводя на всех ужас и внушая к себе невообразимое отвращение”.

Вот какова была репутация монголов, когда имя их впервые достигло Европы, сопутствуемое ощущением ужаса, которое предшествовало их движению вперед. Само слово “татарин” заставляло всякого содрогаться. Их считали Божьим наказанием. Старые писатели называли их “испытанием Божьим”, демонами, посланными в наказание людям.

Европа не считалась с монголами как с людьми. Она отказывала им в чести быть ее врагами или обычными противниками и считала их какими-то сверхъестественными существами. В те времена люди в Европе искренне верили, что у монголов собачьи головы и что они питаются человеческим мясом. Вот какой дикий ужас охватил всю Европу, предшествуя появлению татар. Грозная человечеству опасность понималась здесь настолько преувеличенно, что даже датские рыбаки не рисковали пускаться в море из боязни монголов.

Одну и ту же картину приходится наблюдать в это время, как в пределах Крайнего Востока, так и в пределах Крайнего Запада – как по берегам Тихого океана, так и по берегам Черного моря. Один из китайских историков этого периода восклицает, что “со времени сотворения мира ни одна из наций не была еще никогда настолько могущественной, насколько могущественны сейчас монголы. Они истребляют целые государства с большей легкостью, нежели кто-либо вздумал вырывать траву. Отчего же небеса терпят это!”

Другой писатель, изображая последствия монгольского верховенства, следующими знаменательными словами отмечает, что в Азии и в Восточной Европе вряд ли и собака может лаять без разрешения монгола.

Монгольское нашествие, которое, пронесаясь по всей Азии, достигло преддверия Европы, оказалось настолько подавляющим, что правители последней начали оживленно советоваться друг с другом о том, какие меры им следует принять против грозившей опасности. Решено было прибегнуть к содействию совместных выступлений, чтобы задержать этот человеческий поток, так как ни одно государство не могло в одиночку справиться с ним. Ничто так не свидетельствует о боязни, внушенной ордами монголов даже и в пределах величайших европейских государств того времени, как призыв Фредерика II, императора священной Римской империи, ко всему христианскому миру, в целях отражения нашествия ужасных монголов. Представьте только себе послание, адресованное “Германии, пылкой в боях, Франции, выкармливающей на своей груди неустрашимое воинство, воинственной Испании, Англии, могущественной своими воинами и кораблями, Криту, Сицилии, дикой Иберии и холодной Норвегии – с призывом организовать интернациональный крестовый поход против кочевников-завоевателей, явившихся в Европу из далекой Монголии”.

Однажды во время завоевания монголами Персии несколько монголов встретили

персов и, не имея с собой никакого оружия, приказали персам сидеть на обочине, пока они не сходят за своими мечами, чтобы обезглавить их. И персы покорно повиновались. Так говорит нам история.

Выдержки из этого послания красноречиво оттеняют тот “монгольский ужас”, который охватил Европу в 1240 году.

“Народ, – писал император, – вышедший из крайних пределов света, где он долгое время скрывался в обстановке ужасающего климата, вдруг жестоко обрушился на северные страны и усеял их наподобие саранчи. Никто не знает, откуда эта свирепая раса получила свое наименование татар, но несомненно одно, что не без явного промысла Божия последние были сохранены с незапамятных времен в качестве орудия для наказания людей за их прегрешения и, может быть, даже на гибель христианства. Эта свирепая и варварская нация не имеет ни малейшего понятия о законах человечества. Они, однако, имеют вождя, которого чтут и приказанию которого слепо подчиняются, называя его земным богом. Люди же низкорослы, дюжи, сильны, выносливы и отличаются непоколебимой верностью и по малейшему знаку своего вождя бросаются на самые невообразимые опасности. У них широкие лица, скошенные глаза, и они издают самые ужасные крики и вой, которые вполне соответствуют обуревающим их сердца чувствам. Они не знают иных одежд, кроме воловьих, ослиных и лошадиных шкур, и вплоть до настоящего времени у них не имелось никакого иного вооружения, кроме грубых, скверно сплоченных железных пластин. Но уже теперь – и мы не можем произнести этого без стога – они начинают улучшать свое снаряжение, раздобывая его грабжом у христиан. Скоро, по-видимому, гнев Божий разразится над нами, и нас эти варвары начнут постыдно убивать нашим же собственным оружием. Татары ездят верхом на прекрасных лошадях и в настоящее время отъедаются самыми лакомыми кушаньями и одеваются богато и изысканно. Они бесподобные стрелки, говорят, что их лошади в тех случаях, когда не имеется под руками иного корма, могут питаться листьями, корой и корнями деревьев и, несмотря на это, сохранять свою бодрость, силы и проворство”.

Так Европа оценила монголов. Затем, со временем, оценки утончились и обусловились. Так, например, Тимур, вместо прежней оценки лишь разрушителя получил от французского ученого Груссе совсем другую характеристику. Груссе говорит, что Тимур, сочетавший в себе стремление к изысканности ирано-индийской культуры с суровым укладом аскета, явился одной из наиболее красочных фигур индо-иранского мира. Таким образом, правнук Чингисхана, через Барласский род, остается в нас уже под освещением вдумчивого ученого.

Так же точно многие властители мира, спешно осужденные, вдруг выростали в совершенно ином освещении. Не то же ли самое произошло и в русской истории с Петром Великим и даже с Иваном Грозным?!

Идя от характеристики Груссе, вспоминая отметки Плано Карпини о внимании монгольских ханов к искусству и наукам, мы можем кульминировать монгольский апофеоз в лице великого Акбара. Конечно, некоторые пристрастные суждения пытались иногда и его представить кровожадным тираном, но в конечном итоге развернулась блистательная картина светлого объединителя и культурного правителя великой страны. К уже найденному великолепию Акбара новая литература добавит лишь ценные знаки. И народная мудрость, справедливая в основе своей, добавляет к изображению великого императора и сияние Святого. Так народ в веках умеет чтить постоянное великое служение.

К характеристикам монголов вспоминаю и другие отметки современных им путешественников. Много ценных и благоприятных знаков. Вспомним также из священных монгольских книг хотя бы заветы о Бодхисатвах, со всеми указаниями на сострадание, самоотвержение и помощь ближнему. Вспомним и Несторианские времена. Словом, ничем не умалим то многое, что действительно было в жизни сильного и мужественного народа.

* * *

Сколько прекрасных часов вспомним и мы из наших странствий по Монголии. Помню сердечный, приветственный знак монгола Ринчина. Многого стоит огненное восклицание седого буряты: “Свет побеждает тьму”. Помню, как монголы мужественно показали себя при столкновении с разбойниками, помню постройку субургана и доброхотное принесение сокровищ.

Если пойдем по знакам блага, их наберется очень много, о добре идем. Как бы

ни перерождался народ, все-таки его основы неизбываемы. То же самое мы можем наблюдать и на многих других народах. Изменяются условия, приходит счастье или несчастье, но душа народа остается. Проследите народную душу по старым песням, по сказаниям и притчам. В этих нерушимых народных памятках вы увидите лучшие характеристики.

Если вы припомните законы монгольских ханов, если вспомните героический эпос этого народа, то во всем отразится натура твердая, мужественная, нередко аскетическая, терпеливо переживающая случайности времен. Если вы видите живые заветы прошлого, которые не погибли в потоках современных ощущений, то разве не следует помочь такому народу, желающему мирного преуспевания.

Когда-то условия быта и сердечное влечение увлекали монголов в далекие поиски. Человеку часто кажется, что где-то вдали есть что-то лучшее – “славны бубны за горами”. Но современное мышление обращает монголов к сокровищу их земель. Познавать свое, научиться ценить определенную судьбу – это большая заслуга.

Случилось так, что Монголия, как таковая, занявшись в “дали далекой”, еще не использовала свое внутреннее сокровище. Не использовать – значит не истратить. Потому-то справедливо устремлены взоры на Монголию, и пусть будут они устремлены благосклонно и дружелюбно.

В ошибочном суждении уже никто не скажет “Боже, упаси от монголов”, наоборот, каждый углубленно мыслящий пошлет сердечный привет мирному возрождению народа.

Сам Ригден Джапо на коне в светлых доспехах мчится. Монголы не забывают предсказаний Великого Ламы в 1927 году. Итак, в предсказаниях также сказано: “На склоне горы, обращенной к восходу солнца, будет найден белый чудный камень с надписью: “Вырубишь топором эту надпись, она не исчезнет, она появится снова”.

Привет нашим монгольским друзьям. Привет Монголии.

* * *

Завет Дзон-Капы “Лам-рим-чен-по” поучает:

“Как двигаются вместе тени птиц, летящих по небу, так и добрые и греховные поступки следуют за живыми существами”.

“Не пренебрегайте даже маленьким грехом, думая, что он безвреден. Скопление капель воды постепенно наполняет большой сосуд”.

“Привычки к добрым и недобрым делам исключительно властвуют над людьми”.

“Деяния даже в течение ста мировых периодов не уничтожатся и будут накапливаться, а когда наступит время, появятся последствия их для приобретших тело”. “Как счастливы путники, запасшиеся многими дорожными припасами, так и живые существа, сделавшие добрые дела, отправляются в блаженную жизнь”.

* * *

Лама возглашает: “Пусть жизнь будет тверда, как алмаз; победоносна, как знамя Учителя; мощна, как орел, и длится во веки веков”.

Призывно раздается трубный звук раковины над просторами Монголии.

Дары Востока

Перед нами старинная монгольская монета. На ней и солнце, и луна, и семизначное созвездие Большой Медведицы, или Семи Старцев. Широкая мечта о поднебесье. Мечта о чудесах и красотах Чингисова Великого Синего Неба.

Истинно широкоохватно.

Разве не широкоохватно, что монголы купали коней своих в Адриатике? Бывали монголы в Париже, в Лионе, в Валенсии. Монгол поставлял шлемы войску

Перих Н.К. Химават filosoff.org
Филиппа Красивого. Алансон – от аланов. Аланы почитаются в ставках монгольских.

Широкоохватно, как и все проникновение Востока на Запад под знаком крестовых походов и по следам великих путников. Часто Запад забывает, сколько наследий Востока он воспринял во все века, в века Марко Поло, Плано Карпини, Рубруквиса, Лонжима, д'Анселико и других смелых духом.

Монгольские нашествия оставили такую ненависть после себя, что их культурой всегда пренебрегали. Забыто, что мистическая колыбель Азии создала этих необычных людей и окутала их в прекрасные покровы Китая, Тибета и Индостана. Россия не только страдала от татарских мечей, но также внимала через их звон волшебным сказаниям, известным умным грекам и разумным арабам, которые странствовали по Великому Пути от нормандцев на Восток. “В блеске татарских мечей Русь слушала сказку Востока, которую когда-то сказывали и хитрые арабские гости по пути из Варяг в Греки”.

В 1202 году итальянец Леонардо да Пиза издает математический трактат “Либерабаци” с арабскими цифрами. У него же впервые используются и арабские зифир – нуль, пустота, арабские цифры. Но сами арабы называют их индийскими. Часто мы встречаемся с индийскими истоками. Дары Востока безграничны. И сейчас хазары, старинное племя, живет в Афганистане.

Алгебра, алидад, зенит, надир, азимут, наконец, Альдебаран, Алгол, Алтаир – все от арабов, все от Востока.

Оттуда же многое в медицине и естественных науках – алкоголь, алабик, алкал, бура, амальгама – все от Востока. В Испании арабский университет в Кордове и на юге Италии в Салерно. Врач египетского султана излечивает Людовика IX. Слова: сироп, жулеп, эликсир, камфора и многие другие запечатлены в восточной медицине.

Даже в земледелии Восток дал полезные советы Западу. Маис – из Азии. Сахарный тростник, рис, индиго, шафран, целый ряд фруктовых деревьев и овощей имели родину в Азии. Всякие пилигримы несли в заплечных мешках всевозможные семена и насыщали ими родную землю. Абрикос именовался грушею Дамаска. Эшалот от Аскалона. Артишоки, шпинат, эстрагон – все это арабские имена. Вина Кипра, Газа, Аскалона, изюм Греции и Палестины – все дары восточные. Арабские кони – карабахи, карашары, ослы, мулы, наконец, гепарды, так прекрасно изображенные на картинах Гоццолы, – все из глубин азийских. Утверждают, что ветряные мельницы – из Азии.

Промышленность Востока издавна прельщала Европу. Сахар Антиохии и Триполи. Хлопок Бейрута, Алеппо, Акры. Шелк Тира, Тортозы, Тивериады. Муслин от Моссула. Муар, тафта, шифон – от арабов. Ковры иранские. Восточные составы красок. Кордуаская кожа, испано-маврские фаянсы.

Среди терминов мореплавания – буссоль, адмирал, арсенал, муссон, фелюка, корвет, шаланда, тартана – все от Востока.

На полях битв войска Востока не были малым неприятелем. Не раз Запад, среди войн с Востоком, учился новым войсковым порядкам: дисциплине, бдительности, охранению и наблюдательности. Целые военные ордена создавались именно после приближения к Востоку. Западные воины заимствовали от Востока прекрасное оружие. Дамасские клинки и до сих пор звучат, как нарицательное лучшего качества. Малые щиты – торчи – от Востока. Сарацинские кольчуги, зеркала и бахтерцы, – восточные шлемы мисюрки, и сколько другого всевозможного и вооружения и конского снаряжения имеет свое происхождение на Востоке. Не забудем, что повсеместно принятое слово “улан”, которое применяется во всех армиях, есть слово чисто монгольское. В русском, польском и литовском обиходе пестреет множество монгольских и других восточных слов, глубоко угнездившихся: есаул (офицерский чин), куяк (меч), мерин (лошадь), тамга (печать), ям (почтовое место), ярлык, яр (крутой берег), караул (ночной сторож), доха (шуба), чумбур (уздечка), аргамак (конь) и множество других обычных для русского уха.

На Востоке крестоносцы, чтобы различаться в бою, начали изображать на щитах первые символические знаки, сохранившиеся потом как родовые гербы. Много из геральдических животных имеют свою восточную основу: единороги, слоны, львы, грифоны, драконы. На наших щитах звезды восточные. Сама раскраска щитов, даже в названиях своих, напоминает и Персию и другие страны Востока.

Бесчисленные благовония, духи, помады и косметика притекали с Востока. Названия мебели и обихода оттуда же: диван, балжахты, альков, сундук, графин, джар – все оттуда, так же, как и названия многих драгоценных камней. Даже слово “галета” напоминает нам Галату.

Часто восточные народы изображались летописцами нетерпимыми, жестокими, безнравственными, предательскими. В то же время мы имеем несомненные доказательства их терпимости, человечности, благотворительности. Мы восхищаемся храбростью и мужеством Чингисхана и всех прочих воителей и Дальнего, и Ближнего Востока. Сарацины назывались невежественными варварами, а в то же время по школам их и по их цивилизации, по наукам и по искусству их можно было видеть, насколько иногда они превосходили гордый Запад. Соприкасание с народами Востока явилось одним из важнейших импульсов средневековья. Оно вызвало во всех областях неожиданное пробуждение. Это был первый расцвет, первый ренессанс.

Послушаем, что говорит о современных монголах Ларсен, посвятивший Монголии более сорока лет своей жизни. Конечно, Ларсен встречался со всевозможными монгольскими родами и знает их в разных проявлениях основного характера. Такие свидетельства, почерпнутые из многолетнего опыта, всегда ценны. В книге своей о Монголии Ларсен замечает: “Общие впечатления иностранца, проезжающего через Монголию, будут о безнадежности военной силы этой страны, но в действительности военная мощь Монголии вовсе не так мала, как случайный наблюдатель может думать. Каждый монгол – хороший наездник и прекрасный стрелок. Все население увлекается охотой, как спортом. Монголы стреляют с седла и с детства приучаются к луку и стрелам и к лассо на скачущих конях.

Лук и стрелы даже в недавнем прошлом были главным монгольским оружием. Соревнования в стрельбе из лука являются годовым праздником во многих монгольских родах... Требуется верный глаз и твердая рука, чтобы пустить стрелу в цель, обернувшись во время скака лошади. Монголы, научившиеся этой верности со стрелами, оказываются чудесными стрелками из винтовок, с которыми они научаются обращаться с неожиданной легкостью. Когда вооруженные винтовками монголы посланы в битву, редко бывает, чтобы они не свалили врага каждым своим выстрелом. Почти нет выстрела, который не достиг бы своей цели.

Монголы любят свою страну, много превосходя в этом глубоком чувстве все народы, с которыми я встречался. В защите своей страны они всегда имеют преимущество. Они испытаны в распознавании расстояний, приучены к чистому воздуху и к высотам и могут судить о дальности расстояний лучше посторонних. Монголы очень умны в маневрировании и испытаны в преследовании своего врага и в окружении его.

Монголы обладают необыкновенной выносливостью и могут проходить большие расстояния без пищи или воды и выдерживать превратности погоды. Физически они необыкновенно приспособлены. И ламы и светские люди закалены всякими переходами и ежедневными продолжительными скачками на своих необъятных равнинах...” “В дополнение к активному сопротивлению монголы обладают терпеливою мощью сопротивления пассивного, победить которое еще труднее”. Монгольское население, живущее в юртах, может быстро покинуть место прежнего поселения. Скот уведут, колодец будет разрушен, и незваный гость окажется в необитаемой пустыне без пищи и воды, брошенным на милость суровой природы.

“В течение моей жизни в Монголии многое случилось, которое убедило меня, что монголы вполне способны выдержать натиск врага, что и отмечено в летописях о днях Чингисхана”.

Показания таких свидетелей, не случайных проезжих, но посвятивших жизнь свою Монголии, чрезвычайно ценны. Швед Ларсен принадлежит к типу людей наблюдательных и знающих, что значат суровые условия природы. Ларсен совершенно верно отмечает и активную и пассивную мощь монголов, эту же мощь можно отметить и на всем Востоке.

Запад действительно многое самое ценное воспринял от Востока. И религия, и философия, и многие другие ценнейшие находения в духе и культуре в целом по справедливости должны быть отнесены именно к Востоку, к Азии. Почему это так, а не иначе – не нам судить. Историк лишь может считаться с

Перих Н.К. Химават filosoff.org
действительностью. И никто никакими предположениями и доводами не может поколебать эту великую действительность даров Востока.

В свое время я был рад получить книгу доктора Хара Давана о Чингисхане. Автор сам принадлежит к народам Востока, и потому его проникновенные оценки еще более убедительны. Он знает, о чем говорит. Он понимает глубину культуры в основании многих великих движений, которые могут быть непонятны посторонним. Также необыкновенно глубоко понимал великого воителя Азии и недавно скончавшийся Владимирцев. Как ценно встречать в жизни справедливые суждения.

Признательность есть качество Архатов. Следуя этому примеру, будем признательны о всех великих дарах, во всей их своеобразности и значительности.

Вспомним все великие дары Индии. Вспомним, как часто неожиданно выражалась признательность там, где в средневековой сдержанности имелось недостаточное знание. Данте в своем произведении “Рай” вдохновенно упоминает Восток, Ганг и Благословенного!

На этом склоне, там, где он, ломая,
Смягчает кручу, солнце в мир взошло,
Как всходит это, в Ганге возникая;
Чтоб это место имя обрело,
“Ашези” – слишком мало бы сказало;
Скажи “Восток”, чтоб точно подошло.

Данте. Рай

Меч Гессер-Хана

Подают воду в жестяной чашечке. Еще живет эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет, и Китай, и Монголию. А вот и ягтан, сделанный еще в Кашмире. Выдержал старик всю Азию, на всех перевозных средствах. Надо его побережь, слишком много он знает. А вот и знамя бывшей экспедиции – “Майтрейя”. С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далек тибетский художник, писавший это Знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего Знамя китайскими шелками. И Знамя видело немало. Участвовало и склонило на нашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Било по лбу хотанского амбана и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Шарагольчи. Теперь оно в Гималайском институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные травы гималайские, в которых так много лучших решений.

Каждый предмет, прошедший с нами всю Азию, делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого.

Опять гремят бубенцы караванных мулов. Опять крутые восходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гессер-Хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к житию странному увлекает их по трудным горным тропинкам.

Мы идем в Лахул. Опять продолжение экспедиции. Как будто так же, как бывало. С той разницею, что там никакая почта, никакие сведения из внешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы еще на границе последних почтовых бегунов, и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротанг уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый воздух, целительный и вдохновляющий. Звавший к себе всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу со всеми бесчисленными светилами, с млечным путем, зарождающимися и умирающими звездами, полыхали странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное гималайское свечение, о котором уже не раз упоминалось в литературе.

Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахул. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелой круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и в каменных склепах-камерах. Над Кейлангом раскинулась мощная гора колокола – “Духовного отдохновения”, со своею священною триглавою вершиною подобно Норбу Ринпоче.

Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами. Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону-целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юрий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с нами лама Мингиюр, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни к нам принесли несколько сочинений, еще никогда не переведенных. Среди них и медицинские записи и поэтическое описание местных святынь. Кругом все насыщено именами знаменитыми, тут и пещеры Миларепа, слушавшего на заре голоса дэв, тут был и Падма Самбхава и Джава Гузампа, и все главы учения нуждались в незаменимом сиянии Гималаев.

Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. “Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини”. Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов – там живут особые змеи. Изумляемся древнему замку такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, неперенное наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие Север.

Незабываем прием, устроенный нам в Кейланге, столице Лахула. Увешанные цветочными гирляндами, предшествуемые трубами и барабанами, въезжали мы в Кейланг.

При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились ламы в пурпурных высоких тиарах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались желтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами, по знаку вазира области кричали приветствия. А на арках и домах цветились плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского Института, мы были встречены еще ламскими трубами, а дочь соседа Ану, в бирюзовом высоком кокошнике, поднесла священное молоко яка. Так Кейланг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность.

Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламаистскую мистерию “Разбитие камня”. Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, никем еще не описанную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнале Института.

Началось с того, что ламы притащили с холма огромный, более полутора ярдов камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пенья и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щек. Был очень замечательный танец мечей с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо иначе два меча, упертые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полушутливая интермедия. В ней под видом пастуха являлся властитель дикой страны, при этом шел вызывавший смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шуточные элементы замолкли и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготовление. Кончились эти заклинания и приготовления тем, что один из лам лег на землю, а двое других с усилием подняли приготовленный огромный камень и положили ему на живот. В это время старый лама, который прокалывал щеки и падал на мечи, подняв высоко круглый булыжник величиною не менее двух человеческих голов, с силой бросил его на камень, лежавший на животе ламы, поднял и снова бросил с той же силой. При этом вторичном ударе длинный камень к изумлению присутствующих с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом тяжкий

материальный мир был побежден, злые силы были сокрушены и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену, перед наложением камня, Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжести формы этой необычной мистерии о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжести и действительные общежитейские материальные формы. Также не забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами фурпа.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мингиюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман – музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом еще раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие, священные бараны – символы света, и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных культов. Здесь мы опять прикасаемся к необъясненному еще солнечным культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любованье с высокими плоскими крыша на необозримые ледники, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора “духовного отдохновения”, тут и пик Ману, тут и манящие пути и на Ладак, и к священному Кайласу.

Танцы лам. Незнающий называет их “чертовыми плясками”. “Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение”. – “А как же рога?” – “Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох уж это незнание!” Танцы, после долгого ритуала, полного вековых движений, закончились мистерией, посвященной черноголовому ламе, поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры.

Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, мендонги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные могилы, но раскопку не ведем, чтобы не войти в полемику с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина “Меч Гессер-Хана”. Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям, к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о воинах Гессер-Хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахула в семнадцатом веке... Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное.

А напротив, за рекою, высоко на скале древнейший монастырь края Гандо-Ла, основанный самим Падмю Самбхаваю. Древность седьмого, восьмого века. Старые зовущие места.

А вот и старый Пинцог, певец-сказитель саги о Гессер-Хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и рассказывает, а затем и поет речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев и не от того же ли времени важные жесты певца. Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Все отмечено: как собирается герой противу врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. “А знаете ли вы здесь, что в Каме есть палаты Гессер-Хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гессер-Хана?” – “Не только в Каме, но и в Цанге воины Гессера сложили такой памятник”, – вставляет слово примолкший лама. Мы знаем это, знаем хорошо, потому что когда люди в Тибете предлагали нам мечи, они всегда шепотом говорили, что мечи эти из дворца Гессер-Хана. В один раз

певцу не сказать всех Гессера подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах, в Тибете, в Индии. Газеты только что писали о человеке, плававшем по Джамне, держась за хвост тигра. И это вовсе не сказка.

Доктор индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человечества, совершенно неизвестен на Гималайских высотах.

Из Ташилунпо лама-доктор приносит тибетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурятом доктором Бадмаевым. Лама Мингиюр сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что и в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дхармапалы, посылаемых с предупреждениями или для предотвращения злобных действий. Так разнообразна жизнь.

Вот и дом такура из Колонга, Пратапа Чанда или, по-тибетски, Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречаются у входа. Слуги сверкают серебром и китайскою парчю. Гремят трубы лам. Прежде всего зовут на торжественную службу в домашнюю молельную. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала, и Ригден-Джапо, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идет по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги, и доски для печатания. Это не простой дом: такур – глава края, и в семье много накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается сговор о постройке дома. Такур не может продавать землю, так как это его родовое имение, но он готов сдать его в аренду на сорок лет, и, если пожелают, он также готов отдать его на более долгий срок. И ему даже не нужны деньги. Говорят: “Честь нам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место”.

И опять течет речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных могилах и о сокрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу называется еще место около Трилокната, где, по преданию, скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ. Говорится, что когда пришли воины Гессер-Хана, то старые лахулцы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь под землю на Алтае, а жители Лахула на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина “Менгиры в Гималаях” будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашею экспедицией в 1928 г., подобными менгирам Карнака.

Картина “Три меча” пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Кейланга, главного города Лахула. Лахул в испорченном произношении означает Южный Тибет. На заднем плане видны знаменитые горы этих областей Гималаев, называемые горы “М”. Это место расположено на древнем пути из Индии в Кайлас и Тибет и известно как обитель многих Риши, из которых Вияса был составителем Махабхараты, Риши Васишта, который открывал целительные источники, и Капила, который, согласно преданиям, обладал так называемым “оком смерти”, “смертным глазом”. Из тибетских духовных водителей в этой местности жили Миларепа, Падма Самбхава и Гутанг-па. Место, где находится камень, высотой около одиннадцати тысяч футов. Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения. Повсюду рассеяны изображения крестов несторианского и манихейского происхождения.

Ладак, Дардистан, Балтистан, Лахул, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными, сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения остготов и прочих великих переселенцев.

Изображения Ладака, Лахула и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной, бон-по), льва, коней Гессер-Хана, религиозных надписей, чортенов и прочих предметов культа.

Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским бон-по и прочими культами огня, еще более увлекателен по своей

загадочности, по своему любопытному сходству с изображениями друидов, столь интересными при изучении великих переселений народов.

Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведенных в трудах д-ра Франке, 1923) – горный козел, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслоений, от древних (сходных со шведскими halristingar) до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа.

Кроме горных козлов, во всевозможных комбинациях, можно видеть изображения солнца, руки, танцев ритуальных фигур и прочие знаки давнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями заслуживает тщательного изучения, особенно в сравнении со сходными древностями в других странах.

К прочим изображениям нам удалось прибавить еще два, ранее не указанных. В урочище Карга и около самого Кейланга (Лахул) найдены нами изображения мечей, которым я посвятил одну из моих картин и представляю вашему уважаемому обществу. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную веху.

Не забудем, что старый католический миссионер, Одорио де Парденоне, посетивший Тибет в XIV веке, сообщал, что место Лхасы называлось Гота.

Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы аланских построек, так расцветшие в формах “романского стиля”, явившегося источником раннего готического стиля. И Лориус де ла Валле Пуссен сообщает об Ириле и Сите, иноземцах-строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность Ирилы к племени Гаты, что по его заключению означает Готы. Все такие знаки очень полезны в теме о великом переселении народов.

Телеграмма из Леха. Экспедиция Института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Опять предстоят поучительные опыты. Кто же не зажжется чудесами Гималаев?

Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние Гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чем-то, почтительно указывают на это сияние. Ведь оно сверкает оттуда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества.

А вот и редкое изображение самого Великого Гессер-Хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений и все то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-скороходы, отмеченные в подвигах Гессер-Хана. Но стоят они близко, это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдет.

Боги Кулуты

Дело было так. Пришел астролог и рассказал, что будет, и нас посетила почитаемая соседка – богиня Трипура Сундари и сделала выбор, а он затрепетал, побледнел и сказал: “Не все еще завершено, не все закончено. Большие события впереди, и все закончится победой”. И то же подтвердила сестра богини Батаниби. И суровый бог Джамлу, в свою очередь, подтвердил тот же прогноз. Покровитель дома, покрытый сединой Нарсинг, через своего брамина возвестил тоже счастливые новости. И в доказательство истины брамин держал в ладонях своих рук раскаленный обжигающий уголь, который не жег его.

Иногда кажется, что все страны Азии уже описаны. Мы восхищались любопытным племенем Тода. Мы были поражены колдунами Малабарского побережья. Мы уже слышали о нагах Ассамы и необыкновенных обычаях веддов Цейлона. Ведды и пахари Северной Индии всегда отмечаются как самые уникальные племена.

Хотя и много статей уже опубликовано о Северном Пенджабе, где собрано

вместе непостижимое скопление древних горных племен, есть еще отдаленные горцы, которые так мало тронуты цивилизацией, что пылкий наблюдатель постоянно находит интересный новый материал.

Смешение древних раджпутов, сингхов с непальскими и монголоидными горцами дало очень индивидуальный тип, который также создал особую религию – комбинацию индуизма и буддизма.

Священная долина Кулу лежит, скрытая на границе Лахула и Тибета, образуя самую северную часть Пенджаба. Была ли здесь Арьяварша или Арьяварта – сказать трудно. Но самые значительные имена и события собраны в этой благотворной долине. Она называется Серебряной Долиной. Зимой ли, когда снег искрится, или весной, когда все фруктовые деревья покрыты снежно-белыми цветами, долина одинаково хорошо заслуживает свое название.

В этом древнем месте имеется триста шестьдесят богов. Среди них также есть Готама Риши, посвятивший себя буддизму, который, как известно, жил здесь веками. Здесь Акбар Великий, чья статуя находится в храме Маланы, и все учителя и герои, кто мечом, а кто духом выигрывавшие великие битвы.

Деобан, их священный лес, порос столетними деревьями. Ничто не может быть уничтожено в тишине охраняемой рощи. Даже леопарды, медведи и шакалы находятся в безопасности в этом обиталище Бога. Люди говорят, что некоторым из этих охраняемых деревьев более тысячи лет, а некоторым даже две тысячи. Кто просчитал их возраст? Кто знает их начало? И их конец не близок, так могучи необъятные стволы и корни.

Такие же древние деодары окружают храм Махадеви в Манали. Тяжелые валуны, камни, напоминающие огромные монументы, разбросаны по всем горным склонам Гималаев. Около храма видны останки каменных алтарей. Говорят, что здесь боги встречаются во время весенних праздников. В темноте, внутри храма поднимается скала, омываемая доисторическим ручьем. Не здесь ли Ману составил первые заповеди для блага человечества?

На горном склоне над каждой деревней можно увидеть гребень древних гигантских хвойных деревьев или деодаров. Все эти места священные для трехсот шестидесяти богов славной долины Кулу или, как называли ее древние, “Кулута”. Эти места отмечены индийскими пандитами, старыми тибетцами и известным китайским путешественником XVII столетия Сюань-цанем.

В долине Кулу вплоть до наших дней споры улаживаются прорицателями. В святилищах храмов несказуемые святости, которые не позволено созерцать человеческому глазу. Хранитель храма входит в святилище очень редко и всегда с завязанными глазами и выносит один из священных предметов для инициации на короткое время.

Люди горного гнезда Маланы говорят на малопонятном языке, и никто еще до сих пор не определил этот диалект. Они живут своей особой жизнью, и лишь отдельные их представители редко спускаются в долину, чтобы посетить храмы бога Джамлу. В высоких черных конических шапках с длинными серьгами и в домотканых белых одеждах эти горные отшельники идут по снежным узким тропам.

Во время Нового года в Индии вся долина Кулу отмечает праздник. Нам сказали, что богиня Трипура-Сундари выразила желание посетить нас. Триумфальное шествие богини, ее сестры Бхутанты и бога Нага прибыло. Перед нашим домом поставлен длинный ряд многоцветных знамен. Немного дальше – множество барабанов, труб и изогнутых медных рогов. Позже в прекрасно вышитых костюмах, всю дорогу танцуют, с изогнутыми саблями пришли жрецы, гуры, кадари и местные праздничные танцоры. На широком дворе процессия остановилась. Каждый из трех паланкинов богов был покрыт серебряными и золочеными масками. Музыка гремела, пелись песни, и начался дикий воинственный танец с мечами. Подобно кавказским горцам или меченосцам Курдистана, сыны древней воинственной долины бешено, но грациозно кружились в танце.

Затем появился старый браминский жрец. Он взял две сабли у молодых танцоров... Как будто случилось чудо, согбенный старый жрец вдруг наполнился жизнью и, как воин, закружился в диком священном танце. Кривые сабли засверкали. Тупой стороной сабли старик наносил себе воображаемые символические раны. Казалось, будто он перерезал себе горло. Потом

неожиданным движением обнаженная сталь прошла в открытый рот... был ли это старик или юноша, замаскировавшийся седой бородой?

Все это было необычно. Но самое неожиданное было впереди. Танцоры успокоились. Музыканты отошли в сторону. Паланкины богинь были возложены на плечи мужчин, но те, которые несли их, не прикасались к шестам руками. Напротив, казалось, что паланкины толкали их, и они шатались, как пьяные, повинувшись неведомой силе. С паланкинами на плечах они стали двигаться кругами.

Вдруг паланкин, казалось, устремился к выбранному человеку, направив конец шеста прямо ему в грудь. Он содрогнулся, стал бледным, и все его тело задрожало... Изменившимся голосом он выкрикивал пророчества. Но богиня пожелала еще говорить через другого. Снова паланкин повернулся кругом. И снова один был избран и одарен правом говорить. Это был бледный юноша с длинными черными кудрями. Снова затуманенный взгляд, стучащие зубы, трясущееся тело и внушительное провозглашение пророчеств. Новый год был отмечен. Процессия снова выстроилась и вернулась крутой горной тропой в храм, где барабаны будут греметь долго за полночь и где танцоры снова будут кружиться в священных воинственных танцах.

Хорошо, когда боги долины Кулу милосердны.

Что жители Кулу любят больше всего? Танцы и цветы. Мы присутствовали еще на одном танце с мечами. Лезвия мечей, искусно вращаемые, со свистом рассекали воздух вокруг танцующих красочно одетых мужчин,двигающихся локоть к локтю и распеваящих протяжные песни в сопровождении барабанного боя и литавр. На богатых носилках под украшенным балдахином сидел Кришна с голубым лицом в золотых парчовых одеждах. Рядом с ним восседала Радха, а впереди была маленькая Кали, лицо черное, как у нубийки, с длинным красным вытянутым языком. Дети, которые представляли богов, сидели очень серьезно, понимая свое назначение. А вокруг стояла толпа – смешение многих народов: пахари, тибетцы, индусы, ладакцы и многие другие типы горцев с необычными лицами. Все это, казалось, перенесло меня назад, в американское юго-западное Пуэбло, где во время праздников мы видели аналогичные ряды людей с переплетенными руками, которые изображали дождевые облака, сбор урожая и охоту – все, что волнует и радует народ, живущий в контакте с природой.

Во время нашего путешествия мы слышали много об обычаях богов. Мы видели, как китайцы наказывают своих богов, топят их в реке, отсекают им руки и ноги и лишают их достоинства. Самоеды или намазывают своих богов жиром, или порят их. Короче, всякое может случиться даже с богами. Но законный договор, который заключается с богом в долине Кулу, это уже что-то новое. В Библии мы читаем о договорах, заключенных с богами, но, конечно, это делалось без документов о доходах в пользу правительства. Но здесь, в долине Кулу, боги очень близки к жизни и действуют в соответствии с сегодняшними законами страны. Передо мной договор между частным лицом и богом Джамлу, касающийся водоснабжения. Таких письменных контрактов с богами я никогда до этого не видел. Все становится современным, и даже боги подписывают контракты на бумаге с марками.

Но в долине Кулу не только существуют договоры с богами, но есть даже волшебная сказка о золотом петушке. Передо мной документ о продаже старинной крепости, в которой есть особый пункт о том, что предыдущий владелец оставляет за собой право на четвертую часть золотого петуха, захороненного в этой земле. Сказка о золотом петушке!

Гур, жрец при богах, является самым почитаемым во всей долине Кулу. Он одет во все белое, на нем домотканый шерстяной плащ и маленькая шапочка на черных седеющих волосах. У него орлиный нос и сверкающие глубоко посаженные глаза. На нем белые штаны.

Гур восседает на коврике и, закончив жечь благовония, дает каждому из нас цветок как знак благосклонности богов.

Боги очень удовлетворены, – сообщает он нам. Мы не оскорбили их. Напротив, мы даже собрали их изображения около нашего дома, принесли их из старого разрушенного храма. Есть статуя Гуго Чохана верхом на коне, богиня Кали, Риши Картик, Свами Нансиганг, Парбаты и несколько изображений Нарсинга, защитника этого места.

“Скажи нам, гур, ты видел Нарасимху? – спросили мы его. – Мы слышали, что многие люди видели покровителя этих мест”.

До того как гур успел ответить, учитель индусской школы, который присутствовал там, сказал: “Конечно, многие из нас видели Нарасимху. Старый Раджа, который стал покровителем этой долины, бродит ночью около своего бывшего замка и по горным тропам. Все ваши слуги здесь видели лунной ночью, как высокая величественная фигура с длинным посохом спустилась с горы и исчезла прямо перед их глазами... Я сам видел Нарасимху дважды. Один раз в этом самом доме. Покровитель вошел в мою комнату ночью и, прикоснувшись ко мне, хотел сказать мне что-то. Это было так неожиданно, что я испугался, и видение исчезло. Другой ночью я возвращался горной дорогой из замка домой. И я встретил самого покровителя, который сказал: “Почему ты идешь так поздно, когда все уже спят?” Вы можете спросить капитана Б. и жену плантатора Л. Они оба знают о появлении Нарасимхи”.

Старый гур, пожевав тонкими губами, сказал: “Я видел Нарасимху. А также богиню. Она подошла ко мне, как маленький ребенок, и благословила меня на посвящение в гуры. Я был тогда очень молод. У ворот храма я наложил на себя обет поститься и бодрствовать 72 часа. И утром, после того как прошли эти часы, неизвестная маленькая девочка пришла ко мне. Ей было около семи лет, одета в прекрасные одежды, как на праздник, хотя был обычный день. И она сказала мне: “Ты выполнил свое задание. Иди и действуй, как решил!”

Гур много рассказал нам о великих местных Риши: боги в долине живут в процветании. У них много имущества и земли. Без их разрешения никто не может срубить дерево. Боги приходят друг к другу в гости. Многие люди видели богов путешествующими. Иногда они летают, иногда ходят, делая огромные прыжки, опираясь на посохи. Конечно, помимо этого, несколько раз в году они совершают триумфальные шествия в сопровождении барабанного боя и рева труб. В кладовых храмов скрыты богатые одежды, жемчуг, золотые и серебряные маски – все это принадлежит богам.

Жена плантатора Л. рассказывала, что действительно, находясь однажды ночью в наггарском замке, она была разбужена шумом в соседней комнате и на пороге появилась белая фигура среднего роста. Но она очень испугалась, и фигура исчезла, производя такой шум, что две английские леди, спавшие в соседней комнате, тоже испугались. Так же шумно фигура двигалась и в других частях замка. Миссис Л. увидела и другую интересную вещь. На площади Султанпура бежала собака, преследуемая белой прозрачной фигурой.

Брамин в большом желтом тюрбане рассказал нам, как местные боги помогают жителям долины Кулу. “В доме одного человека произошло несчастье, в ужасе он убежал в горы, ища помощи у богов. Три дня он провел в скалах. Кто-то невидимый принес ему пищу и сказал вслух: “Ты можешь возвращаться домой”. Человек вернулся и нашел, что все в порядке. Другой человек ушел в горы Маникаран и уединился в медитации. Неизвестные йоги появились перед ним и окружили его лучезарным светом. С того дня все жители долины следовали за этим человеком, оказывая ему уважение и доверие. Это было около пятидесяти лет тому назад. Если вы хотите попытаться увидеть Риши, поднимитесь в горы к одному из горных озер. Постясь и молясь, поживите там, и, вероятно, один из покровителей появится перед вами”.

Люди Кулу относятся к своим божествам по-дружески. В таких древних местах, как Наггар и Манали, собраны все великие имена. Законодатель Ману дал свое имя Манали. Великий Арджуна чудесным образом проложил проход от Арджунагуфа до Маникарана, куда он ходил к горячим источникам. После великой войны, описанной в Махабхарате, Пандавы пришли в Наггар и выше храма Тхавы построили свой замок, остатки которого видны до сих пор. Здесь, в долине Кулу, жил также Вьяса, составитель Махабхараты. Здесь находится Вьясакунд, священное место исполнения всех желаний. В Баджаура, около реки Беас, стоит храм, связанный с именем Гессер-Хана. Придя со стороны Ладака, великий герой настиг здесь своих врагов и победил их. На этой же реке Беас, называемой в истории Гипатосом, около Манди, остановился Александр Великий. Холм связан с именем завоевателя. На вершине холма лежат руины.

Здесь также по соседству находится знаменитое озеро Равалсар, место, где жил великий учитель Падма Самбхава. Тысячи пилигримов посещают это замечательное место, приходя из-за горных хребтов Тибета, Сиккима, Ладака и Лахула, где процветает буддизм. Из Кулу пришел известный проповедник буддизма Санта Ракшита. Установлено, что Кулу и Манди есть та священная

земля Захор, которая так часто упоминается в древних хрониках. Здесь после преследования нечестивого короля Ландарма были спрятаны самые древние книги. Даже место этих захороненных сокровищ указано приблизительно.

В Наггаре показывают пещеру знаменитого духовного учителя Пахари Баба, который заставил жестокого раджу вести набожную жизнь. Это прекрасное тихое место, спрятавшееся среди густых деодаров и хвойных деревьев. Маленький звенящий ручей, и птицы перекликаются друг с другом. Брамин охраняет священную пещеру, которая сейчас украшена храмом. Главным божеством этого храма является изображение, как называет его брамин, – Тараната. Он выносит изображение из храма, и в нем нельзя не узнать Татхагату, Готаму Будду-Учителя. Таким образом, индуизм горных пахари смешался с его предшественником – буддизмом. В других храмах также можно увидеть, помимо Шивы, Кали и Вишну, изображения Будды, Майтрейи и Авалокитешвары. И все эти памятные изображения отражены в собрании трехсот шестидесяти Риши, защитников и держателей этого благословенного края.

Нельзя не упомянуть, что под именем Трилоканата – Бога Трех Миров – в верхней Кулу, как и в княжестве Чамба и Лахуле, поклоняются Авалокитешваре. Это подтверждается типичными деталями изображений.

На границе Лахула, который тоже является древним бывшим тибетским княжеством, на скалах вырезаны изображения мужчины и женщины девяти футов высотой. Говорят, что таким был рост древних жителей. Любопытно, что в Бамаме, в Афганистане, есть огромные изображения в скалах, которые также связаны с легендой о древних великанах.

Землетрясения в Кангре разрушили многие храмы, но память народа хранит имена героев и учителей. Здесь также возведены памятники разного типа, напоминающие о том, что возможно уже забыто. В Манди и в Кулу вы можете увидеть большую стелу наподобие древних менгиров с поврежденными временем изображениями. Тесными группами стоят здесь гранитные блоки, хранящие какую-то тайну. Что это за тайна? Память о чем они воскрешают? Эти памятники относятся ко всем поколениям местных раджей и показывают количество их жен, которые похоронены живыми вместе с телами их покойных правителей. Против этого жестокого обычая боролся Акбар; иногда объединитель Индии сам мчался на своем коне, чтобы предотвратить жестокий удел невинных женщин.

Камни говорят о прошлом. Но к северу от Кулу поднимаются пики основной цепи Гималаев. За ними лежит дорога на Лахул и Ладак, а главный белый исполин называется Гуру-Гури Дхар – “путь Духовного Учителя”. Эта концепция объединяет всех Риши в великое единое целое, ведя по пути к Высотам.

В Серебряной Долине Великий Пастух призывал к жизни все живые существа серебряными звуками своей флейты. Он зовет к радости. И яблоневые, грушевые, вишневые, сливовые деревья откликаются на призыв буйным цветением. Ивовые деревья раскрывают пушистые цветы, абрикосовые деревья стали сиреневыми. Ореховое дерево покрывается желтым цветом, и, как исцеляющий нектар, течет ароматный живительный сок деодаров.

Под яблонями, покрытыми розовым цветом, вечный Кришна на своей флейте играет свои божественные песни возрождения.

Старинные лекарства

Доктор Бернард Рид занят чрезвычайно полезным делом. С пожелтевших, забытых и часто осмеянных рукописей китайских фармакопей он заново открывает для ученого мира многие факты, к которым в настоящее время привлечено внимание современной науки. Нам особенно дороги труды этого ученого. Много раз мы указывали на необходимость изучения старинных фармакопей и всяких народных средств, прошедших через вековой опыт.

Нас часто высмеивали за это. Некоторые ученые боятся показаться отсталыми и не дай бог потерять хоть один листок из лаврового венка модернизма. Совсем недавно меня обвинили в том, что я поддерживаю отсталые взгляды ученых вместо того, чтобы вкупе с модернистами отвергнуть все, что было создано ранее. Пришлось объяснять, что не все в старинных фармакопеях абсолютно верно и полезно. Мы лишь настаиваем на изучении древних фармакопей как еще одного источника, подтверждающего некоторые выводы талантливых современных ученых.

Уже давно мы слышали о научных исследованиях доктора Бернарда Рида. Несколько лет назад наш друг почтенный Чарльз Крейн рекомендовал этого ученого для сотрудничества с нашими институтами, так оно и случилось. И теперь с возрастающим интересом мы следим за газетами, которые отводят целые столбцы научным исследованиям доктора Рида. Парадоксально, но большинство новейших открытий совпадает с самыми древними источниками! А по-другому быть и не может, ведь благодаря исследованию древних рукописей доктор Рид подтверждает последние научные достижения. Строгие научные выводы очень поучительны для историка, поскольку наглядно подтверждают, как бережно следует прикасаться к прошлому человечества, вобравшему в себя много полезных наблюдений. В такие моменты мы имеем дело не только с цивилизацией, но и с культурой во всем ее многообразии.

Многим покажется, что исцеление, совершенное благодаря ослиной шкуре, овечьим глазам, оленьим рогам, собачьим мозгам, всевозможным травам и т. д., а также всему, на что указано в фольклоре, пустое китайское суеверие и им остается только сожалеть о глубокой вере, коей удостоились столь абсурдные средства.

Однако широкие исследования, проводимые доктором Бернардом Ридом, директором отделения физиологии, и его единомышленниками из института медицинских исследований им. Генри Лестера, могут в значительной степени уменьшить столь популярный в определенных кругах скептицизм.

Задача института Лестера заключается в том, чтобы пробудить в современной западной науке интерес к китайцам, отдать должное уважение их эмпирическим методам познания, лежащим в основе древнекитайской медицины.

Рид выдвинул идею о том, что если некоторыми терапевтическими средствами пользовались на протяжении многих веков не только в Китае, но и в Индии, без учета еще более древних цивилизаций, согласно древним манускриптам, можно с уверенностью сказать, что во всем этом есть рациональное зерно.

Своей работой доктор Рид и его сотрудники пытаются подвести под эмпирические практики рациональную базу, используя для этого высококвалифицированных специалистов и более глубокое понимание законов, устанавливая новые стандарты с учетом собственных расчетов, определяя ошибки и недостатки ассимиляции, и благодаря этому – найти новые пути исследования, которые могут принести современной медицине ценные результаты.

Доктор Рид работает над этим в Китае в течение тридцати лет, и его труды увенчались успехом: масло чалмугры и эфедрин впервые изготовлены в пекинской лаборатории, и это лишь один из его серьезных вкладов в медицину. В настоящее время, имея прекрасные условия работы в шанхайском институте им. Лестера, куда он приехал два года назад, чтобы возглавить отдел физиологии, появятся еще более ценные результаты по китайской Materia Medica и обогатят современную науку. В настоящее время огромное количество местных китайских лекарств и пищевых продуктов исследуется на химический состав и содержание витаминов.

Необычайно широкое применение в Китае выпаренной ослиной шкуры, называемой “ах-чиао”, как восстановителя крови и средства, останавливающего внутреннее кровотечение, как общего питательного средства для больных, особенно страдающих туберкулезом, привело к исследованию ее химических и физиологических свойств. Доктор Т. Ж. ни обнаружил, что шкура содержит большое количество глицина, цистина, лизина, аргенина, хистидина. Назначенная для приема внутрь, она улучшает поглощение нитрата кальция и повышает содержание кальция в крови. Вытяжка “ах-чиао” применяется внутривенно и признана эффективным средством для восстановления слабого кровообращения после кровоизлияния и шока. Продолжается дальнейшее исследование ее воздействия при мышечной атрофии. В Ханчжоу только в одном магазине было продано ослиных шкур на четверть миллиона долларов.

Исследование питания показало, что большое количество людей питается недостаточно, и это может привести к скрытой или открытой форме цинги. В древнекитайской медицинской практике такие симптомы, как слабость в коленях и общая апатия, лечились различными средствами, в зависимости от наличия витамина С. На шанхайских базарах и в окрестностях города было закуплено сто двадцать видов готовых продуктов питания и лекарств, которые были

подвергнуты исследованию на содержание витамина С. Полученные результаты изложены в докладе Йох-Фонг-Гхи и доктора Рида, посвященном памеле.

В цитрусовых плодах памелы было обнаружено повышенное содержание витамина С, что превосходило его количество в грейпфрутах и различных сортах апельсинов. Интересные данные получены при исследовании многих видов листьев, используемых в лечебных целях, таких, как одуванчик, тутовые ягоды, настурция, тополь, пастушья сумка, амарант. Зеленый амарант, мало известный иностранцам, в большом количестве произрастает в стране и имеет высокое содержание витамина С, а по содержанию кальция и железа он превосходит шпинат. Наличие большого количества витамина С в иве, листьях тополя и пастушьей сумке способствовало их применению в древней медицине.

Доктор Рид утверждает, что древнекитайская медицина нуждается в серьезном изучении, прежде чем ученые-ретрограды и модернисты произнесут о ней свое суждение. Как исторический источник она имеет ценность и для антрополога, и для натуралиста, и для физиолога. При изучении ее находим огромное количество честных сведений о китайской фауне и флоре, некоторые виды которых употреблялись в качестве пищи и лекарств, и это требует серьезных исследований.

В китайском классическом трактате о продуктах питания Пен Тзао Канг Му указывается на чрезвычайно токсичные вещества, содержащиеся в гибриде аниса и ядовитой теродентовой рыбе, а также на лечебные свойства апельсинов, желатина и лакрицы. Таким образом, на практике нет различия между продуктами питания и лекарствами. Многотомная литература по древнекитайской медицине охватывает все естествознание и замечательные тысячелетние наблюдения.

Доктор Рид понимает, что независимо от прикладного значения китайская медицина нуждается в большем осмыслении и доброжелательном отношении со стороны современной науки. Нужно заставить общественность поверить в нее. В Азии необходимо широко применять научные методы, чтобы люди смогли оценить значение древней медицины и подняться до понимания новейших достижений современной, а также ощутить их взаимосвязь.

“Следует отметить, – пишет доктор Бернард Рид в докладе “Новейшая фармакология и древняя медицина”, – что современная британская фармакопея использует только девять субстанций животного происхождения, почти все из которых так же совершенно безвредны, как жир и воск. В то время как современная медицина изучает печень, желудок, содержание витамина А в глазах, адреналин и т. д., полезно узнать, что для лечения в древней медицине применялись многие ткани животных”.

В докладе доктор Рид приводит таблицу, в которую включены 26 органов от шести домашних животных, применявшихся в древнекитайской медицине. К этим животным относятся: корова, лошадь, свинья, цыпленок, овца и собака.

При укусах бешеной собаки к ране прикладывали мозг того же животного. Здесь прослеживается связь с современной методикой Пастера, достойная изучения.

Из бархатистых рогов северного оленя и особей другого вида готовят порошкообразное лекарство, высоко ценимое китайцами. Последние исследования русских ученых показали, что в нем присутствует мужской половой гормон.

Радужка и хрусталик глаза овцы применялись при слабом зрении и конъюнктивитах. Глаза ястреба, попугая и макрели назначались при слепоте. Недавно Уолд выделил витамин А из радужки овец, свиней, крупного рогатого скота и лягушек.

В древнекитайской медицине печень свиньи предписывалась от слепоты, бери-бери и т. д., а недавно обнаружили, что она богата витаминами А, В, С, D и Е. Подобных примеров можно привести множество. В качестве примера лечебной травы приводится пастушья сумка, которая была забыта из-за отсутствия видимого эффекта, но в которой, как оказалось, в достаточном количестве содержалось три вида витаминов, что оправдало ее применение при лечении некоторых болезней.

Народные средства, претендующие на повышение рождаемости, часто ассоциируются с магией. Но доктор Рид уверен, что при расширении объема научных исследований в данной области придет и разгадка, однако все

Перих Н.К. Химават filosoff.org
претензии должны быть тщательно изучены.

Некоторые люди страдают от недостатка йода в организме. Много веков назад в Китае уже использовали морские водоросли для лечения щитовидной железы. До сих пор доверяют этим старинным лекарствам, оказавшимся столь эффективными.

По словам доктора Рида, можно сослаться на многие другие лекарства, но и так уже достаточно процитировано, чтобы понять: наука может развиваться, устремляясь вперед к будущему и возвращаясь назад к прошлому. Можно постичь самый выгодный путь развития, изучая страницы древней эмпирической медицины, но для этого ученому, как никому другому, следует держать ум открытым, с помощью современного знания и современной технологии и, главное, без предрассудков изучать обычаи наших предков, которые так же, как и мы, боролись за жизнь против смерти и болезней.

В Китае сохранились удивительно точные записи человеческого опыта в области медицины за прошедшие тридцать – пятьдесят веков. Это не собрание божественных откровений, а эмпирические открытия, которые до настоящего времени просеивались через слишком крупное сито науки прошлого столетия.

Таким образом, ничего не разрушая, без оскорбительных насмешек можно открыть новые полезные возможности, доступные всем. Многолетний опыт доктора Рида доказывает, что если ученые следуют путем честного доброжелательства, перед ними откроется многое из того, что останется скрытым от злого сомневающегося глаза. Честное исследование и самодовольный скептицизм – две абсолютно противоположные вещи, а путь подозрительного неверия темен и извилист.

Во всех древних рукописях можно найти лекарства, достойные тщательного изучения. Частицы истины неоспоримы. Порой формулы древней мудрости выглядят загадочно для поверхностного исследователя, но если эти иероглифы изучать серьезно без предвзятостей, то истина обнаружит себя.

Путь отрицания – это путь невежества. Новейшие открытия подтверждают непрерывность человеческой мысли на протяжении всех веков. Формулы стремления сохранить у определенных людей ценные знания. Не будем порицать такую предосторожность, ибо сказано: “Не бросайте жемчуг перед свиньями!” По-разному следовали этому завету. “Нет пророка в своем отечестве”. – Эта печальная истина также была дана не без благого умысла будущему человечеству.

Наступит время, когда во всех сферах жизни невежественное, самодовольное отрицание будет вытеснено светлым, не омраченным предубеждением исследованием. Порадуемся каждому благосклонному исканию – в нем истинное доброжелательство!

По цветущим нагорьям Гималаев все еще бродит великий аюрведист Гуру Чарака. Светлая мудрость знает, какое бесчисленное множество ценных лекарств дано человечеству.

Нет ни прошлого, ни будущего, ни старого, ни нового для вечно дарующей жизнь Панацеи.

Приветствия Великому Мастеру!

Доктор Абаниндрат Тагор!

Так мало радости суждено обремененному человечеству в текущие дни Армагеддона. Среди неизменных ценностей Искусство занимает преобладающее положение. Воистину, мы благословляем всех, кто, несмотря на трудности, собирается и творит во имя Красоты. Они знают, что эта творческая работа дает жизнь великому Возрождению их Родины.

Это наша прекрасная обязанность – выявлять этих истинных героев народа. Грядущее поколение должно хорошо знать, кому оно обязано своим расцветом и почему оно имеет счастливые возможности пользоваться всеми достижениями и творениями.

Жизнь художника нелегка. Но вечная битва делает эту жизнь прекрасной. Восемнадцать лет я связан с Индией, но уже задолго до этого я почувствовал

истинность и неоспоримую силу ее растущего самоопределения. И сейчас, глядя на чудесное развитие индийского искусства, такого многообразного, я вижу, насколько оправдано было мое первое впечатление.

Как величественный маяк возвышается доктор Абаниндранат Тагор, как гуру чистой Школы Искусства. Он освящает лучших современных художников Индии. Своим неутомимым примером он открывает врата блистающему будущему.

Чувства, заложенные в его картинах, в их образном неподдельном ритме, полны поэтического символизма. Кажется, что его произведения говорят о своем творце: “Мы – гимн его руке и сердцу”.

Мои братские приветствия доктору Абаниндранату Тагору.

Строитель

Может ли сеятель наверное знать, как уродится его посев? Налетит ли град, достанет ли коней, чтобы вывезти данную жатву? Сеятель может лишь предполагать, но знать ему не дано. Бодрость и настойчивость даны ему в проведении каждой новой борозды пашни. Знает сеятель сроки посева и спешит не упустить их даже в одном лишь предположении.

Строители чудных храмов и твердынь не знали, будет ли им дано завершить их. Но все-таки твердо-уверенно полагали они их основание и возводили, пока хватало сил и возможностей. Иногда лишь в веках завершалось строение, но зачинатели новых основ не огорчались этим и не остывали в своем строительном рвении.

Созидание есть молитва сердца. Посев есть потребность духа. Если усомниться и заранее огорчиться всеми опасностями, невозможными для будущего урожая, то ведь это будет не жизнь, но горчайшее непотребство. Если сломить дух невероятием завершения строения, то ведь это будет отступление и одичание.

Писатель вдохновляет неведомых ему читателей. Певец слагает свои лады для незнаемого ему слушателя. Творец шлет свои достижения на потребу и радость мира. Для себя или для мира поет птица? Не сможет не петь она каждое утро. Не боясь хищника, свивает в сужденный срок птица гнездо свое.

Строитель должен созидать. Он не может жить без строительства. Созидание есть его песнь, его молитва, его труд сладчайший. Строитель слагает основание твердынь, и храмов, и хранилищ, не ослабляя себя мыслью, кто и когда завершит кровлю здания. Строитель не упустит сроков начала, зная о росте зерна.

Разве остановит строителя неуверенность в средствах для кровли? Зерно растет, и с ним растет все окружающее. Корабль не знает всех возникающих по пути его вихрей и тем не менее вовремя распускает потребные паруса. Если мы просмотрим историю всяких строений, то именно поразимся, как возможности нарождались вместе с возведением стен и башен.

И творцу, и кормчому, и строителю незнакома боязнь. Не окрепнут основы в страхе и трепете. Семя мало, но уже имеет в себе весь запас роста, и цветения, и благоухания. Семя даст и следующие семена. Сеятель не боится сеять; строитель не страшится созидать, лишь бы сердце знало неотложную нужность пашни и строения.

Для всякого начала нужно малое семя. Учить можно и в очень малом доме. Творить можно и в тесном углу. Охранять можно и в самом скромном доспехе. В каждом стремлении к созиданию будет искание и жажда нового совершенствования. В этих поисках – основа жизни. Ее крепость слагается неудержимым стремлением к достижению. Конечно, достижения эти и целесообразны, и соизмеримы.

Не будут прочными так называемые вавилонские башни, когда в основе лежит лишь превосходство. Истинный строитель стремится к совершенствованию, но ему чужда мысль о том, чтобы лишь превзойти что-то. Истинный строитель прежде всего и соизмеряет, чтобы создания его пребывали в пропорциях нужных и своею гармонией лишь увеличивали бы созвучия эпохи. Строитель понимает, что такое эволюция и вечное спиральное движение в своей беспредельности и непрерывности.

Всякое несоизмеримое уродство будет противно строителю. Чувство гармонии, соизмеримости является отличительным качеством истинного строителя. Нельзя обучить человека этим врожденным созидательным пропорциям и предвидениям. Если эти качества уже заложены, но бездействуют – их можно разбудить. Сон качеств нарушается самыми неожиданными способами, иногда совершенно негаданными и нереченными. Мудрые собеседования, поиски расширенных горизонтов, искусство мышления могут разбудить в тайне сохраненные, созидательные потребности. Всеми доступными средствами нужно вскрывать эти тайники, сокровища которых могут приносить человечеству истинную пользу.

Так же точно нужно развивать в себе и сознание, насколько прочное древо вырастает всегда из зерна малого. Сколько раз пытались сажать в землю уже взрослые, большие деревья, и почти никогда эти несоизмеренные посадки не давали прочных последствий. Но чтобы осознать целесообразность посадки из зерна, нужно духом понять и полюбить всю чудодейственную мощь этого зерна.

Наблюдение и исследование зерен вызовет необычайное размышление. Даже доподлинно зная, какие гиганты вырастают из мельчайшего зерна, ум человеческий всегда запинается об это чудо. Как это возможно, чтобы в мельчайшей оболочке уже сохранились все формы будущего строения, все его целебные и питательные свойства? Строитель должен думать над этими зёрнами, из которых так мощно и целесообразно вырастает все будущее древо на многие века.

Нельзя откладывать строителю его строительные мысли, пока механически соберутся все средства выполнения. Нужно помнить, что средства растут вместе с процессом созидания. Если средства как бы иссякают до окончания строения, это лишь значит, что где-то новые запасы уже выросли, уже сложены, и надо их лишь усмотреть.

Дело строителя должно быть делом веселым. В сердце своем он знает здание свое законченным. Чем полнее и глубже сознает строитель это завершение, тем радостнее путь. В существе своем строитель уже не может быть эгоистом, ибо ведь не для себя же он строит! Строитель прежде всего понимает смысл образовательного движения, и потому в мышлении своем он не может быть недвижимым.

Каждая неподвижность уже есть смерть, уже есть предвестник разложения и распада. Так же точно каждое созидание есть предвестник жизни. Потому-то при каждом решении строителя возникает прилив новой энергии. То, что казалось непереносимым вчера, становится легким, когда утвердится мысленно надобность нового построения. Поистине, в каждом новом построении выявляется прекрасное.

Разнообразны строители. Касаются всех земных пределов. Пусть это творческое разнообразие хранится, ибо и в самом великом творчестве прежде всего несчетное разнообразие. Везде, где есть хотя бы зачаток строительства, там уже будут оживляться пустыни. Помимо всех материальных пустынь, самыми грозными остаются пустыни духа. Но каждый строитель уже будет оживителем этих самых грозных пустынь.

Шри Рамакришна

Мы в монгольской пустыне. Жарко и душно было вчера. Вдали громыхали грозные тучи. От подъема на каменистое ширет обо наши друзья приустиали. Уже направляясь к стану, мы заметили вдалеке огромный вяз-карагач, возвышавшийся среди окружавшей пустыни. Размеры дерева, его какие-то знакомые нам очертания повлекли к нему. Ботанические соображения подсказывали, что в широкой тени одинокого великана могут быть нужные нам травы. Скоро все присутствовавшие собрались у двух мощных стволов карагача. Тень его, густая-прегустая, раскинулась более чем на пятьдесят футов. Мощные стволы выросли причудливыми наплывами. В богатой листве щебетали птицы, а мощные ветви протянулись во все стороны, как бы желая приютить всех проходящих.

На песке вокруг корней запечатлелись самые разнообразные следы. Рядом с широким волчьим следом отпечатались тоненькие копытца дзерена – местной антилопы. Тут же прошел и конь, а рядом с ним осталась тяжелая поступь быка. Наследили разные птицы. Очевидно, все местное население приходило под радушную листву великана. Особенно напомнил нам вяз-карагач раскидистые баньяновые деревья Индии. Каким местом благословенного схода служили такие

деревья! Сколько путников под ними получало отдохновения и телесные, и духовные! Сколько священных повествований запечатлевалось под ветвями баньяна! И вот одинокий гигант карагач в монгольской пустыне живо перенес нас под сень баньяна. Мощные ветви карагача напомнили нам и о других могучих восхождениях Индии. Какая радость помыслить об Индии!

Подумалось о светлом гиганте Индии, о Шри Рамакришне. Около этого славного имени столько самых почтительных определений. И Шри, и Бхагаван, и Парамаханса – словом, все, чем народный глас хотел бы оказать свое почтение и уважение. Иногда народ присваивает наиболее почетное имя. Наконец, поверх наипочетнейших, остается одно имя, распространившееся по всему миру – Рамакришна. Имя личное уже обратилось в целое всенародное, всемирное понятие. Кто же не слышал этого благословенного имени? К нему так идет слово о благе и щедрости. Кроме самых черствых сердец, какое же человеческое сознание будет противоборствовать благу?

Вспоминаем, как выросло в разных странах познание светлого учения Рамакришны. Вне злобных пререканий, вне взаимоущемлений, слова о благе, близкие каждому человеческому сердцу, широко распространялись, как могучие баньяновые ветви. На путях человеческих исканий как маяки вставали эти зовы о добротворчестве. Мы знаем и не раз слышали, как “случайно” искренние и ищущие находили книги учения Рамакришны. Мы сами замечательно нашли эту книгу.

Сотни тысяч, до миллиона людей сходятся вместе в памятный день Благословенного Бхагавана. Сходятся в благожелании, поистине добровольно и обновляются добрыми воспоминаниями и устремлениями. Это замечательное выражение гласа народа. Это народный суд, народное почитание, которое нельзя понудить и заставить. Как лампы засветляются одна от другой – и неистощим огонь, так и такое народное почитание не меркнет и светит через все дни современных мировых смятений.

А ведь много смятений сейчас. Казалось бы, смущен и отвлечен дух народный от основ духовных. Справедливо часто слышится плач о потрясении основ. Но этот миллион сошедшегося народа разве не является живым доказательством того, что поверх смущений дня сегодняшнего живет неиссякаемая духовность и устремление ко благу. Мы оптимисты, и благожелательность преодолевает все препятствия.

В жаркий и душный день, не убоясь расстояний, сходятся путники почтить память Рамакришны. Разве это не замечательно? Не формальная обязанность сводит воедино всех этих разнообразных путников. Чистосердечное благое устремление повелительно приводит их к местам, запечатленным именем Рамакришны. Ведь это для наших дней так необычайно ценно. Необычайно, что среди тяжких трудов, среди сомнений, среди поникновений люди все-таки могут вспыхивать огнем светлым. Сердце их зовет сойтись вместе. Не толкаться, не буйствовать, не разрушать, но слиться единой мыслью о благе.

Великую силу имеет объединенная благая мысль. Как же должно ценить человечество те светлые явления, которые являются побудителями этих объединительных, мощных и созидательных мыслей? Мысль о благе будет прежде всего творяща. Благо не разрушает – оно созидает. Словами блага выясняются те вечные основы, которые заповеданы человечеству на всех лучших скрижалях. Призыв Благословенного Бхагавана к творящему благу навсегда останется великим духовным наследием человечества.

В дни потемок особенно драгоценен свет. Пусть вечно охранится Свет! В своих притчах о благе Рамакришна никогда никого не умалил. И не только в учении, в притчах, но и в самих деяниях своих Рамакришна никогда не допустил умаления. Вспомним его отношение ко всем религиям. Ведь такие понимания тронут самое окаменелое сердце. Широко чувствовавший Бхагаван, конечно, обладал многими чувствознаниями. Дар исцеления он, в свою очередь, отдавал широко. Он ничего не оставил под спудом. Он исчерпывал свои силы в благословенных отдачах. И болезнь его – конечно, через эту отдачу духовной энергии для излечения людей. Но и в них, этих несчетных благородных отдаваниях, Рамакришна явил нам меру свою.

В разных частях света почитается имя Рамакришны, почитается и Свами Вивекананда, который явил лик истинного ученика. Имена Рамакришны и Вивекананды, прославленной когорты их последователей, тоже останутся на самых замечательных страницах истории духовной культуры Индии. Не только

так свойственная Индии глубина мышления, но именно всенародно проявленное свидетельство Гуру и челы – ведь это должно так многим напомнить о чем-то очень основном. Проходят века, сменяется качество цивилизации и культуры, но Учитель и ученики останутся в том же благом соотношении, которое издавна было преподано в Индии. Много веков тому назад были записаны слова мудрости. Но сколько же тысячелетий до этого они жили в устной передаче. И как ни странно сказать – в передаче, может быть более сохраненной, нежели даже иероглифы свитков. Умение сохранить точность тоже истекает из окрепшего сознания о совершенствовании в применении чудесных камней прошлого для нового светлого будущего.

Не только неуывадаемая ценность учения о благе, сказанного Рамакришноу, но именно нужность этого слова и для современности является несомненной. В то время, когда духовность, как таковая, начинает очень часто вытравляться неправильно понятыми формулами, тогда светлое созидательное утверждение особенно драгоценно. Стоит лишь справиться о цифрах изданий миссий Рамакришны. Стоит лишь вспомнить все то огромное количество городов, в которых люди собираются вокруг этого зова о благе. Цифры эти не нуждаются ни в каком преувеличении. Нет неестественной нервности или преднамеренности в происходящих тихих и мысленно углубленных собраниях. Ведь это тоже одно из ближайших свидетельств истинной строительности. Все глубоко осознаваемое не в шуме и в смятении творится, но нарастает планомерно, в высшей соизмеримости.

Мысли о благе, так щедро преподанные Рамакришноу, должны пробуждать и благую сторону сердец человеческих; Ведь Рамакришна не отрицатель и не нарушитель. Он строитель во благе, и почитатели его должны открыть в тайниках своих истинное добротворчество. Деятельно это добротворчество. Естественно претворяется оно в творчество на всех добрых путях. Собираясь к памятному дню Рамакришны, люди не боятся пыли дорожной, не уstraшаются зноя, изнуряющего лишь тех, кто не проникся стремлением ко благу, к великому служению человечеству. Служение человечеству – велик этот завет Рамакришны.

Чтим Учителя!

Я вспоминаю маленького индуса, познавшего Учителя. Мы спросили его: “Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?”

Мальчик улыбнулся: “Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!”

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя.

Толстой и Тагор

“Непременно вы должны побывать у Толстого”, – гремел маститый В. В. Стасов, директор Славянского отдела Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. Разговор происходил во время моего визита к нему после окончания Академии художеств, в 1897 году.

“Что мне все ваши академические дипломы и отличия. Вот пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники. Вот это будет признание. Да и “Гонца” вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймет, с какой такой вестью спешит ваш “Гонец”. Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Еще и Илья (скульптор Гинцбург) едет. Непременно, непременно едем”.

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улегся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идет длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая эпика “Китеж града” по сердцу.

“Вот погодите, сведу я вас с Толстым, поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от нее”, – грозит Стасов Римскому-Корсакову.

Именно в это время много говорилось о толстовских “Что есть искусство?” и “Моя вера”. Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небылицы о Толстом и его жизни. Любителям осуждения и сплетен предоставлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом

граф Толстой может пахать или шить сапоги. Распространялись нелепые слухи о так называемом безбожии Толстого. Но клеветники замалчивали то, что безбожник никогда не смог бы написать прекрасную притчу о трех отшельниках.

К сожалению, у меня нет под рукой дословного текста этого рассказа, но все, кого притягивает великая личность Толстого, могут ознакомиться, по крайней мере, с кратким содержанием.

На одном острове жили три старых отшельника. Они были настолько простодушны, что их обычная молитва звучала так: “Нас трое – Вас трое – Помилуйте нас!” И великие чудеса совершались во время их простой молитвы. Случилось местному епископу услышать об этих отшельниках и их неприемлемой молитве, и решил он поехать и научить их молитве канонической. Он прибыл на остров, объяснил отшельникам недостойность прежней молитвы и обучил их множеству принятых молитв, затем епископ отплыл на корабле. И увидел он, что по морю за кораблем следует облако света. И когда сияние приблизилось, он разглядел трех отшельников, которые держались за руки и бежали по волнам, торопясь догнать корабль. Приблизившись, они попросили епископа: “Мы забыли молитвы, которым ты учил нас, и просим повторить их еще”. Когда епископ увидел такое чудо, он сказал отшельникам: “Живите с прежней молитвой”.

Может ли отрицатель бога так удивительно изобразить отшельников, достигших просветления в наивной молитве? В действительности у Толстого, великого искателя, все главное и истинное находилось рядом с сердцем.

Также у всех в памяти его “Флоды просвещения”, наполненные сарказмом по поводу невежественных толкований спиритических сеансов. В этом некоторые хотели бы усмотреть отрицание Толстым всей метафизической сферы. Но великий мыслитель бичует только невежество.

Его эпические “Война и мир”, “Анна Каренина” и многие другие произведения и притчи являют широкий охват психологии в ее наивысшем понятии. Да, в пылу дискуссии Толстой может утверждать, что непритязательный народный танец для него равновелик высочайшей симфонии. Но если кому приходилось быть свидетелем глубокого воздействия на Толстого именно симфонической музыки, для того совершенно ясно, что его парадоксы вмещают нечто гораздо более тонкое и обширное, чем то, что в его собственных толкованиях на виду у публики. Толстой, великий учитель, перед самым концом отправился в Оптину Пустынь, и не этот ли высокодуховный поступок явился замечательным апофеозом его прекрасной жизни!

На следующее утро после приезда в Москву мы отправились в дом Толстого в Хамовниках. Каждый вез какие-то подарки. Римский-Корсаков – свои новые ноты. Гинцбург – бронзовую фигуру Толстого. Стасов – какие-то новые книги, а я фотографию с “Гонца”.

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделенные от улицы двором, всю эту атмосферу просвещенного быта, тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Все было такое простое и вместе с тем утонченное. Встретила нас графиня Софья Андреевна, жена великого мыслителя. Разговором завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе – “толстовке”, и навсегда осталось первое впечатление от его излучающего свет облика.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал – величие. Но такое слово не полюбили бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. Но против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Его лицо называли простым. Это не совсем так: у него было значительное, типично русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших недалеко от города. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, но, наоборот, выявление мощной, спокойной мысли. Индия ведома такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинцбурга, сделал несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав,

полагая, что “Гонец” не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине мой гонец спешил в ладье к древнему славянскому поселению с важной вестью о том, что “восстал род на род”. Толстой говорил: “Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет”. Я часто вспоминал этот совет Толстого. Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить мое внимание в сторону народа. “Умейте поболеть с ним” – такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день.

На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: “Ну, вот теперь вы получили настоящее звание художника”.

Изумительная жизнь Толстого – это жизнь великого писателя и великого учителя света. Вехи его жизни лишь углубляют народное признание. И когда произошел разрыв с церковью, именно ему принадлежало безраздельное сочувствие народа.

Кроме того, опубликованы многочисленные работы Толстого, повсюду в России распространены запрещенные очерки и письма. Шепотом обсуждались причины и последствия отлучения Толстого от церкви, ходили слухи о его тайной встрече с царем. Также обсуждались пророчества Толстого – после широкого оповещения в прессе некоторых удивительных прогнозов. В своих предсказаниях писатель уже предвидел великую войну и другие общеизвестные события.

Внимательно принималось все новое, что говорил Толстой, словно могучая толстовская мысль властвовала над официальной. Наряду с глобальными утверждениями о непротивлении злу, о всечеловеческой любви, о подлинной всеобщей культуре, встречались такие проникновенные описания, как, например, смерть дерева. Индия особенно оценила бы по-настоящему истинные слова, вмещающие глубокую мысль о вездесущности жизни. Словами одной из своих героинь, Наташи, Толстой восклицает: “Да, я думаю, что мы спешим, и, думаю, мы спешим домой. Но лишь Бог знает, куда мы движемся в такой темноте. И, возможно, мы дойдем, и очутимся не в Отрадном, а в волшебном царстве. И я думаю...”

Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шел за сохой, как истинный Микула Селянинович древнерусского эпоса, и когда он, подобно Беме, тачал сапоги, вообще искал случая прикоснуться ко всем фазам труда. Без устали разбрасывал этот сеятель жизненные зерна, и они крепко легли в сознание русского народа. Бесчисленны дома имени Толстого, толстовские музеи, библиотеки и читальни его имени. И разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину на маленьком полустанке железной дороги? Удивительный конец великого путника! Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту даже не поверила. Помню, как Елена Ивановна первая принесла эту весть, повторяя: “Не верится, не верится! Точно бы ушло что-то от самой России. Точно бы ограничилась жизнь”.

Я сейчас записываю эти давние воспоминания, а под окном от самой земли и до самого неба, через все пурпуровые и снеговые Гималаи, засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба! Знак благословения от небес земле.

Также именно Елена Ивановна принесла и совсем другую весть. Не раз доводилось ей находить в книжных магазинах нечто самое новое, нужное и вдохновительное. Нашла она и “Гитанджали” Тагора в переводе Балтрушайтиса. Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. До этого о Тагоре знали в России лишь урывками. Конечно, прекрасно знали, как приветственно имя Тагора во всем мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, еще не было случая прикоснуться.

“Гитанджали” явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получилось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь, кроме подлинного таланта. Таинственно качество

убедительности. Несказуема основа красоты, и каждое незагрязненное человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветлый отклик о душе народной внес Тагор. Какой такой он сам? Где и как живет этот гигант мысли и прекрасных образов? Исконная любовь к мудрости Востока нашла свое претворение и трогательное звучание в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди, самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта. Как под прекрасным куполом храма, как в созвучиях величественной симфонии, победительно соединяла сердца человеческие вдохновенная песнь. Именно так сказал сам Тагор в своем “Что есть искусство?”

“В искусстве наша внутренняя сущность шлет свой ответ наивысшему, который себя являет нам в мире беспредельной красоты, поверх бесцветного мира фактов”.

Все поверили, и верят, и знают, что Тагор принадлежит не к земному миру условных фактов, но к миру великой правды и красоты. Прочно зародилась мечта: где бы встретиться? Не доведет ли судьба и здесь, в этом мире, еще увидеть того, кто так мощно позвал к красоте-победительнице? Странно выполняются в жизни эти повелительные мечты. Именно неисповедимы пути. Именно сама жизнь тклет прекрасную ткань так вдохновенно, как никакое человеческое воображение и не представит себе. Жизнь – лучшая сказка.

Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэттеррас в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно “Сны Востока”. Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное.

На обеде Мирового Объединения Верований в 1934 г. в Нью-Йорке доктор Кедарнат Дас Гупта обрисовал нашу первую встречу с Тагором следующими словами: “Это произошло около 14 лет назад в Лондоне. Тогда я навел на Рабиндраната Тагора и он сказал: “Сегодня я хочу доставить Вам огромное наслаждение”. Он привел меня в Южный Кенсингтон в квартиру Рерихов, заполненную великолепными полотнами. Пока мадам Рерих показывала картины, я думал об одном прекрасном понятии Востока: пракрити и пуруша, проявление мужского через женское. Я навсегда запомнил эту встречу”.

Таким же незабываемым и для нас осталось это явление Тагора, со всеми проникновенными речами и суждениями об искусстве. Незабываемым осталось и его письмо, насыщенное впечатлениями нашей встречи. Затем встретились мы и в Америке, где в лекциях поэт так убедительно говорил о незабываемых законах красоты и человеческих взаимопониманий. В суете левиафана-города слова Тагора иногда звучали так же парадоксально, как и волшебная страна Толстого. Тем больше был подвиг Тагора, неустанно обходившего мир с повелительным зовом о красоте. Сказал поэт: “Цивилизация ждет великого завершения выражения своей души в красоте”. Можно цитировать неустанно из книг Тагора его моления и призывы о лучшей жизни, такие легко выполнимые в непреложной стране самого поэта.

Разве далеки от жизни эти зовы? Разве они лишь мечты поэта? Ничуть не бывало. Вся эта правда во всей своей непреложности дана и выполняма в земной жизни. Напрасно невежды будут уверять, что мир Тагора и Толстого утопичен. Трижды неправда. Какая же утопия в том, что нужно жить красиво? Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и напитывать все окружающее просвещением? Ведь это все вовсе не утопия, но сама реальность. Так же, как реальна доступная помощь везде и во всем. Если бы хотя в отдельных, притушенных искрах не проникал в потемки земной жизни свет красоты, то и вообще жизнь земная была бы невысказана. Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят напоминание о вечных основах жизни. Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразие, что упущено будет каждое живое дыхание.

Страшно проклятие безобразия. Ужасно гонение, которое во всех исторических эпохах сопровождало истинное искание и познание. Когда невежда предписывает свой канон, это равносильно воцарению бессмыслицы и слабоумия разрушения. Велик дар Толстого и Тагора человечеству. Не эгоистичные скряги, но самые щедрые дарители дают и дают нескончаемо. Расцветает

подлинной культуры жаждет сердце Тагора. Шантиникетан – твердыня просвещения, навсегда связанная со множеством великих имен. Многие художники и деятели культуры Индии, вместе с зарубежными сотрудниками разделяют идеи Шантиникетана.

Не легко возделывать поле Культуры. Нередко люди полагают, что итог грандиозных исторических свершений всегда увенчан лаврами. История иногда увековечивает целые эпохи преодолений всего несколькими жгучими словами. Но как много шипов встретилось на пути, и сколько бесценных сил потрачено, чтобы сложить ступени человеческих достижений поверх всех помех, вражды и невежества. Тем радостнее свидетельствовать, как ценны плоды посева Тагора. В лице Тагора мы видим замечательный синтез мыслителя, поэта, барда, художника и учителя жизни. Из глубин веков слышна весть о возможности такого слияния счастливых достижений. И когда здесь, на нашей terra dolorosa, “земле печали”, перед собственными глазами подобное явление предстает всем нападкам хаоса, поистине, для нас открываются новые возможности. Благодарностью полнятся сердца свидетелей вдохновенного подвига. Не требуют признательности гиганты мысли. Но она нужна космосу как строительный материал сияющего будущего.

Не назвать ту грань Культуры, которую бы не затронул Тагор. Разносторонне образованный, творческий и созидатель, Тагор не просто благодетелен, но действительно найдет совет помощи. И естественно для Рабиндраната Тагора сердечной созвучать пакту защиты сокровищ мировой культуры. Чей дух сможет трепетать с большим жаром, охраняя плоды созидания? Тагор знает трудности настоящего. Он остро ощущает, сколько злобы и ненависти нависло сейчас над миром. Тагор знает не по газетам, но всем своим чутким сердцем, какие мировые опасности встают в наши армагеддонные дни. Тагор не скрывает этих опасностей. Как всегда, смело, он говорит о вопросах мира и просвещения. Можно себе представить, сколько шипения где-то раздастся о его призывах о мире.

Последнее его письмо, полученное недавно, с болью отмечает мировое положение: “Мой дорогой друг. Проблема мира сегодня является наиболее серьезной заботой человечества, и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе со все возрастающей яростью. Безобразное проявление обнаженного милитаризма повсюду предвещает злое будущее, и я почти теряю веру в самую цивилизацию. И все же мы не можем сложить наши устремления – это только ускорило бы конец”.

Великий поэт сердцем чуял беду теперешнего смятения. Мыслитель знает, что каждый работник Культуры храбро оборонит свой пост и пожертвует собой в защите сокровищ мира. И в этом самопожертвовании также ясно проявляется знамя служения человечеству Толстого. Как Толстой никогда не был политиком, так и Тагор стоит несокрушимо могучим учителем жизни.

Вряд ли кто другой с подобной убедительностью объединил бы новейшие течения с предписаниями древней мудрости. Такой синтез большинству людей покажется, может быть, невозможным. Даже уважаемые философы часто останавливались перед неприступным “или – или”. Будто бы жизнь имеет не единственный источник, и будто бы космические законы не непреложны. Древнейшее откровение Риг-Веды гласит: “Истина одна – человек зовет ее разными именами”. Я часто слышу, как даже образованные люди говорят об устарелости изречений Конфуция или Вед. Изучение древней мудрости они полагают как недостаток прогресса. Лишь сейчас некоторые выдающиеся научные изыскания начинают вновь подтверждать ценность знаний, дошедших до нас из глубин древности. Врожденная мудрость Тагора и его глубокое понимание современной литературы и науки равновесно сочетаются, являя золотой путь, что большинству кажется утопией. Впереди утверждается достижение, и мало кто может принять его с полным вниманием и доброжелательностью.

На семидесятилетнем юбилее Тагора мы написали: “Виджая Тагор!” Трудна такая победа, но драгоценнее всего восторг сияния героя в служении человечеству.

Для стороннего поверхностного наблюдателя Толстой и Тагор могут показаться несходными; те, кто с удовольствием выискивает противоречия, несомненно, и здесь постараются употребить свой ум для разъединения. Но если благожелательно и без предубеждений сопоставить двух мыслителей, мы будем сожалеть, что нет совместного изображения Толстого и Тагора – в сердечном разговоре, в глубокой мудрости, в желании нести благо человечеству. Мы с

радостью увидели портрет Тагора в латвийской газете "Сегодня", по случаю его семидесятилетия. Известный поэт Латвии, Рудзитис, великолепно описал великого Тагора в монографии, а недавно проф. В.Булгаков прислал мне из Праги прекрасную карточку Толстого, снятую вместе с ним в 1910 г. в Ясной Поляне. И опять великие облики Тагора и Толстого встают передо мной в их возвышенном служении человечеству. И мне бы хотелось видеть двух гигантов мысли рядом на одном портрете.

Глубоко чтим Тагора и Толстого!

Гуру – Учитель

Однажды в Карелии, на берегах Ладоги, я сидел с крестьянским мальчиком. Кто-то, средних лет, прошел мимо, и мой маленький друг вскочил и с искренним почтением снял свою шапочку. Я спросил его: "Кто этот человек?" Необычайно серьезно мальчик ответил: "Это Учитель". Я снова спросил: "Это ваш Учитель?" – "Нет, – ответил мальчик, – это учитель из соседней школы". "Вы знаете его лично?" – "Нет", – ответил мой юный друг. "Почему же вы его приветствовали так почтительно?" Еще более серьезно малыш ответил: "Потому что он Учитель".

Почти такой же случай произошел со мной на берегах Рейна около Колона. С радостным изумлением я снова увидел, как какой-то молодой человек приветствовал школьного учителя. С огромным духовным подъемом я вспоминаю своего учителя проф. Куинджи, известного русского художника. История его жизни наполнена самыми вдохновляющими страницами биографии молодого поколения. Он был простым крымским пастушком. Только благодаря непрестанному, страстному стремлению к искусству он смог преодолеть все препятствия и, наконец, стать не только высоко почитаемым художником и весьма состоятельным человеком, но также истинным Гуру для своих учеников в высоком понимании Индии.

Три раза он пытался поступить в Императорскую Академию Художеств, и три раза ему отказывали. В третий раз двадцать пять претендентов были допущены, и ни один из них не оставил своего имени в истории искусства. И только одному, Куинджи, отказали. Недалековидный Совет Академии состоял не из Учителей. Но юноша был настойчив, и, вместо бесполезных усилий, он написал пейзаж и представил его на Академическую Выставку. И получил вторую премию, не сдавая экзамены. С раннего утра он работал. Но в полдень он восходил на крышу своего дома в Петрограде, где с выстрелом полуденной пушки тысячи птиц собирались вокруг него. И он их кормил, беседовал с ними и поучал, как любящий отец. Иногда, очень редко, он приглашал нас, своих учеников, на знаменитую крышу. И мы слушали замечательные рассказы о повадках птиц, их индивидуальных особенностях и как с ними поладить. И в такие минуты этот невысокий, коренастый человек с львиной головой становился таким же кротким, как Св. Франциск. Однажды целый день он был очень удручен. Одна из его любимых бабочек повредила крыло, и он придумал какой-то хитрый способ его поправить, но изобретение оказалось слишком тяжелым и великодушная попытка не удалась. Но с учениками и художниками он был тверд. Очень часто он повторял: "Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет". Однажды к нему в студию пришел человек с очень хорошими эскизами и этюдами. Куинджи похвалил их. Но пришедший сказал: "Я неудачник, потому что не могу позволить себе занятия живописью". "Почему?" – посочувствовал Куинджи. И пришедший сказал, что ему надо содержать семью и он занят на службе с десяти до пяти. "А что вы делаете от четырех до девяти утра?" – строго спросил Куинджи. "Когда?" – "Именно утром". – "Но утром я сплю" – ответил человек. Куинджи повысил голос и сказал: "Значит, вы проспите всю жизнь. Разве вы не знаете, что от четырех до девяти самое лучшее время для творчества? Нет необходимости работать более пяти часов каждый день". Куинджи добавил: "Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась с десяти до шести. Но мне вполне хватило времени от четырех до девяти, чтобы стать художником".

Иногда, когда ученики мечтали об особых условиях для работы, Куинджи улыбаясь: "Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадите скорей: жизнь в недотрогах не нуждается!" Но когда он видел, как его ученики преодолевают обстоятельства, победоносно проходят через множество земных бурь, его глаза сверкали и он восклицал в полный голос: "Ни жар, ни холод не могут навредить вам. Это Путь. Если вам есть что сказать, вы сможете выполнить свою миссию, несмотря на любые обстоятельства в мире".

Я помню, как он пришел в мою студию на шестом этаже, в то время не имеющую лифта, и жестоко раскритиковал мою картину. Так, что не оставил практически ничего от первоначального замысла, и ушел, сильно взволнованный. Но меньше чем через полчаса я опять услышал его тяжелые шаги и стук в дверь. Он снова поднялся по длинной лестнице в своей тяжелой шубе и, задыхаясь, сказал: “Ну, я надеюсь, вы всерьез не приняли мои слова. Каждый может думать по-своему. Мне стало тяжело, когда я представил, что, возможно, вы слишком серьезно отнеслись к нашему разговору. Пути бесчисленны, а истина бесконечна”.

А иногда, в большой секретности, он поручал одному из учеников отнести деньги беднейшим студентам, не говоря от кого. Он возлагал такое поручение, только если был совершенно уверен в сохранении тайны.

Однажды в Академии начались выступления против вице-президента графа Толстого, и так как никто не мог успокоить разгневанных студентов, положение складывалось весьма серьезное. Наконец, на общее собрание пришел Куинджи, и наступила тишина. Тогда он сказал: “Ну, я не судья. Я не знаю, справедливы ваши требования или нет, но я лично советую начинать работать, потому что вы пришли сюда, чтобы стать художниками”. Митинг немедленно прекратился, и все вернулись в классные комнаты, потому что так указал сам Куинджи. Таков был авторитет Гуру.

Неизвестно, каким образом произошло его проникновение в истинный смысл Учителства в чистейшем восточном понимании. Несомненно, это было проявление самосущего его личности, без всякого налета поверхностного. Это был его образ жизни, и в своей самобытности он покорял не только как художник, но и как мощный представитель жизни, сообщающий ученикам тот же размах и неизбывную силу для достижения цели. Гораздо позже, в Индии, я увидел подобных Гуру и увидел преданных учеников, которые без подобострастных поклонов, но с великим восторгом духа почитали Гуру, имея полноту восприимчивости мысли, столь характерную для Индии.

Я слышал прекрасную историю о маленьком индузе, познавшем учителя. Его спросили: “Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?”

Мальчик улыбнулся: “Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!”

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя.

В учениях Индии сказано: “Благословенна Индия! Ибо ты одна сохранила понятие Учителя и ученика. Гуру может рассеять приступ сна. Гуру может возмутить дух поникший. Горе тому, кто дерзнул ложно признать кого Учителем своим и кто легкомысленно произносит слово Учитель, почитая себя. Истинно, процветает дух, который понял путь к восхождению, и болеет поникающий двоемыслием”.

Можно спросить мальчика индуза – хочет ли он иметь Гуру? И не нужно будет слов ответа, ибо глаза мальчика выразят желание, стремление и преданность. Огонь Ариаварта зажжется в глазах. Поток Риг-Вед потечет по склону гор.

Кто же может сказать словами всю цепь учительства? Или она осознана подобно змию знания, или без нее мрак, сон, одержание. Устрашать не нужно, но необходимо сказать всем, прикоснувшимся к Йоге: ваша опора – Учитель, ваш щит – преданность Учителю, ваша гибель – безразличие и двоемыслие.

Кто одинаково улыбается и друзьям и врагам Учителя, тот не достоин. Кто же не предаст Учителя хотя бы умалчиванием, тот может войти на ступень порога”.

Так говорит Агни Йога, которая предсказывает замечательное будущее человечества, если человечество овладеет своим достоянием.

Не только в Индии, но и на всем Востоке существует такое понимание Учителя. Несомненно, во многих восточных странах сейчас грохочет ураган наступающей цивилизации. Представьте себе, как непонимание может повредить высочайшему осознанию иерархии знания. Так много символов и прекрасных знаков выметается прочь во время поверхностной механизации жизни. Но по-прежнему,

даже в самых отдаленных местах, можно разглядеть подсознательное понимание Учительства. Разве можно выразить обычными словами достоинство, великодушие, отзывчивость принявшего чашу знания?

Чувство убежденности есть самое потаенное качество высокого творчества искусства. Самый изощренный критический разбор не может объяснить, почему мы верим и дорожим многими итальянскими и нидерландскими примитивами и почему непонятен и так неубедителен модернизм. Это качество внутреннего ритма, внутреннего согласия тона и контура рисунка, сокровенное правило динамической соразмерности не может быть исчерпывающе выражено общими словами; и до сих пор примитивы живут и направляют наше творчество. В них, несомненно, присутствует некое невыразимое понятие. Вспоминается, как самый значительный современный поэт-философ Блок перестал посещать собрания философского общества. И когда его спросили о причинах, он пожал плечами и ответил: "Потому что они говорят о Несказуемом". И все же, все несказуемое и неубедительное в обычном разговоре становится ясным и убедительным при благотворном прикосновении мастера.

Каждое произведение искусства есть динамо, наполненное бесконечной, возвышающей дух энергией, настоящий генератор энтузиазма. Конечно, все относительно. Некоторые произведения искусства несут заряд насущной энергии каждодневности, другие, соответственно, – энергию вечности. И наивысший момент духовного подъема происходит, когда Учитель и ученики, иногда безмолвно, прикасаются к источнику Прекрасного. Всем известно, что часто какой-нибудь ритмический бессловесный жест прикрывает глубокое непонимание. И не есть ли это непонимание как раз того, что нам надо преодолеть? Поистине, где же может быть зло, особенно в необозримой сфере Красоты? Конечно, может быть незнание и уродство, порожденное неведением; может быть непонимание как результат невежества. В наше время, когда так много неразберихи и разложения, когда дух связан тяжкими цепями условности, так необходимо уследить каждое зарождение непонимания, и как обязательно уничтожение этих уродливых паразитов, которые растут очень стремительно и превращают самый прекрасный сад в сорные заросли.

И кто может исцелить болезнь уродства? Только Учитель. Кем он должен быть? Гуру. Так ли это трудно и невыполнимо в наше время?

Я счастлив говорить об Учителях. Каждый из вас знает лучше, чем кто-либо, сокровенный смысл священного понятия Гуру и Учитель. Если мы знаем, то зачем же тогда говорить об этом? И также мы знаем силу молитвы; мы знаем смысл заклинаний, мы знаем очарование песнопений; кроме того, нам дано знать значение Гуру, значение Учителя жизни, и в самые хорошие моменты жизни мы будем повторять эти высокие понятия. Потому что, повторяя, мы скрепляем пространство лучшими камнями будущего.

Эволюция, молодое поколение, будущие герои страны, будущие мученики мудрости и красоты, мы знаем нашу ответственность перед вами! С каждым утверждением Прекрасного и Высшего мы творим качество будущей жизни. Разве возможно создавать будущую жизнь и счастье для грядущего поколения без радости и энтузиазма? И откуда приходит огонь энтузиазма, огонь непрерывного творящего восторга? Несомненно, от цветов на полях прекрасного. Если мы возьмем от жизни полное выявление красоты, мы изменим всю историю человечества.

Учителя искусства – не есть ли учителя синтеза? В старых учениях искусство и красота толкуются как наивысшие понятия. Вспомните историю из Упанишад, когда разыскиваемый Брама был обнаружен в улыбке прекрасной Умы. Лакшми, богиня Счастья, есть самая прекрасная богиня. Уродство не может повредить счастью. Разве не самое удовлетворяющее и возвышающее чувство нашего служения искусству и прекрасному есть осознание того, что мы служим истинному синтезу грядущей эволюции? И распространяя семена красоты, мы творим жизнь прекрасную. Где и как можем мы объединить все удивительные образования конгломерата современной жизни? Воистину, только покрывало прекрасного может объять и волшебным превратить гримасу непонимания в просвещенное торжество настоящего знания. Жизнь усложняется и для учителей, и для учеников. Как найти равновесие между здоровым телом и уродством ненормального увлечения спортом? Как соединить высокое изящество танца со скукой и условностью некоторых сверхсовременных танцев? Как примирить прекрасное стремление к музыке с сегодняшним будоражающим джазом? Как согласовать высший духовный фактор с низким состоянием материи? Разве совершенно несовместимы эти противоположности или возможно заложить верную

объединяющую основу не только в мечтах и мыслях, но также здесь, на земле? Новое мышление нуждается в проявлении. Самому расчетливому позитивизму необходимо приблизить небеса к земле. Давайте вспомним, что говорит в своей замечательной работе “Материя и жизнь” один из самых позитивистских современных философов Николай Лосский: “После всего изложенного нетрудно определить наиболее характерные особенности учений о материи в системе всеобщего мироощущения. Если материя берет начало от существующей высшей субстанции – субстанции, которая также способна создавать формы реальности, отличные от материи, – тогда законы материальной природы условны в гораздо большей степени, чем допускают физики. Конечно, сомнительно, что формулировка закона разрешит широкий ряд положений, большинство которых даже еще не выявлено; закон не всегда однозначен, другими словами, это слишком широкое понятие.

Например, предположим, что при всех условиях вода закипит при ста градусах, при этом слишком мало принимается в расчет совокупность естественных свойств: увеличение нужной температуры, необходимость нормального атмосферного давления, химическая чистота воды и т. д. Физик увидит здесь бесчисленные дополнительные условия, но так как он рассматривает вопрос о материи обособленно, он привычно думает о всех этих условиях, как исключительно физических.

Поэтому, в обосновании наиболее общих законов, таких, как, например, закон сохранения материи, где вопрос касается главных свойств материи, физик считает, что нет необходимости включать дополнительные составляющие в формулу закона. Даже в дальнейшем, по мнению такого физика, склонного к материализму, любое ограничение этого закона кажется невероятным. И верно, поскольку мы остаемся в области материальных процессов, уничтожение материи физическими способами, давлением или движущей силой, кажется недопустимым и даже невозможным.

Но давайте предположим, что материя не только форма существования природы, но кроме того есть некая эволюционирующая субстанция, которая действует по высшим законам стихий, тогда место материи в природе становится значительно менее прочным, чем при обосновании материалистических положений.

Таким образом, также нетрудно представить условия, когда возможно уничтожение частиц материи”.

Так мы видим, что даже в понимании наиболее позитивистского ученого ясно выражена относительность материи. Теория относительности открывает окно для высших понятий. Пусть они достигнут нашей земли. Пусть формируют грядущую эволюцию не только внешними преобразованиями, но также эволюцию внутренней сути. Факты необходимы, но понимание фактов будет лишено лицемерия и предрассудков. В учении есть особая радость изгнания не только невежества, но и уродливых проявлений невежественного суеверия, радость выбора дисциплины, где безобразные предрассудки разрушены. Бескорыстное исследование фактов открывает нам высший план материи. Космический луч не длительное волшебной истории, но проник в лабораторию ученого, и научная мысль знает, какое множество лучей и форм энергии может войти в нашу жизнь и служить духовному подъему каждого мгновения. Благотворное преобразование жизни на пороге; более того, оно стучится в наши двери, потому что множество обстоятельств может нарушиться без промедления. Как много социальных проблем может быть решено без вражды, но только с одним условием – что они будут решаться в благостном состоянии. Да, мы можем вызвать энергии из космоса, мы можем осветить свою жизнь мощными лучами, и эти лучи будут прекрасны – так же прекрасны, как понятие эволюции.

Велика наша ответственность перед Прекрасным! Если мы это осознаем, то можем требовать ответственности перед этим высочайшим источником от своих учеников. Если мы знаем такую срочность, как во время океанского шторма, то можем требовать от своих сотрудников немалого внимания к напряженному требованию момента.

Мы различными способами вносим искусство во все проявления жизни. Мы стараемся показать качество созидательной работы, но это свойство может быть осознано только когда мы знаем порыв восторга перед красотой; и это не экзотический восторг оцепенения, но само движение, это есть всевибрирующая Нирвана, не та Нирвана, ошибочно понимаемая как Нирвана неподвижности – но Нирвана величественного и самого напряженного действия. Во всех древних учениях мы слышим о величии действия. Могут ли быть действия

величественными, если они не прекрасны? Вы учителя искусства; вы эмиссары красоты; вы знаете ответственность перед грядущим поколением, и в этом проявляются ваша радость и ваша непобедимая мощь. Ваши действия величественны.

И вам, мои невидимые молодые друзья, мы шлем свой призыв. Мы знаем как вам трудно начать борьбу за свет и подвиг. Но препятствия есть всего лишь новые возможности, созидющие благотворную энергию. Без битвы нет победы. И как можно избежать ядовитых стрел темного врага? Приближая своего врага так близко, чтобы не хватило пространства даже послать стрелу. В конце концов, никакое продвижение не может быть достигнуто без напряженного труда. Так благословен труд! И благословенны вы, молодые друзья, победоносно идущие! Гуру прошлого и будущего с вами.

Гуру, к вам моя молитва и мое благоговение!

Радж-Раджесвари

О Радж-Раджесвари!

О Матерь Мира!

С древности женщины носили на голове венки. С ним произносились самые священные заклинания. Этот венок – не венок ли Единения? И благое Единение не есть ли высочайшая ответственная и прекрасная миссия женщин? Женщины указывают необходимость разоружения, но не военных машин и орудий, а наших душ. От кого услышит молодое поколение первый зов о Единении? Только от матери. И на Востоке и на Западе лик Великой Матери-женщины есть мост полного Единения.

Радж-Раджесвари – Всемогущая Матерь. Тебе поет индус древности и индус наших дней. Тебе женщины приносят золотые цветы и у ног Твоих освящают плоды, укрепляя ими очаг дома. И, прославив изображение Твое, его опускают в воду, дабы ничье нечистое дыхание не коснулось Красоты Мира. Тебе, Матерь, предначертано место на Великой Белой Горе, никем не превзойденное. Ведь там встанешь, когда придет час крайней нужды, когда поднимешь Десницу Твою во спасение мира. И, окружая всеми вихрями и всем светом, станешь как столб пространства, призывая все силы далеких миров.

На всем Востоке и на всем Западе живет образ Матери Мира и глубокомысленные обращения посвящены этому Высокому Облику.

Великий Лик часто бывает сокрытым, и под этими складками покрывала, сияющего квадратами совершенства, разве не увидим тот же Единый Лик общей всем Матери Мира!

“Мир всему Миру!”

Поистине, когда ярость затмевает здравомыслие, только сердце отыщет спасительное решение. Найдется ли сердце, способное заменить сердце женщины? Найдется ли мужество сердечного огня, сравнимое с отвагой женщины перед гранью непостижимого? Чья рука может заменить умиротворяющее касание мудрого женского сердца? И чей взор, перенося боль страдания, отзовется с таким самопожертвованием во имя Блага?

Вы дочери Великой Матери Мира, ваши руки ткут Знамя Мира, развернутое во имя Прекрасного!

Разрушаются старые храмы, раскалываются колонны, и в каменные стены впились снаряды.

“Давным-давно в Гоа приставали португальские корабли. На высоких кормах каравелл золотом сверкали изображения Мадонны и Ее великим именем посылались ядра в древние святилища.

La Virgen de los Conquistadores! Мадонна конкистадоров!

В Севилье, в Альказаре, есть старая картина Александра Фернандеса с таким названием. В верхней части картины, в сиянии облаков небесного цвета, стоит Пресвятая Дева с кроткой улыбкой, и под Ее широким плащом собрана и охранена толпа завоевателей. Внизу волнуется море, усеянное галеонами,

готовыми к отплытию в далекие новые страны. Может быть, это те же корабли, которые будут громить святыню Элефанты! И с кроткой улыбкой сочувствующая Дева смотрит на завоевателей, точно и она сама с ними восстала на разрушение чужих достояний. Это уже не грозное предостережение Ильи Пророка или архангела Михаила, вечною воина. Но Сама Кроткая приготовилась в народном сознании к бою, точно бы Матери Мира достойно заниматься делами человекоубийства”.

Мой друг возмущен. Он говорит: “Посмотрите, вот одна из самых откровенных картин. В ней вся психология Европы. Посмотрите на это самомнение. Они собираются захватить чужое достояние и приписывают Богоматери покровительство их поступкам. Теперь сравните, насколько различно настроение Востока, где Благая Гуаньинь закрывает своим покрывалом детей, защищая их от опасностей и насилия”.

Другой мой приятель защищает психологию Запада и тоже ссылается на картины как на истинный документ психологии каждой эпохи. Он напоминает, как в картинах Зурбарана или Холбейна Пресвятая Дева закрывает своим покрывалом пришедших к ней. Из изображений Востока он приводит на память страшных идамов, рогатых, увешанных ужасными атрибутами. Он напоминает о пляске Дурги на человеческих телах и об ожерельях из черепов.

Но носитель Востока не сдаётся. Он указывает, что в этих изображениях нет личного начала, что кажущиеся страшные признаки есть символы необузданных стихий, зная силу которых, человек понимает, что он может их одолеть. При этом любитель Востока указывает, что элементы устрашения применялись всюду и не меньшее пламя и не меньшие рога демонов изображались в аду на фресках Орканьяво Флоренции. Всякие ужасы в изображениях Босха или сурового Грюнвальда могут поспорить со стихийными изображениями Востока.

Любитель Востока упоминает так называемую Турфанскую Мадонну, видя в ней эволюцию богини Маричи, которая, будучи раньше жестокой пожирательницей детей, постепенно превратилась в заботливую хранительницу их, сделавшись духовной спутницей Кувера, бога счастья и изобилия. Вспоминая об этих благих эволюциях и высоких стремлениях, можно упомянуть об обычае, до сих пор существующем на Востоке. Ламы поднимаются на высокую гору и для спасения неведомых путников разбрасывают маленькие изображения коней, далеко уносимые ветрами. В этом действии есть благость и самоотречение.

На это любителю Востока было сказано, что Прокопий Праведный в самоотверженности отвел каменную тучу от родного города и всегда на высоком берегу Двины молился именно за неведомых плавающих. И было указано, что и на Западе многие подвижники променяли, подобно Прокопию, свое высокое земное положение на пользу мира. На Западе много изображений святых, держащих головы в руках, как символ полного самоотречения.

В этих подвигах, в этих актах молитв “за неведомых, за несказанных и неписанных” имеется тот же великий принцип анонимности, того же осознания преходящих земных воплощений, который так привлекателен и на Востоке.

Любитель Востока подчеркивал, что этот принцип анонимности, отказа от своего временного титула, такое благостное, безвестное деяние на Востоке было гораздо шире и глубже. При этом он вспомнил, что художественные произведения Востока почти никогда не подписывались, так как даяние сердца не нуждалось в сопроводительной надписи. На это ему было замечено, что и все византийские, старые итальянские, старые нидерландские, русские иконы и прочие примитивы также не подписаны, личное начало стало проявляться позже.

Заговорили о символах Всемогущества и Всеведения, и оказалось опять, что те же самые символы прошли через самые различные сознания. Разговор продолжался, ибо жизнь давала неиссякаемые примеры. На каждое указание с Востока следовал и пример Запада. Вспомнили о белых керамических конях, которые кругами до сих пор стоят на полях Южной Индии и на которых, как говорят, женщины в тонких телах совершают полеты. В ответ возникли образы валькирий и даже современные случаи выделения астральных тел. Вспомнили, как трогательно женщины Индии украшают каждый день порог своего дома новым узором – узором благополучия и счастья, но тут же припомнили и все узоры, вышитые женщинами Запада во спасение дорогих их сердцу.

Вспомнили Великого Кришну, благостного пастуха, и невольно сравнили с древним образом славянского Леля, тоже пастуха, сходного во всем с

индусским прототипом. Вспомнили песни в честь Кришны и Гопи и сопоставили их с песнями Леля, с хороводами славян. Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи. И сопоставили с венками, опускаемыми на реке под Троицын день – обычаем, милым всем славянским арийцам.

Вспомнили заклинания и вызывания колдунов малабарского берега и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведьм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов.

Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы. Вспомнили тибетскую некромантию и сопоставили с черной мессой Франции и с сатанистами Крита...

Противопоставляя факты, незаметно начали говорить об одном и том же. Кажущиеся противоположения оказались всего лишь различными ступенями человеческого сознания. Собеседники изумленно переглянулись – где же этот Восток и где же этот Запад, которые так принято противопоставлять?

Третий, молчаливый собеседник улыбнулся: “А где же вообще граница Востока и Запада? И не странно ли, что Египет, Алжир и Тунис, находящиеся на юг от Европы, в общепринятом представлении считаются уже Востоком. А лежащие от них на восток Балканы и Греция оказываются Западом?”

Припомнилось, как, гуляя на берегу океана в Сан-Франциско с профессором литературы, мы спрашивали друг друга:

“Где мы, наконец, находимся, на Крайнем Западе или на Крайнем Востоке?” Если Китай и Япония по отношению к ближневосточной Малой Азии уже считаются Дальним Востоком, то, продолжая взгляд в том же направлении, не окажется ли Америка с ее инками, майя и краснокожими племенами Крайним Востоком? Что же тогда делать с Европой, которая окажется окруженной “Востоками” с трех сторон?

Припомнили, что во время русской революции финны считали Сибирь своей, ссылаясь на племенные тождества. Припомнили, что Аляска почти сливается с Сибирью, а краснокожие в сравнении со многими монголоидами являются поразительно схожими с азиатскими лицами.

Как-то случилось, что на минуту все суеверия и предрассудки были отставлены противниками, представитель Востока заговорил о Сторучице православной церкви, и представитель Запада восхищался образами многорукой, всепомогающей Гуаньинь. Представитель Востока говорил с почитанием о золототканом индийском платье Мадонны и чувствовал глубокое проникновение картин Фра-Анжелико, а любитель Запада отдавал почтение символам Всеокой, Всезнающей Дуккар. Вспомнили о Всескорбящей. Вспомнили о многообразных образах Вседающей и Всемилосердной. Вспомнили, как точно народная психология представляла иконографию символов и какие большие знания остались сейчас скрытыми под мертвыми линиями. Там, где ушла предвзятость и забылось предубеждение, там появилась и улыбка!

И как бы освободившись от бремени, заговорили о Матери Мира. Благоклонно и с симпатией вспомнили итальянского кардинала, который имел обыкновение советовать прихожанам: “Не утруждайте Христа Спасителя, ибо Он очень занят; а лучше обращайтесь к Пресвятой Матери. Она уже передаст ваши просьбы куда следует”.

Вспомнили, как один католический священник, один индус, один египтянин и один русский занимались исследованиями знака Креста и каждый искал значение креста в свою пользу, и как все пришли к единому значению.

Вспомнили мелькнувшие в литературе попытки объединения слова Христос и Кришна и опять вспомнили об Иосафе и о Будде, но так как в этот момент всеблагая рука Матери Мира отстранила все предубеждения, то и беседа протекала в мирных тонах.

Любители Востока и Запада вместо острых противопоставлений перешли к созидательному восстановлению образов.

Один из присутствующих вспомнил рассказ одного из учеников Рамакришны, каким почитанием пользовалась жена Рамакришны, которую по индусскому обычаю называли матерью. Другой распространил значение этого слова к понятию

“материя матрикс”...

Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали, Благостной Дуккар, Иштар, Гуаньинь, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука – все эти великие образы, все эти жертвовательницы собирались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Все сказали, что пришло время Матери Мира, когда приблизятся к земле Высокие Энергии, но в гневе и в разрушительстве эти энергии вместо сужденного созидания могут вызвать губительные катастрофы!

В улыбке единения все стало простым. Ореол Мадонны, такой отталкивающий для предубежденных, стал научным физическим излучением, давным-давно известной человечеству аурой.

Осужденные рационализмом современности символы из сверхъестественного вдруг сделались доступными исследованию испытателя. И в этом чуде простоты и познания наметилось дуновение эволюции Истины.

Один из собеседников сказал: “Вот мы говорим сейчас о чисто физических опытах – а ведь начали как будто о Матери Мира”.

Другой вынул из ящика стола записку и промолвил: “Современный индус, прошедший многие университеты, обращается так к Великой Матери, самой Радж-Раджесвари:

Если я прав, О Матерь, Ты творец всего:

Круга и пути, тьмы и света, и пустоты,

Голода и печали, бедности и боли.

От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь и смерть,

Если смерть бывает – Все это Твое творение.

Если это так, тогда и голод, и бедность, и богатство –

Только преходящие формы Твои.

Я не страдаю, я не восхищаюсь,

Потому что Ты – все, и я, конечно, Твой.

Если Ты все это показываешь смертным,

То проведи, Матерь, меня через Твой свет

К Нему – к Великой Истине.

Великая Истина нам явлена только в Тебе.

И затем ввергни куда хочешь мое бренное тело.

Или окружи его золотом богатства.

Я это не буду чувствовать.

ибо с Твоим светом я познаю сущее,

ибо Ты есть Сущее – а я Твой.

Значит, я в Истине!”

Третий добавил: “В то же время на другом конце мира поют:

“Возвеличим тебя, Матерь Света!””

А старые библиотеки Китая и древнесреднеазиатских центров хранят с далеких времен гимны той же Матери Мира. Ее храм обнаружен в Кише, одном из самых древних городов, раскопанном далеко вглубь.

И когда мы все радостно объединились в почитании Матери Мира, кто-то из друзей попросил меня, по такому случаю, почитать из моей книги “Чаша пламенная”. Я прочел свое стихотворение “Свет”:

СВЕТ

Как увидеть Твой Лик?

Всепроникающий Лик,

Глубже чувств и ума.

Неощутимый, неслышный,

незримый. Призываю:

сердце, мудрость и труд.

Кто узнал то, что не знает

ни формы, ни звука, ни вкуса,

не имеет конца и начала?

В темноте, когда остановится

все, жажда пустыни и соль

океана! Буду ждать сиянье

Твое. Перед Ликом Твоим

не сияет солнце. Не сияет

Луна. Ни звезды, ни пламя,

ни молнии. Не сияет радуга,

не играет сияние севера.

Там сияет Твой Лик.

Все сияет светом Его.

В темноте сверкают

крупницы Твоего сиянья.

И в моих закрытых глазах

Брезжит чудесный Твой

свет.

II. Прекрасная победа

Гималаи

В Индии меня однажды спросили, какая разница между Востоком и Западом, я ответил: “Самые прекрасные розы Востока и Запада одинаково благоухают”. Так, хотя мы и говорим о противоположности и различиях, по существу мы имеем в виду великое “Единое”, потому что в действительности сам закон есть Единое, и все, согласное данному закону, есть Единое. Если мы не можем служить Единому, скажем: “моя вина”, осознаем, что только мы сами виноваты, ибо мы не нашли силы прислушаться к великому закону совершенствования.

Очень часто мы стараемся наметить, как строить будущую жизнь, как строить будущую эволюцию. Это наш долг. Всем хочется строить свою собственную жизнь и несомненно сложить жизнь счастливую. Как достигнуть счастья? Только через Прекрасное. Мы так разнимся множеством переживаний, но тем не менее все они

есть осознание Прекрасного. Замечаете, что я не употребляю слово Красота, но говорю Прекрасное, этим я хочу выразить не только физические выявления, осязательные в Красоте – музыку, пение, драму, но я хочу подчеркнуть понятие Прекрасного, и наш долг вносить в свою жизнь широкое осознание этого великого понятия.

Возможно, кто-то скажет: “Да, очень хорошо так мечтать – сделать жизнь прекрасной. Чаще всего мы думаем, что Прекрасное суждено только богатым; а трудящийся, как может он мечтать о Прекрасном?”

В разных странах мы видим множество коллекционеров и истинных работников искусства, и некоторые из них очень бедны. Они принадлежат к трудящемуся классу, но тем не менее чувство Прекрасного в них так сильно, что даже со скромными средствами они находят возможность приблизиться к Прекрасному.

Главное – иметь внутреннее сознание Прекрасного. Не все обладают способностью внешнего выражения искусства, но каждый имеет в существе своем возможность осознания Прекрасного. Очень часто создание мысленное гораздо выше выраженных при посредстве внешних средств искусства. Я подчеркиваю это потому, что очень часто люди приходят и снова и снова рассказывают одну и ту же историю: “Моя жизнь окончена, я не могу даже мечтать о чем-либо Прекрасном, я не имею времени сосредоточиться мечтать”. Часто вы замечаете очень одаренного, который носит в себе замечательные идеи, полон своеобразных понятий, которые может посылать в космос.

Каждая мысль запечатлевается в пространстве. Так важно творчество мысли – истинное сотрудничество в прекрасном созидании всей Вселенной. Потому что на пути творчества проявятся лучшие творческие энергии, и тогда мы станем настоящими сотрудниками и сотворцами на пути к Высшему.

Как можно вносить духовность? Сделать это образом жизни, необходимо реализовать силу мысли. Мы часто говорим о силе воли, но редко применяем эту силу. Мы говорим о телепатии и полагаем, что это нечто очень трудное и сверхъестественное, необыкновенное; но в ней нет никаких феноменов и нет оккультизма.

Для детей даже телефон представляет собой очень таинственный предмет. Но когда вы знаете, как работает энергия, становится понятным, что здесь нет ничего экстраординарного.

Мы должны вносить эти возможности в жизнь.

В Азии говорят об Агни Йоге, Учении Огня. Разве это нечто сверхъестественное? Нет. В Учении говорится о применении всепроникающей стихии – огня Пространства. Сказано, что очень скоро Эра Огня приблизится к нашей земле. Вы услышите полное научное обоснование этого утверждения и затем вспомните, что профессор Милликен открыл космический луч и устремляется применить эту новую силу.

Самые древние учения Азии, на пространстве многих веков, говорят о великолепной стихии Огня. Жизненно важные наставления даны в Ведах.

Во времена Будды знали о железных птицах, которые будут служить человечеству. Глубочайшая древность знает железных змиев, полезных людям. Таким образом видно, как целые века провозглашалось истинное знание, но на ином языке или с другими символами, но если мы честно разберем эти длинные мудрые свитки, не впадая в предрассудки, мы можем различить множество полезных указаний.

Главная наша задача – изучать факты честно. “Мы должны принимать науку как науку, без всяких предрассудков и суеверий”. В то же самое время не всегда ученые работают с фактами в полной честности. Но мы должны брать факты так, как они есть, без эгоистического перетолкования, и иногда мы обнаруживаем в себе больше суеверий, чем у некоторых жителей пустынь. Когда у нас есть такие ученые, как Эйнштейн, Милликан, Ремен, мы уверены, что грядущая эволюция в хороших руках.

Разве не велика радость видеть, как выдающийся ученый высказывает такую широту зрения? У него нет суеверий. И он испытывает то же самое состояние Прекрасного. Каждый ученый в момент открытия, подобно художнику, проявляет творческое духовное начало Прекрасного. Можно спросить исследователя, как

было сделано его открытие – что случилось в этот момент? И если человек честен, он признает, что нечто произошло в тот миг. Это была не случайность. В тот момент он прикоснулся к Высшему – высочайшему Кресту Вечности.

Некоторые крупные бизнесмены тоже художники, и очень легко разговаривать и встречать понимание у значительного человека, имеющего расширенное сознание, и если разговор идет о чем-то трудном, его большой жизненный опыт поможет понять все, и из понимания проистекает его терпимость к чужому мнению. Пожалуйста, запомните эту черту – терпимость. Она необходима. Многие рушится по невежеству.

Нетерпимость есть невежество.

Иногда нам кажется, что мы устали. Но мы не устали. Попросту мы слишком много утруждали один нервный центр. Усталость не означает потребность в отдыхе – необходимость сна. Нам надо просто переменить работу – сменить центр, и эта перемена нервных центров принесет отдых.

Помните, что главный и самый сильный яд есть яд раздражения и гнева. Каждое раздражение физически создает в нашей нервной системе ядовитые излучения.

Лучшие ученые, врачи знают уже, что при раздражении возникает нечто материальное. В Азии они скажут вам о кристалле раздражения. Разве можно быть счастливым, зная, что во гнев мы сотворяем яд? Лекарства от этого – просто не раздражаться, не сердиться. Когда вы навсегда запомните, что гнев есть нечто страшное, тогда будет не так трудно удержаться от раздражения. Если кто-то пришел с целью раздражить вас, ведь вы его встретите улыбкою. Велика сила знать, что именно вы хотите.

Надеюсь, что вы меня не обвините в том, что я говорил вам о чем-то отвлеченном, оккультном или мистическом. Что называют мистицизмом?

Нечто туманное. Но мы не имеем ничего общего с туманами и облаками – только с фактами, точными и светлыми. С их помощью можно осветить свою жизнь.

Мы говорим о Прекрасном, и когда вы проявите эту научно обоснованную энергию, величайшую силу, которая есть в каждом, – тогда энергия высвободится и возрастет.

Очень часто люди спрашивают, как реализовать такую энергию. Энергия есть наше достояние. Однажды несколько молодых людей спросили, как работать с энергией. Я попросил: “Пусть каждый из вас расскажет мне что-нибудь необычное из своей жизни”. Все молчали. Рассказывать было не о чем! “Наша жизнь обычна”. “Я работаю в банке”. “Я работаю на фабрике”. Знаменитый философ Беме был сапожником, а кто-то был плотником! Наша каждодневная жизнь есть Пранаяма. Это новое слово означает применение энергии. Можно иметь достижения, работая с энергией, но Пранаяма будет и обычная жизнь.

Когда человек стремится улучшить свою работу, к нему приходит удача. Совершенный ремесленник неотделим от художника. И полы можно мыть с духовным подъемом. Кто-то непременно заметит: “Этот человек прекрасно справляется с работой. Надо доверить ему что-либо более значительное”. И когда мы совершенствуем качество работы – мы испытываем радость.

Велико несчастье прикасаться к работе без любви к ней, с единственным желанием поскорее от нее отвязаться; но когда мы знаем радость труда, обычный отдых уже не нужен. Можно отдыхать в устремленной работе – с ясным осознанием и лучшей мыслью. И мы не устанем, энтузиазм умножит силы. Не нужен будет продолжительный сон. Тяжело мыслить, пребывая в полудреме, и дело не спорится.

Когда вы ищете совершенствования, вы забываете себя во имя творимого вами, вы сильны и отрешаетесь от эгоизма, и в этом самоотречении заключается величайший аспект Прекрасного.

Самоотречение является величайшей формой Прекрасного. Всякое “Я” обособленно, всякое “Мы” сильно! “Мы” как истинное сотрудничество ложится в основу жизненного начинания.

В Индии существует прекрасное понятие Гуру, Учителя – не рабство, но

Перих Н.К. Химават filosoff.org
великое чувство сотрудничества. На этом пути цепь сотрудничества будет
созидающей. В беспредельной цепи на пути к Высшему вы знаете своего
Ведущего, а для кого-то сами являетесь Ведущим.

На Пути Восхождения удача сопутствует нам.

Кредо

Прежде чем стать скульптором, Лисипп был помощником кузнеца. Сердце
большого художника никогда не иссушится мукой мятущегося духа или нуждой
тела. Нет такой засухи, которая может уничтожить зерно творчества, если оно
однажды готово прорасти. Среди наиболее тяжелых трудов народная песня
называет призыв к обновлению творчества. Это вменяется в качестве каждого
задания. Искусство, знание, труд – все дети того же ведущего и возвышающего
творчества.

С древнейших времен о целях искусства говорилось самыми различными словами.
И как бы ни были многообразны эти определения, всюду их сущность понималась
одинаково. Прежде всего от искусства требуется убедительность. Сказано,
чтобы иметь доверие, нужно смотреть через красоту. Так и есть. Видеть
глазом прекрасным значит глубоко постичь композицию. О какой композиции
идет речь? Много сказано об условных преднамеренных договоренностях, о
стремлении к вычурной субъективности. Долгие времена люди пытались выразить
справедливое негодование против чего-либо, что, по их мнению, принижало
возвышенную идею творчества и демонстрировало их неспособность к свободному
полету.

Такова реальность условной композиции. В конечном счете, искусственная
композиция всегда вызовет скуку и утомление. Но также существует и другая
композиция, непринужденная и все же непередаваемая словами. Художник может
видеть так ясно и определенно, что вы, как говорят, не пропустите и слова
из его песни. Это точно как в природе, когда наиболее разнящиеся элементы
комбинируются в совершенную гармонию. При изучении структуры кристаллов
всегда удивительно, как такое бесчисленное количество неожиданных форм
постоянно создает окончательное гармоничное целое. Так всегда в любом
художественном творчестве. Его произведения формируются столь естественно,
что отпадают любые рассуждения о композиции. Так кристалл творчества
выражает ту убедительность, которая может быть столь ярко прочувствована и
которую слова бессильны выразить и описать.

Когда картина написана свободно, невозможно ничего отнять или добавить. Вы
не можете поменять ее части, и не потому, что не смеете нарушить
“симметрию”, но потому, что не способны лишить картину ее жизненного
равновесия. У вас появляется желание иметь рядом такую картину, потому что
в ней вы найдете постоянный источник радости. Каждый излучающий радость
предмет представляет истинное сокровище. Вам безразлично, к какой школе или
направлению она принадлежит как *objet d'art*; она будет побуждающим
водителем к Прекрасному и дарует много часов, в течение которых вы
почувствуете любовь к жизни. Вы будете признательны тому, кто помог вам
встретить жизнь улыбкой, и приложите лучшую заботу об этом иероглифе
Прекрасного. И вы станете лучше не по сухому указанию морали, но от
творческого излучения сердца. И в вас проснется творец, скрытый в глубинах
сознания.

В своих лучших открытиях наука оказывается искусством. Подобный поражающий
научный синтез навсегда запечатлется в человеческом мозгу как нечто
непреложно убедительное. Так наука перестанет быть набором условно
подобранных фактов и торжественно двинется к овладению новым мышлением,
ведя за собой человечество.

Творчество, проявляется ли оно в символах, в искусстве или в любой сфере,
управляемой Музами классического мира, всегда будет привлекательным, иначе
говоря, убедительным. Наука уже вступает в такую необъятную область
исследования, как мысль. Сейчас открывается, что мысль действует согласно
определенным законам, еще не записанным человеческими словами, но уже
различимым в ряде недавних экспериментов. Разум мыслителя станет
творческим.

К искусству всегда предъявлялось требование творчества. Это требование не
более чем справедливость. В конце концов, искусство не может быть не
творческим. Пейзаж или портрет, будучи наиболее сложными произведениями,

выйдя однажды из-под руки настоящего художника, будут творческими. В лабиринтах современных концепций может показаться, что истинная идея творчества распалась на части. Иногда люди полагают, что творчество должно быть выражено в формах, не имеющих ничего общего с действительностью. Некоторые могут помнить шутку, произошедшую на французской выставке, когда выставили картину, написанную ослиным хвостом. В поисках творчества вместо освобождения (творчество всегда должно быть свободным) люди начинают говорить о новых ограничениях и условных рецептах. При этом забывается наиболее фундаментальное условие творчества: прежде всего, оно не должно испытывать ничего условно навязанного и самоограничивающего.

Например, сошлемся на Гогена. Разве может кто-то назвать его картины традиционными или тенденциозными? В совершенной свободе творчества Гоген перешагнул все условные ограничения предметности, так же как и всевозможные сдерживающие технические нормы. Он всегда остается творческим художником, иначе говоря, истинным и убедительным мастером. Сила убедительности этого художника не в каких-либо рецептах и правилах, изобретенных рассудком. Он творит, как птица поет, которая не может не петь, потому что эта песня – выражение ее естества. Его убедительность лежит в способности увидеть каждое свое создание частью творящей природы.

Это внутреннее видение в степени необходимости и убедительности всегда будет далеко за пределами технических правил и приемов. Творцы всех времен и народов создавали свои произведения не только интуитивно, видя их в лучших формах выражения, но и распространяя свое творчество на каждый материал, с которым работали. Скульптор, изучающий глыбу мрамора, создает из нее возможно лучшее. Резчик использует все особенности куска дерева, чтобы претворить их в формы, явившиеся его творческому глазу. Художник интуитивно собирает живописный материал для каждого своего изображения. Он, вероятно, не сможет точно объяснить, почему применил масло, или темперу, или акварель, или пастель. Так и должно быть. Почему оратор повышает или понижает интонацию? Почему музыкант извлекает те неожиданные очаровывающие созвучия, которые он уже не всегда может точно повторить?

Очень много говорят об интуиции. Пишутся тома об интуитивной философии. Многие решения находятся не только в расчетах, но и в интуитивном синтезе. Один художник сказал: “Делайте так, чтобы люди могли поверить вам”. Другой, рассуждая о некоем реалисте, спросил: “Неужели он будет изображать всю придорожную грязь только потому, что она существует?” И все же не будем выносить приговор реализму. Конечно, это только стремление к действительности, которая, в свою очередь, создает ту убедительность, во имя которой кто-то должен будет посмотреть глазом прекрасным.

Недавно много говорилось о синтезе в искусстве. Во всех искусствах синтез – лишь накопление лучших возможностей. Однажды Брюллов в шутку сказал, что искусство чрезвычайно просто: “Нужно только взять верную краску и положить ее на верное место”. По сути, мастер, большой специалист, говорил верно. Именно, применяя цвет, необходимо сделать так как нужно, и нечто шепнет, где это “так как нужно”. Мастер знает, когда невозможно сделать иначе, даже если вы спросите его, по каким канонам и правилам он сделал именно так, то ни один художник не сможет объяснить вам, каким законам он следовал, создавая это.

Сравнивая произведения искусства разных времен и народов, можно видеть, как часто прекрасно соседствуют наиболее внешне отличные творения. Можно легко представить, как некоторые примитивы, иранские миниатюры, *objet d'art* Африки, Китая и Японии, Гоген и Ван Гог могут появиться в одной коллекции и даже висеть на одной стене. Не техника и не материал, но нечто иное дает возможность этим совершенно различным образцам сосуществовать в гармонии. Поистине, все они – создания творчества. Более того, все виды искусства, скульптура, живопись, мозаика, керамика, словом, все творения, в которых выразился творческий порыв мастера, будут друзьями, а не взаимно непримиримыми соперниками.

Каждый из нас часто слышит противоречивые заявления. Кто-то говорит, что он признает только старую школу. Другой выдвигает страстное возражение, что все должно быть в движении, и поэтому он находит радость только в модернистах, даже если их работы иногда грубы и резки. Некто почитает только картины, написанные маслом, когда другие восхищаются утонченной акварелью. Некоторые утверждают, что любят только “законченные картины”, тогда как другие заявляют, что выше ценят этюды, как первые вдохновенные

импульсы творца. Иные восторгаются только монументальными работами, другие чувствуют теплую привязанность к миниатюрам. Одни ограничивают свои вкусы только грандиозным, другие находят отдохновение в маленьких художественных безделушках. Не указывают ли все подобные ограничения на душевную ограниченность со стороны таких любителей искусства, или, может быть, эти ценители ограничивают свои возможности?

Очень часто происходит, что чьи-то предпочтения и собрания основываются на случайном внутреннем импульсе. Возможно, однажды человек услышал, что картина написана маслом, и это выражение запало ему в душу. Возможно, в семейном кругу ребенок был поражен словом, сказанным об акварельных красках, или ему подарили их набор, и это событие положило начало его интересу исключительно к этому средству. Во всех проявлениях жизни и особенно в вопросах художественных побуждений вначале часто происходят бесчисленные случайности. Действительно, такие “случайности” оказываются вопросом судьбы. Человек начинает отзываться на одни произведения более, чем на другие, и в этом могут проявиться его спящие накопления. Приходит весна, и почки, долго спавшие в зимнем холоде, непринужденно открываются. Началось новое творчество!

Что за прекрасное слово – “творчество”! На всех языках оно звучит призывно и убедительно. По-своему оно говорит о чем-то потенциально возможном, о чем-то ликующем и непреложном. Настолько мощно и прекрасно это слово – “творчество”, что перед его лицом забываются все условные препятствия. Люди радуются этому слову как символу продвижения. Власть творчества покрывает все нашептывания ограниченного ума о правилах, о материалах, обо всем, что отвечает запрещающему слову “нельзя”. Для творчества все возможно. Оно ведет за собой человечество. Творчество – знамя молодости. Творчество – прогресс. Творчество – господство новых возможностей. Творчество – мирная победа над застоем и хаосом. В творчестве уже заложено продвижение. Творчество есть выражение фундаментальных законов Вселенной. Иными словами, в творчестве выражена Красота.

Сказано, что красота спасет мир. Над этой формулой люди улыбаются с сочувствием или с сожалением, но никто не может ее опровергнуть. Существует ряд аксиом, которые могут вызвать удивление, но которые невозможно развенчать. Человечество мечтает о свободе, начертая этот великий иероглиф на фасадах. И в то же время оно прилагает все усилия, чтобы ограничить и умалить эту идею. Великая свобода мысли проявляется в истинном творчестве. Будет истинным то, что красиво и убедительно. В тайниках сердца, за которое ответствен сам человек, живет надежное знание о том, что есть истинная убедительность, что есть творчество, что есть красота.

Веласкес сказал: “Не полотно, но сама правда”.

Вспомним два замечательных отрывка из “Сада Эпикура” Анатоля Франса:

“Все, что ценится лишь за новизну манеры и своеобразии стиля, быстро стареет. В искусстве мода меняется, так же как в других областях. Есть фразы вычурные и рассчитанные на свежесть впечатления, как платья от знаменитой портнихи: их хватает только на сезон. В Риме эпохи упадка искусств статуи императриц были всегда украшены модными прическами. Прически эти скоро становились смешными; приходилось их менять – и на статуи надевали мраморные парики. Надо бы и стиль, тщательно причесанный, как эти статуи, каждый год перечесывать по-новому. Вот и получается, что в наше время, когда жизнь идет так быстро, литературные направления держатся всего несколько лет, а то и месяцев. Я знаю очень молодых писателей, стиль которых производит впечатление архаического. Это, конечно, результат чудесного прогресса в области промышленности и машин, влекущий изумленное общество вперед. Во времена гг. Гонкуров и железных дорог еще можно было довольно долго удовлетворяться одним артистическим письмом. Но с появлением телефона литература, которая зависит от жизненного уклада, обновляет свои формулы с обескураживающей быстротой. И мы присоединяемся к мнению г-на Людовика Галеви, что только простая форма в состоянии спокойно выдержать если не века, – утверждать это было бы преувеличением, – то годы.

Единственная трудность заключается в том, чтобы установить, что такое простая форма, и нужно признать, трудность эта великая.

Природа – во всяком случае, насколько она доступна нашему познанию и притом в областях, где возможна жизнь, – не представляет ничего простого, а

искусство не может притязать на большую простоту, чем природа. Но все же мы понимаем друг друга, когда говорим, что вот этот стиль прост, а этот не прост.

Скажу поэтому, что если нет простого стиля в строгом смысле слова, то существуют стили, кажущиеся простыми, и что как раз им-то, вероятно, присущи молодость и долговременность. Остается только установить, откуда у них эта счастливая видимость. И тут, конечно, приходит в голову, что они обязаны ею не недостаточному разнообразию элементов, а тому, что они представляют собой целое, все составные части которого до такой степени прочно слились, что их уже не различишь. Короче говоря, простой стиль – как тот луч, который падает через окно, пока я это пишу, и ясный свет которого объясняется полнейшим слиянием составляющих его семи цветов. Простой стиль подобен белому свету. Он сложен, но не выдает своей сложности. Правда, это только образное сравнение, а известно, как мало содержания в образах, сотканных не рукой поэта. Но мне хотелось отметить, что в языке прекрасная и желанная простота – только видимость и основана она исключительно на упорядоченности и высочайшей экономии всех речевых элементов”.

“Чтобы насладиться подлинным искусством и получить серьезное, глубокое впечатление от картины, смотрите фрески Гирландайо “Рождество Богородицы” в церкви Санта-Мария-Новелла во флоренции. Старый художник показывает нам спальню родильницы. Анна приподнялась на постели, она не красива и не молода, но сразу видно: это хорошая хозяйка. У изголовья своей кровати она поставила банку с вареньем, положила два граната. Стоящая по ту сторону кровати служанка держит перед ней чашу на подносе. Ребенка только что выкупали; медный таз еще посреди комнаты. Теперь маленькая Мария сосет молоко прекрасной кормилицы. Это молодая дама, горожанка, ставшая матерью, ласково дающая грудь ребенку своей подруги, чтобы этот ребенок и ее собственный, напитавшись соком жизни из одного источника, одинаково ощущали ее прелесть и, в силу молочного родства, братски любили друг друга. Рядом – молодая женщина, очень на нее похожая, или, скорей, молодая девушка, может быть, сестра, в богатом наряде с открытым лбом и заплетенными косами на висках, как у Эмилии Пии, протягивает к ребенку руки – очаровательным жестом, в котором чувствуется пробуждение материнского инстинкта. Две благородные гости, одетые по флорентийской моде, входят в комнату. За ними идет служанка, несущая корзину с арбузами и виноградом на голове; и эта красивая статная фигура, задрапированная по-античному, опоясанная лентой с развевающимися концами, кажется в этой семейной и благочестивой среде каким-то языческим сновидением. Так вот – в этой теплой комнате, в этих ласковых женских лицах мне видна вся прекрасная жизнь флоренции, весь цвет раннего Возрождения. Сын золотых дел мастера, сам зрелый мастер с первых же шагов, Гирландайо раскрыл в своем творчестве, ясном как рассвет летнего дня, всю тайну того учтивого века, в который ему посчастливилось жить и который обладал таким очарованием, что даже его современники восклицали: “О благодатные боги! Какое счастливое время!”

Художник должен любить жизнь и доказывать нам, что она прекрасна. Иначе мы усомнимся в этом”.

Леонардо указывал: “Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть дочь, или, лучше сказать, внучка Природы. Все, что есть, родилось от Природы, в свою очередь, породило науку живописи. Вот почему я говорю, что живопись – внучка Природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит Природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явления Природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением Природы”.

История запечатлела многообразные достижения Леонардо да Винчи во всех сферах жизни. Он оставил удивительные математические записи, он исследовал природу полета, он проводил медицинские изыскания, и он был выдающимся анатомом. Он изобретал музыкальные инструменты, изучал химию красок, он любил чудеса естественной истории. Он украшал города великолепными зданиями, дворцами, школами, библиотеками; он построил огромные военные казармы, создал один из лучших портов Адриатики и спроектировал и построил великий водный путь; он основал могущественные форты, проектировал военные машины, набрасывал военные проекты... Велика была его многосторонность.

Но после всех замечательных достижений он остался в памяти мира как художник – как великий художник. Разве это не истинная победа Искусства?

Доспехи Света

Помню, как Пюви де Шаванн находил искреннее, благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливается гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и одна четверть на радость. Провожая художника, я заметил: “Знаю, чем задержать Вас дольше! Лишь ненавистными для Вас вещами”. При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пюви де Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пюви?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества.

Бесчисленны от незапамятных времен заповеди о Прекрасном. Целые государства, целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь – значит пребывать в добре. Всепонимание, и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества.

И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом “Творите, творите!” можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в ледящей программе: сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уж затем дерзну на сочинение. Бессчетно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества!

Но зато сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают детские сочинения, пока глаз и сердце еще не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. “Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет”, – говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: “Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!”. Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришел к учителю с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: “Семья, служба мешают искусству”.

“Сколько вы часов на службе?” – спрашивает художник. “От десяти утра до пяти вечера”. – “А что вы делаете от четырех до десяти?”. – “То есть как от четырех?” – “Именно от четырех утра”. – “Но я сплю”. – “Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день”.

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпаса стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные сознания своей ответственности, полные сознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же, как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве, как и в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти веки опытности, когда они

Перих Н.К. Химават filosoff.org
свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: “Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать”. Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину “Поход”. Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую: “Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца”, – улыбаясь говорил он.

И другой мой учитель, Пюви де Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нем любовь к человечеству и радость творения; а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кармон, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: “Мы станем художниками, когда остаемся одни”.

Благословенны Учители, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углубленное понятие Гуру-Учителя, особенно и трогательно и вдохновенно. Именно вдохновительно видеть, что свободное, сознательное почитание Учителя существует и до сего дня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно еще живет и не умрет, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затрудненных возможностях. В “Духовных ценностях”, в “Переоценке”, в “Огне Претворяющем” мы достаточно говорили обо всем том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего, поэта Блока, и его глубокие слова о Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: “Там говорят о Несказуемом”. Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они все же объединенно замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богоматери.

Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогателен персидский апокриф о Христе. “Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного”.

В час отхождения вспоминает Будда:

“Как прекрасна Раджагриха и скала Коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!”.

Каждый Бодхисатва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в искусстве.

Говорит рабби Гамалиель: “Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое искусством, ни к чему не приводит”. А рабби Иегуда добавляет: “Не учащий сына своего художеству готовит из него грабителя на большой дороге”. Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают то же основное значение творческого искусства. “В Древней Индии искусство, религия, наука были синонимами Видья, или Культуры”. “Сатьям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке, непреложное, Благостное и

Прекрасное”.

Вспомним Музейон – дом Муз – Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин – о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: “Красота спасет мир!”. Ему вторит Рескин, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: “Молитва земли небу!”.

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит:

“Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка Природы. Все, что есть, родилось от Природы и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка Природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит Природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явления Природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножать не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением Природы”.

“Упрямая суровость” Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимою молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотой, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков все заповедует о значении творчества как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, майев, Китая; все сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетельствами о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлеченные идеалисты, но именно вооруженные опытом жизни, укрепленные всеми историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца.

Разве не этим языком созданы Притчи Соломона, и псалмы, и Бхагават-Гита, и все пламенные заветы отшельников синаитских?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению и укреплению, и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Америки в 1930 году, я сказал ему: “Берегитесь варваров”. С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком финансовой подавленности совершились многие неисправимые злодеяния.

Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но все-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных служителей тьмы.

“Берегитесь варваров!”

Все же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Все-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного,

творческого, прекрасного. Всеблагим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещенного. Входя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: “Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце...”

И теперь трудно во всемирном доме культуры. И опять надеемся, что сердце женщины поймет боль о творчестве, о культуре. Поймет она боль о духовных сокровищах и придет на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодежь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердыни, утвержденные жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светилом науки, как Ломоносов, ведь было нелегко. Ничто не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и тем не менее “Свет победил тьму”.

В детстве мы любили книгу Гастона Тиммандье “Мученики науки”. Должны бы быть изданы и книги “Мученики духа”, “Мученики искусства”, “Мученики творчества”.

Жизненные драмы Ван Гога, Гогена, Рейдера, Врубеля, Мареса и множества мучеников за Прекрасное составили бы еще один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу “Строители Америки”, сколько прекрасных, убедительных примеров встает в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Амор, Карнеги, Истман, Шифф, Хаммонд – целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства Америки, разве не восхитимся сильным характером Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоуза, Рокуэлла Кента, Джайласа, Девиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

“Признательность есть добродетель больших сердец”. Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества кует то непобедимое “оружие Света”, о котором говорит Апостол.

Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры.

Сейчас время осознать все духовное сокровище творчества, чтобы этим “Оружием Света” отразить темные силы невежества и двигаться безбоязненно. “Per aspera ad astra!” – “Через тернии к звездам!”

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

“Все-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своем разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времен незапамятных!”

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Также и в земном отражении Божественности, в искусстве, разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно, что должно лечь в основу всех действий культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют все сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно, должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и лжи и памятуя, что в словаре Блага много не отвлеченных, но действительно жизненно примененных понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый стремящийся ко Благу знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображенную энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своем, не убедимся в этом светлом, созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлеченности. Для будущего насаждались деревья при дорогах и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель складывать памятные столбы, если бы в сердце своем не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим – путь поведет к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобожденным от предрассудков, будет нестесненно преследовать цели Блага. Говорим – путь этот поведет к красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневную, воздух сердца составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые: перед отходом не произносят дурных слов. Слабые скажут: истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живет в Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей красоте. Нагнетением, нагружением сердца умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами прекрасной Мудрости Востока:

“Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветет розами и трава облечется радугою утра.

Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости”.

В Мудрости все реально – и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение и тягость Мира, и преображенный подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого “К Художнику”:

“Слух же духовный сильнее напрягай и духовное зрение.

И как над пламенем грамоты тайной

Неясные строки вдруг выступают,

Так выступят перед тобою картины.

Станут все ярче цвета, осязательней краски,

Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значеньи.

Ты ж в этот миг и смотри и внимай, притаивши дыханье,

И созидая потом, мимолетное помни виденье”.

Пора

Встань, друг. Получена весть.

Окончен твой отдых.

Сейчас я узнал, где хранится

один из знаков священных.

Подумай о счастье, если

один знак найдем мы.

Надо до солнца пойти.

Ночью все приготовить.

Небо ночное, смотри,

невиданно сегодня чудесно.

Я не запомню такого.

Вчера еще Кассиопея

была и грустна и туманна,

Альдебаран пугливо мерцал.

И не показалась Венера.

Но теперь воспрянули все.

Орион и Арктур засверкали.

За Алтаиром далеко

новые звездные знаки

блестят, и туманность

созвездий ясна и прозрачна.

Разве не видишь ты

путь к тому, что

мы завтра отыщем?

Звездные руны проснулись.

Бери свое достоянье.

Оружье с собою не нужно.

Обувь покрепче надень.

Подпояшься потуже.

Путь будет наш каменист.

Светлеет восток. Нам

пора.

Стремиться к прекрасному

Последние выставки воплотили идею, о которой мне уже приходилось несколько раз писать и говорить. С позиции истории искусства самым важным всегда будет открытие так называемых неизвестных художников, ведь имена великих мастеров зачастую общепризнаны всеми.

Просматривая стандартные справочники по искусству, в дополнение к знаменитостям мы обнаружили ряд имен, чьи произведения не имеют широкой

известности. Тем не менее эти художники доживали до преклонного возраста, непрерывно работали и были учениками великих мастеров.

О выставке в Париже пресса писала следующее: “Выставка из шестидесяти полотен, провозглашенных знатоками высшим достижением искусства, но включающая и работы неизвестных художников, была организована в Париже под покровительством Джорджа Хьюсманса и удостоилась чести стать самой замечательной из тридцати выставок парижского сезона”.

Выставка неизвестных художников напомнила старым коллекционерам и критикам моменты многих ошибочных суждений, сделанных лучшими авторитетами от искусства.

Один из них писал: “Тридцать лет назад у меня родилась мысль передать устроителям выставки маленький римский ландшафт, выполненный в светло-желтых и голубых тонах, а также рисунок пером, изображавший крестьянина в большой шляпе. Обоим произведениям было отказано. “Скучный” желтый ландшафт был выполнен Коро, а рисунок оказался не чем иным, как произведением самого Рембрандта”.

Другой критик добавил, что полотна неизвестных авторов приобретаются сегодня крупнейшими художественными музеями и, как полагают, многие из них принадлежат кисти великих мастеров. На недавней выставке древнего итальянского искусства в Париже демонстрировалось знаменитое произведение “Концерт на свежем воздухе”, приписывавшееся выдающимися авторитетами кисти Тициана, а ныне признанное шедевром Джорджоне.

Подобные парадоксы заставляют вспомнить известное высказывание Тулуз-Лотрека: “Картину следует постигать сердцем”. Другими словами, картину нужно оценивать по ее достоинству, а не только по подписи. Французский художник добавляет: “Так ли это важно, если вдруг обнаружится, что изображение Евангелиста написано не Веласкесом. Ведь высокое качество живописи ставит ее в один ряд с творениями кисти великого мастера!”

Можно припомнить много фактов, которые основаны на очень зыбких общепринятых суждениях. В музее Метрополитен в Нью-Йорке имеется картина, приписываемая Массейсу, которая в действительности является произведением очень интересного, но совершенно неизвестного нидерландского мастера Хазелера. Его подпись, которую видели и я, и хорошо известный знаток искусства сенатор Семенов-Тянь-Шаньский, очевидно, была удалена предыдущим владельцем. Конечно, для рынка небезразлично: продать неизвестного Хазелера или занять возможность предложить знаменитого Массейса.

Я сам видел письменное свидетельство всем известного специалиста, удостоверяющее в том, что картина написана Рембрандтом. Но именно с этого полотна было удалено имя Яна Викторса, известного ученика Рембрандта. Я помню также ландшафт восемнадцатого века, под которым просматривалась старая подпись семнадцатого века. Можно сослаться на множество рассказов, красноречиво свидетельствующих о том, что ценность полотна определяется не подписью, а его художественными достоинствами.

Существуют два вида коллекционеров. Одни требуют в первую очередь только имя, другим важно художественное мастерство. Для коллекционеров первого типа было создано бесчисленное множество подделок. Наиболее наглые торговцы произведениями искусства любят подсмеиваться: “Цена подписи не больше двух шиллингов”.

Если даже сейчас, прямо на наших глазах, исчезают подписи с полотен, то совершенно ясно, что подобные зловещие эпизоды имели место и в прошлом. Рассказывали об одном хорошо известном коллекционере, который всегда носил с собой пузырек со спиртом, и пока торговались по поводу картины, он умудрялся стереть на ней подпись, чтобы понизить ее цену. Множество трагедий происходило в жизни вокруг произведений искусства. Однажды мы были поражены, увидев, как реставратор намеренно приводил прекрасную картину в ветхое состояние, чтобы приобрести ее подешевле.

Всем доводилось слышать о шедеврах Леонардо, поврежденных религиозными фанатиками и жестокими завоевателями. Я помню, что прекрасный набросок Рубенса был использован в качестве картона для книжного переплета. Отличный портрет работы Брюллова был покрыт безобразным пейзажем. Под блистательным произведением, приписываемым Ингресу, была обнаружена подпись его

сотрудника Карбоньера. Во всех странах всегда существовала намеренная или произвольная замена имен или названий. Наряду с пересмотром ценностей и модой каждый век имел свои условности. Вместо правдивой переоценки вновь происходило утаивание.

Но не будем останавливаться лишь на искусстве прошлых веков. Проблемы современного искусства еще более остры. Могут ли примеры прошлого научить подрастающее поколение с открытым сердцем подходить к молодым художникам? Можно ли говорить об известности или неизвестности того или иного художника? Ведь для кого-то он значит известен, а для кого-то нет.

Мне рассказывали о замечательной коллекции “неизвестных” французских художников недавнего прошлого. Коллекционер из Марселя начал собирать картины авторов, которые умерли в молодом возрасте или от отчаяния забросили живопись. Было представлено большое собрание полотен. Посетитель, незнакомый с их именами, мог подумать, что это картины Дега, Моне, Мане, Рафаэля, Менара, Латоше и других известных французских художников. В эту коллекцию входило также несколько весьма ярких индивидуальных работ. Хочется думать, что когда-нибудь предприимчивые люди смогут сделать из подобной коллекции внушительную выставку, поражающую воображение. Кроме картин, написанных рано ушедшими из жизни художниками, существовали и такие, которые принадлежали авторам, считавшим себя неудачниками. Но возникает вопрос, вправе ли они были считать себя неудачниками? Ведь порой ужасная несправедливость приводит людей к такой незаслуженной самооценке.

Наш друг, произнося слово “неизвестный”, всегда любил добавить “неизвестный мне”. И в этом был глубоко прав. Как может некто утверждать, что это неизвестный художник, в то время как в другом месте и в другое время он может быть почитаем незнакомыми людьми? Многим современникам следовало бы прислушаться к такому мнению. Другими словами, в приступе самомнения некоторые люди воображают, что если они чего-то не знают или не допускают, то и все другие думают так же. Таково обычное невежество тщеславия. Кроме того, вопрос об известности или неизвестности – один из самых условных. Ведь понятие это зависит от множества случайных обстоятельств, как сознательных, так и бессознательных. Многие великие гении получили признание лишь после смерти. По некоторым курьезным причинам для большинства людей смерть является серьезным фактором признания.

О Господи! Как часто из-за глупого невежества отвратительный танец смерти вытесняет прекрасный сужденный Танец Жизни!

Могут ли выставки “неизвестных” художников напомнить нам лишний раз об относительности человеческих суждений, и могут ли они помочь восторжествовать еще одной справедливости в современном мире?

Все мы знаем о страданиях ученых, таких, как Коперник, Галилей, Парацельс, Лавуазье и других бесчисленных жертв в борьбе за правду. Много вышло книг, посвященных мученикам науки, и следом неплохо было бы издать серию “Мученики Искусства и Культуры”. Веря в то, что художники являются проповедниками красоты, нам необходимо знать обо всем, что способствовало их достижениям.

Нам известно не только о древнем Герострате – губителе красоты. Так же и в наши дни в Лондонской Королевской Академии Художеств варварски была уничтожена картина Сарже. В Лувре вандалы изрезали холст Миллета “Ангел”, а другим двуногим ножом была исполосована картина Репина “Иоанн Грозный” в Третьяковской галерее в Москве. Много написано о вандализме, и потому мы с надеждой смотрим на Знамя Мира, как на Красный Крест Культуры, служащий для защиты подлинных человеческих ценностей. Позвольте мне отметить еще один вид скрытого, но очень жестокого вандализма, который как бы исподволь существует во многих странах.

Исследуя творчество древних мастеров, мы часто сталкиваемся с фактом, когда поверх многих прекрасных полотен, по неизвестным причинам, заурядными художниками писались сюжеты на самые разнообразные темы. Очевидно, старая картина вышла из моды, и художники просто использовали холст как материал для создания более современных и модных творений. Было бы ошибочно думать, что подобным варварским актам подвергались лишь второсортные картины. Наоборот, среди отмеченных случаев встречается множество известных авторов, занимающих ныне почетное место в истории искусства.

Мне довелось видеть старую копию с широко известной картины художника Корригио, находящуюся в Национальной Галерее в Лондоне, и на ней отчетливо просматривались штрихи древнего портрета. И в самом деле, основание картины выглядело значительно старше, чем копия. Однажды нам пришлось стать свидетелями того, как из-под картин, относящихся к XVII или XVIII веку, выступили хорошо сохранившиеся прекрасные оригиналы Ламбера Ломбара, Рожера ван дер Вейдена, Адриана Бломара и подобных им знаменитостей.

Приведенные примеры показывают, что вандализм совершается не только руками обычных преступников, но и тайно в знатных домах ради тщеславия и предрассудков.

Красоту нельзя оберечь одними приказами и законами. И лишь когда человеческое сознание постигнет ее беспредельное величие, ее творческую силу, благородство и утонченность, только тогда истинные человеческие ценности будут сохранены. Не следует думать, что явление вандализма относится только к прошлому и связано с именами некоторых известных завоевателей. Общеизвестно, что разные виды вандализма происходят и сегодня. Поэтому попытка защитить и спасти красоту не абстрактна и сомнительна, а крайне необходима и безотлагательна.

Ясно, что образование в области искусства и красоты является насущной необходимостью. И несмотря на то, что это “прекрасная” необходимость, она подразумевает обязанности и ответственность. Нам всегда радостно видеть, как замыслы воплощаются в действия. Такое преобразование можно выразить ясным и в то же время почти непереводаемым словом *oeuvre*. Можно сказать “творение”, но все-таки придется согласиться в том понимании, в котором *oeuvre* пришло из французской литературы.

Об искусстве во всех его проявлениях принято судить очень легкомысленно. Кто-то прочел два стихотворения и уже говорит о поэте. Кто-то увидел три-четыре картины или воспроизведения картин – и уже судит о художнике. По одному роману определяется писатель. Одна книга очерков уже достаточна для бесповоротного суждения за чашкою чаю.

Не раз отмечено в литературе, что знаменитая “чашка чаю” ни к чему не обязывает. Может быть, и суждения, произнесенные за столом, тоже ни к чему не должны обязывать, а между тем часто они имеют очень глубокие последствия. В таких беседах за “чашкою чаю” люди и не думают о том, что отдельные произведения являются лишь лепестком всего *oeuvre*. Вряд ли даже опытный садовод или ботаник взялся бы судить о всем растении по одному лепестку цветка.

Решительно во всех родах творчества – в литературе, и в музыке, и в живописи – всюду нужно внимательное и бережливое отношение. Каждому приходилось читать и слышать, как авторам навязывали многое, им совершенно несвойственное, цитируя лишь обрывки из их неразрывного потока мыслей. Ведь не случайные люди берутся судить. В каждой области есть свои самоопределенные судьи.

Говорят, что общая оценка меняется трижды в столетие, так, как бы по поколениям. Понаблюдать эти извилины оценок очень поучительно. Сколько посторонних соображений будет влиять на общественное мнение! Соперничество издательств, или корысть продавцов художественных произведений, наконец, всякие разнообразные формы зависти и вражды так сложно отражаются на оценках, что будущему исследователю-историку часто совершенно невозможно разобраться. Можно бы привести к этому множество примеров.

Давайте не будем касаться некоторых эпизодов из мира коллекционеров, конкуренция среди которых доводит их до недостойного поведения. Очень важно помнить, что оценки творческой работы необыкновенно уклончивы и несут в себе много личного. Вспоминается, как некий любитель музыки предупреждал хорошо известного музыканта не играть в некоторые дни, так как у влиятельных критиков была зубная боль. Но когда ко всем этим пристрастным случайностям присоединяется еще и полное невежество в отношении творчества того или иного деятеля, тогда положение становится поистине трагичным.

Вспомним любого многотомного писателя. Можно ли судить о нем, не зная последовательно всех его трудов? Конечно, можно судить отдельные произведения автора, но тогда это будет суждение о произведении, но не обо всем творческом *oeuvre*. И не только как биография большой личности, но еще

более ценно следить накопление творчества и все пути его выражения. Вот тогда еще раз вспоминается это удачное в смысле своем слово оеувге. Оно заставляет особенно широко помыслить, заставляет очертить целое явление и широко рассмотреть его влияние и последствия.

История, переходя от оеувге личного, оценивает и оеувге целой нации, целой эпохи. Если историк не научится на малом доступном, то каким же способом он приблизится и охватит широкие задачи? Прежде чем думать о таких широких задачах, надо помыслить о добросовестности суждений частных и личных. Тот, кто поставил себе задачу всегда оставаться в пределах истины, тот научится разбираться во всех случайностях и бережно сопоставит причины и следствия.

Сейчас, когда так много преломлений и смешаний, каждое четкое, и честное, и сердечное охватывание предмета будет особенно нужной и современной задачей. Мы только что читали, как Стоковский определенно выразился о вреде механической музыки для истинного творчества. Стоковский справедливо напомнил, что даже в самих вибрациях, передаваемых непосредственно или механически, огромная разница. А некоторые инструменты вообще неощутимы при механической передаче.

Во время, когда и музыка, и сценическое искусство, и живопись подвержены всяким махинациям, именно тогда оценки творчества должны стать еще точнее, глубже и обоснованнее. Именно теперь, когда современный уклад стремится к краткости, отрывчатости и случайности, тогда нужно особенно устремиться к оценкам на основе всего оеувге.

Поздравляю всех истинных поклонников красоты, которые помогают сделать замечательные произведения общеизвестными и почитаемыми.

Судьба

“...Рембрандт с первых же шагов своей деятельности выходит за пределы локального значения, и все его дальнейшее творчество есть явление общечеловеческого смысла. Тяжелая трагедия его жизни и деятельности теряет чисто бытовой и исторический смысл, а становится, подобно трагедиям всех великих страдальцев, огромным символом. При этом символизм искусства и жизни Рембрандта носит роковой характер. Все, что случилось с ним, должно было случиться по каким-то верховным законам. Весь ужас этой жизни приобретает именно благодаря своей чрезмерности грандиозную красоту. Это подлинная Голгофа, крест, непосильный для средних людей, испытание, которого удостоиваются лишь избранные.”

Вглядываясь в эту логическую во всех своих перипетиях трагедию, постигаешь и ее внутреннюю гармонию. В ужасном финале этой жизни человека, когда видишь Рембрандта больным стариком, оставленным всеми, предающимся вину, живущим в нищете, то содрогаясь, но и понимаешь, что такой конец был самым величественным, самым достойным для гения. С точки зрения какой-то Высшей Справедливости – более достойным и прекрасным, чем чума столетнего богача Тициана, нежели прощание Рубенса с красавицей женой и переутомление Веласкеса придворными обязанностями. Рембрандт “сподобился мученического венца”, и, вопреки рассудку, видишь в этом высшую награду”.

Таким образом художественный критик Александр Бенуа в своих очерках описывает апофеоз жизни Рембрандта. Во многом Александр Бенуа находил глубокие характеристики, но в этом суждении о судьбе Рембрандта, о мученическом венце, о красоте вопреки рассудку, он дал еще одно свидетельство глубочайшего суждения. “Вопреки рассудку” – это простое и убедительное выражение, наверное, многим казалось и неуместным и неопределяемым. Тягостные дни телесного Рембрандта и франса Гальса (который закончил свой жизненный путь ночным сторожем в богадельне) для многих никак не покажутся апофеозом достойным.

Придворное рыцарство Ван Дейка, наверно, кому-то кажется замечательным завершением великого художника. Но за этими внешне блестящими завершениями кажутся и другие, сияние которых настолько насыщено, что не каждый глаз различит его. Совершенно так же электрическая искра в своем чрезвычайном напряжении делается уже недоступной человеческому глазу.

Так же, если вы попытаетесь заменить трагически величественную судьбу Леонардо да Винчи на яркий и блистательный конец Рафаэля, снова можно разрушить высшую гармонию. Даже тот факт, что забытую могилу Леонардо близ

Рерих Н.К. Химават filosoff.org
монастыря святого Флорентина навсегда сровняли с землей, даже этот жест судьбы был в стиле жизни великого художника.

В своей Героической симфонии Бетховен оплакивает судьбу консула Наполеона, но если вместо трагического конца попытаться представить картину постепенного упадка императора, то симфония потеряла бы все свое великолепие.

А великий Беме? Сапожник!

Как-то обсуждалась судьба Жанны д'Арк. Собеседники старались предположить, какой именно завершающий аккорд явился бы самым сияющим для светлой воительницы. Делались разные предположения. Доходили до того, что кто-то видел ее королевой Франции. Но после всяких примерных суждений пришли к тому, что сужденный превышным законом аккорд был самым незабываемо величественным. Конечно, никто не забудет и не оправдает предательство судей Жанны д'Арк. Так же точно никто не будет отстаивать тех квазизнатоков искусства, которые осудили ныне знаменитый "Ночной дозор" Рембрандта или его не принятую ратушей картину, ныне являющуюся драгоценным достоянием Королевского музея в Стокгольме.

Темные осудители, невежды и предатели таковыми и остаются. Они ведь вовсе не занимались ковкою мученических венцов. Они как были исчадиями ада, так и остались в той же зловонной тьме. Но совершенно вне их соображений, вне всяких земных допущений и пониманий самый превышний закон обращает уголь в сияющие алмазы. Наверное, каждый захотел бы прибавить к двум сказанным разнородным примерам еще множество самых замечательных свидетельств воздействия превышного закона. От самых высоких примеров и до повседневности можно видеть, как для каких-то мирообразований, для каких-то будущих укреплений куются незабываемые венцы.

Лишь бы только знать о путях несказуемых и гореть пониманием их. Тот же Рембрандт мог закончить старьевщиком, или главою местной гильдии, или капитаном стрелкового общества. Мало ли какой благополучный с обычной точки зрения конец можно бы предложить Рембрандту. Ведь был он собирателем, а от собирателя до старьевщика путь не так уж сложен. Был он богатым домовладельцем – по времени мог приумножить всякую недвижимую собственность. Мало ли кем он мог быть и "покойно" почить в пределах города. Но этого не должно было случиться по закону нереченному. Ценности, выраженные Рембрандтом, были оценены на каких-то совсем других весах – невидимых.

Жанна д'Арк могла остаться сельской провидицей, могла пророчествовать и исцелять. Могла окончить работу почитаемой аббатисой, а не то и уважаемой гражданкой. Ко всему были пути. Но великий Закон должен был в ней найти еще одно светлое свидетельство Истины. Пламень ее сердца, пламень костра – венец пламенный, все это далеко поверх обычных законов. Даже поверх обычного воображения человеческого.

Люди говорят о судьбе. Из каких же замечательных звеньев складывается так называемая судьба? От мирного стада до костра пожирающего. От верха благополучия до высшего испытания нищетой. Какими же человеческими формами высказать такие высочайшие построения? Высказать-то их и нельзя, но можно почувствовать, ибо в них заключены светлые вехи нового мира. И необходимо знакомить каждого с такими тонкими ощущениями, потому что только через них можно постичь новый мир.

Конфуций, так часто и непонятый и гонимый, заповедовал: "Когда мы наблюдаем явления, мы можем достичь знания; когда мы достигли знания, мы приобретаем доброе желание; когда мы приобрели доброе желание, сердце очищается, человек становится культурным; когда человек делается культурным, порядок царит в его семье; порядок царит и в его стране; когда же порядок будет царить в каждой стране, тогда и мир воцарится во всем мире".

Тоже как бы простой путь. От обычного проявления и до мира всего мира. В таком пути, при всей его неоспоримости, сказывается очень высокий и далеко не всем доступный мировой закон. Тоже о каких-то судьбах говорит этот закон, сказывает языком неземным. Каждый человек, каждый член семьи человеческой несет на себе ответственность за мир всего мира. Никто не имеет права сложить с себя высокую и прекрасную обязанность добротворчества. Никто не имеет права сжигать Жанну д'Арк. Кому дано право

Рерих Н.К. Химават filosoff.org
унизить Рембрандта? В сложных для земного глаза судьбах звучат законы и высокие, и требующие особых выражений.

Нищета Рембрандта – величественна. Костер Жанны д'Арк – прекрасен. Тернии Конфуция – поучительны. Терновый, великий Венец ведет мир.

Для неутомимости позвольте напомнить совет Леонардо да Винчи: “Терпение для оскорбленных – как одежда для замерзающих. При усилении холода одевайтесь теплее, и вы не заметите холода. Точно так же и при сильных оскорблениях, запасайтесь терпением, и обида не затронет вашу душу”.

Академия Объединенных Искусств

Записанное вчера о школах и кооперации, конечно, прежде всего, относится к нашему Институту Объединенных Искусств. Кроме существования различных мастерских и классов по разным областям искусства, нужно подумать об экспансии Института и на внешних полезных полях. Не случайно учреждение называется институтом, а не мастерскими. Понятие мастерских заключалось бы именно в работах в них, тогда как Институт действует, как внутри, так и внешне.

О наших внутренних программах было своевременно уже говорено. Их следует выполнять в пределах создавшихся обстоятельств. Если что-то, в силу не зависящих от Института обстоятельств, не могло еще быть проведено в жизнь, то это еще не значит, что оно вообще отставлено. Конечно, не отставлено, но ожидает ближайшую возможность.

Теперь же следует подумать еще планомернее о внешней работе Института.

Всегда было радостно слышать о выступлениях директора и деканов Института с лекциями и демонстрациями в посторонних, как в нью-йоркских, так и в иногородних учреждениях. В архивах Института хранится длинный ряд всевозможных признательностей, запросов и предложений, связанных с такими выступлениями.

Также было радостно слышать об образовании ученической гильдии и некоторых других внутренних групп, объединенных полезными идеями.

На основе того, что уже было сделано, особенно легко ввести внешнюю работу Института в планомерность, которая бы была отражена как в отчетах, так и в будущих предложениях учреждения.

Как из среды преподавательского состава, так и из старших учащихся следует готовить кадры наставников. Эти подвижные носители основ творчества в различных областях искусства и знания будут выступать во всевозможных образовательных, промышленных, деловых и прочих установлениях с живым словом о задачах творчества и познания. Естественно, что в тех случаях, где слово может быть сопровождено музыкальной, вокальной или какой-либо иной демонстрацией, это всегда будет полезно. Вопрос вознаграждения, конечно, будет индивидуален, в зависимости от возможностей приглашающего учреждения.

Повторяю, что многое в этом смысле уже делалось, и это лишь подтверждает насущность планомерности такой внешней работы Института. Такая работа, помимо своей абсолютной полезности, может создавать и всякие другие созидательные возможности.

Среди имеющихся классов имеется класс журнализма. Желательно, чтобы, наряду с журнализмом, также преподавались бы основы общественных выступлений. Такая тренировка совершенно необходима, ибо в ней испытуемые получают ту убедительность и энтузиазм, которые так нужны в живых просветительных выступлениях.

Эта внешняя работа Института, для которой могут быть приглашаемы и лица, не входящие в состав преподавателей или учащихся, может сделаться как бы значительной частью институтской программы. Нести свет познания и утверждать основы творчества всегда радостно. Потому можно себе представить, что, при планомерности этой работы, эта часть занятий Института найдет своих искренних энтузиастов.

За годы существования Институт, конечно, имеет в своем распоряжении, кроме действующих кадров, также и значительное число окончивших, бывших учащихся,

из которых так же точно могли бы быть почерпаемы полезные деятели для предположенных внешних выступлений. Будет ли то в народных школах, или в больницах, или в тюрьмах, или в храмах, или на удаленных фермах – все это будет теми высокополезными посевами, которые входят в нашу общую обязанность. Если мы уже видели, что врачи благожелательно способствуют такому общению, если мы имели многие выступления в церквях, то также будет приветствовано и агрикультурными управлениями хождение со светочем творчества в удаленные фермы.

Кроме новых познаний, эти беседы могут положить основу возрождения кустарной, домашней промышленности. Каждое сельское хозяйство имеет такое сезонное время, когда всякие домашние изделия являлись бы великолепным подспорьем. Входя в старинный дом германского или французского крестьянина, мы поражаемся отличному стилю домодельных предметов. Эти старинные сельские изделия сейчас имеют большую ценность на антикварных рынках. А ведь творились эти предметы в часы досуга сельского. В них закреплялось врожденное чувство творчества и домостроительства. Вместо бегства в отравленные города создавался свой самодельный прекрасный очаг. Можно легко себе представить, насколько такие художественно-промышленные эмиссары будут желанными гостями на трудовых фермах. Сколько утончения вкуса и качества работы может быть вносимо так легко и естественно.

Когда же мы заботимся о сохранении культурных ценностей, то такой экскурс по всем сферам деятельности будет жизненной охраной традиций Культуры. Там, где вместо разрушения, порожденного отчаянием, вновь пробудится живое домостроительство, там расцветет и сад прекрасный.

Сказанное не есть отвлеченность. Эти утверждения испытаны многими опытами в разных частях света. Всюду сердце человеческое остается сердцем, и питается оно прекрасною пищею Культуры.

Вспоминаю прекрасную персидскую сказку о том, как несколько ремесленников в пути должны были провести очень томительную ночь в дикой местности. Но каждый из них имел при себе свой инструмент, а в развалинах нашлось упавшее бревно. И вот во время дозорных часов каждый из ремесленников приложил к обработке этого куска дерева свое высокое искусство. Резчик вырезал облик прекрасной девушки, портной сшил одеяние. Затем она всячески была украшена, а в результате – бывшее с ними духовное лицо вдохнуло в созданное прекрасное изображение жизнь. Как всегда, сказка кончается благополучием, в основе которого лежало мастерство в различных областях.

Другая же сказка рассказывает, как один из калифов, будучи пленен и желая дать весть о месте своего заточения, выткал ковер с условными знаками, по которым он был освобожден. Но для этого спасения калиф должен был быть и искусным ткачом.

Также еще вспомним мудрый завет Гамалиеля, что “не давший сыну своему мастерства в руки готовит из него разбойника на большой дороге”. Не будем вспоминать множества других высокопоэтических и практических заветов и безотлагательно направим внимание Института на такие возможности внешней высокополезной работы.

Эта запись дойдет до Вас к лету. Кто знает, может быть, уже и среди ближайшего лета что-нибудь удастся сделать в этом направлении. Но, во всяком случае, с будущей осени уже можно принять этот вид работы планомерно – и тем еще раз исполнить девиз Института. Эту задачу мы все добровольно возложили на себя пятнадцать лет тому назад. Тем своевременнее будет развивать работу и на новых полях.

Вперед

Память имеет привычку, оглядываясь назад, копаться в прошлом и с высоты нынешних размышлений осуждать его. Развитие задерживается, когда мыслимое лучшее так и не применялось, с другой стороны, если ошибки исправлены и в то же время в нас вселяется стремление к новым поискам, тогда заблуждения даже желательны. Среди множеств наших воспоминаний сколько-нибудь ценно лишь то, которое вдыхает в нас молодость, твердость и неутомленность. Мы не можем всегда любить свое прошлое; разумеется, большинство считает это несовершенством жизни и полагает, что мы вполне правы со временем покинуть открытый путь исканий прекрасного. Не сожалеете о прошлом, которое является примером для будущего. В каждой неудаче мы можем обнаружить семя

Перих Н.К. Химават filosoff.org
совершенства, и здесь следует сказать: “Блаженны препятствиями растущие”.

В нужде не плакать надо над прокисшим молоком, а употреблять препятствия к пользе. Синтез провозглашаем, так кооперация и братское общение могут быть приняты.

Специализация полезна, если приводит к синтезу. Ни одна часть целого не возвысится, даже наиболее энергетичная часть, если она единственная обладает подобными свойствами.

Синтез есть общая сумма сил, ведущих вперед. Безгранично обоснованный довод с помощью такого воззвания: чья-либо исключительность отнюдь не основание для нелепых делений на расы или классы, это вовсе не дает повода для возвышения над другими в перебранке поколений. Поколение включает отличительные особенности людей пожилого возраста и молодых. Мысль, тем не менее, вне времени, и мысль о хорошем, о знании и красоте не может устареть. Дряхление же есть вопрос распада и может легко распознаваться.

Злоба и ненависть и убийство не относятся к достижениям. Вперед! И при этой настоящей команде всеобщий распад и озлобленность должны быть оставлены позади.

Сталкиваясь с непривычной для вас древностью, понимаете непреходящий характер прекрасного. Тот, кто стремится вперед, всегда мыслит прекрасными категориями и в медленных взлетах духа, и в творчестве, и в слиянии личных усилий со всеобщими усилиями к благоденствию. В эгоизме же умственный кругозор не раскрывается и нет полета духовного возрождения. “Per aspera ad astra” – “Через тернии к звездам”.

Нас не трогают, взятые наугад, некоторые знаменитые художники, висящие в музее. Мазо де Бансо, Траини, Альтичери, Стефано де Зевио, Микеле Гиамбоно, Питоччио, Бенедетто Диана, Эмполи, Индженджо, Ланини, Личинио, Марциале, Морец Морандо, Герини, Буонакорсо, Ортоло, Орси, Ориолд, Пулсоне, Станциони, единицы из ряда многих имен, многих других. Они были замечательными художниками. Некоторые из них занимают выдающееся место. Они возглавляли академии и студии. И все же дороги Судьбы удивительны. Многие современники опережали их в популярности. Многие работы этих художников приписывались другим, и ошибка раскрывалась спустя многие годы. Фрески Кампо Санто в Пизе в процессе изменения приписывались поочередно Гоццоли, Нардо ди Ционе и Траини. Такое много раз случалось с работами художников, и некоторые безымянные работы служат современным мастерам поводом для споров и дискуссий. Это все более трудная задача, ибо в те отдаленные времена индивидуальный стиль художника, как правило, растворялся в более традиционной школе. Не всегда легко разглядеть разницу между работами наиболее талантливых учеников Рембрандта, Рубенса или Ван Дейка и того или иного мастера. Тяжело разглядеть различия между работой Мастмана и его великого ученика, Рембрандта. Даже Бремер весьма часто схож с Рембрандтом. В более поздних работах Ян Виктор и Фабрициус, кого лишил жизни взрыв Дельфта, ошибочно принимаются за Рембрандта. Размышляем о бесчисленном ряде имен в каталоге нидерландских художников Вурцбаха, большая часть которых поблекла перед именами других художников. Картин с признаками конкретных имен сравнительно мало, зато огромное количество безымянных полотен дает обширное поле для догадок. Мы имеем списки картин Тициана, Дюрера, Эль Греко и Веласкеса, которые погибли от огня или от варварства, которые являлись достоянием всех эпох. Некоторые из них, вполне возможно, были спрятаны от уничтожения где-нибудь на чердаке или в другом месте, и в наше время мы имеем возможность лицезреть неожиданно проявившиеся шедевры Вермеера, Холбейна и Рубенса.

Великие имена часто сверху записывали работами талантливых художников, время произведений великих мастеров часто остается скрытым от взора смертного.

“Это все для будущего” (Софокл).

Работа художника имеет различное назначение. У меня немало периодов, когда можно отметить, что изображение может совершенно изменить свой вид не только вследствие его реконструкции, но и под воздействием надлежащих химических процессов. Изменяется не только вещество краски, но весь вид составных частей. Картина может сыграть любую шутку, это касается и деревянной рамы и самой композиции. Перемещение картин по странам может

иметь гибельный эффект, и каждая такая поездка может рассматриваться для работника искусства как тяжкое испытание. Художника часто обвиняют в том, чего он вовсе и не имел в виду, в действительности большинство художников имеют подобный опыт. С одной стороны, выставки необходимы, с другой – они являются причиной повреждения картин. После постоянного перенапряжения пятидесяти выставок мои “Сокровища Ангелов” изменили размер. Постоянно холсты садятся по краям и влияют на вид картины. Итак, перемещение в путешествии для картины большой риск, и он до такой степени велик, что их цвета иногда изменяются, если они возвращаются из отдаленных мест во влажном состоянии, например, из Тибета. В Венеции холст покрылся однажды густым слоем плесени. И затем, надо добавить, окраска затемняется в цейхгаузе или блекнет под лучами солнца, и так совершенно невозможно установить подлинный цвет, за исключением краев, которые покрывает обрамление рамы. Все может случиться. Я бы рассказал, как одна из моих картин была обнаружена в таможне на острове. Как она туда добралась?

Я наблюдал за “Вызовом”, который свертывали, как носовой платок, “Песнь викингов” была растерзана до полнейшего неузнавания. Моя пастель “Три волхва” была обезображена. “Ункрада” исчезла во время войны. Многие полотна были утеряны или разрезаны на куски. Где “Плач змея”, “Багряная заря”, “Границы королевства” или “Три радости”?

В одном польском костеле было немало картин и шесть из них мои. При отступлении во время войны все выжигалось. В старых каталогах мы идем сквозь названия скульптур и картин, которые были давно потеряны. Вандализм во всех проявлениях ярится над ликом земли. Сегодня война громыкает с востока до запада и много сокровищ жизни истреблено, и люди начали прятать под землю убежища и обкладываться мешками с песком.

Даже троглодиты были в лучшем положении, настенные рисунки в пещерах Альтамира сохраняются лучше, чем если бы они хранились в музеях. Мы имеем общепризнанный каталог Американской выставки Сальвадора Дали. Изумляет то, что всякое новое, в данном случае “сюрреализм”, едва ли не сводит с ума окружающий мир. Дали сам провозгласил, что источником его искусства является “паранойя”, которая представляет собой состояние сумасшествия. Это, разумеется, новшество, еще никто из современников не сводил с ума других провозглашением, что он сумасшедший. Американцы, притягиваемые новизной идеей, толпятся у его картин. Дали, который выглядит весьма хитрой особой, объясняет, что его работы калейдоскопичны, это действительно так, каждая из них содержит в себе несколько сюжетов. И кто когда-либо пожелал приобрести какой-нибудь из этих шедевров, в таком случае отчасти приобретал за одну цену множество картин, так как каждый из ряда сюжетов отличается от другого соответственно перемене настроения художника в момент его написания.

Там, разумеется, всегда люди, кто страшно жаждет новизны. Самое последнее повальное увлечение американской “золотой молодежи” – это проглатывание живьем золотых рыбок. Один из таких любителей, мы слышали, удачно отметился в заглатывании восьми золотых рыбок в один присест и таким образом занял первое место среди “золотой молодежи”. На этом новаторство подобного типа в мире не исчерпывается, и кто-то ныне сверкает в модернистском движении, возникшем в последнее время и обнаруживающем в себе ряд странностей, в которых отсутствует какой-либо смысл. Все публикации их многословных манифестов, составленные в туманных выражениях, претендуют немного немало опровергнуть или улучшить существующие традиции.

Когда мы оглядываемся назад, на новаторов минувших времен, мы не встречаем подобных притязаний. После Беллини и его замечательного искусства настает эпоха ослепительной роскоши Джорджони и Тициана. Все они слыли первопроходцами своего времени, но не навешивали ярлыков на работы некоторых менее талантливых имен и не поднимали шум среди оппозиции, являвшейся их предшественниками.

Эль Греко был великим новатором, но никогда не оглашал манифестов по поводу своих весьма оригинальных работ. Он писал в дороге, что отвечало свойствам его души, и песня, которую он пел, была естественной, самопроизвольной. И позже, когда мы перейдем к более современным новаторам времен Манэ, мы наблюдаем, что они и не думали о необходимости как-то защищать свои новшества или угрожать робким буржуа через манифесты.

Манэ, Ван Гог, Гоген, Врубель всегда писали свои работы в дороге, и это

естественно для них.

Говорят, что Ван Гог был сумасшедшим, с точки зрения докторов он, быть может, и являлся таковым, но сам художник никогда не настаивал, что его творчество является продуктом сумасшествия.

Но, конечно, мы наблюдаем прогресс! недавняя выставка Дали показала, когда художник заявляет, что его работа есть результат сумасшествия, он тем самым создает себе громкий успех. Буржуа одурачиваются уже неоднократно. Итак, налицо движение вперед.

Анатоль Франс однажды заметил с улыбкой: “Все, что ценится лишь за новизну манеры и своеобразия стиля, быстро стареет. В искусстве мода меняется, так же как в других областях. Есть фразы вычурные и рассчитанные на свежесть впечатления, как платья от знаменитой портнихи: их хватает только на сезон. В Риме эпохи упадка искусств статуи императриц были всегда украшены модными прическами. Прически эти скоро становились смешными; приходилось их менять – и на статуи надевали мраморные парики. Надо бы и стиль, тщательно причесанный, как эти статуи, каждый год перечесывать по-новому. Вот и получается, что в наше время, когда жизнь идет так быстро, литературные направления держатся всего несколько лет, а то и месяцев. И мы присоединяемся к мнению г-на Людовика Галеви, что только простая форма в состоянии спокойно выдержать если не века, – утверждать это было бы преувеличением, – то годы.

...Короче говоря, простой стиль – как тот луч, который падает через окно, пока я это пишу, и ясный свет которого объясняется полнейшим слиянием составляющих его семи цветов. Простой стиль подобен белому свету. Он сложен, но не выдает своей сложности. Правда, это только образное сравнение, а известно, как мало содержания в образах, сотканных не рукой поэта. Но мне хотелось отметить, что в языке прекрасная и желанная простота – только видимость и основана она исключительно на упорядоченности и высочайшей экономии всех речевых элементов”.

Врата в будущее

Друзья! Разбирая старые бумаги, мы нашли набросок моих мыслей о значении культурных учреждений. Перепишем для Вас эту памятку, которую сохраните в архивах. Исполнилось пятнадцатилетие нашей встречи для совместной работы, и вам, знаю, будет близко вспомнить об основных, изначальных мыслях о культуре.

Впишем на Щитах Культурных Просветительных Учреждений Заветы старинные, но всегда живые, ибо в них должно быть утверждено единение всех творческих сил, ведущих к преуспеянию. Скажем:

“Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство – для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата “священного источника”. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, кому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...

Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее неслучайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже “земные” люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты открывает все “священные врата”. Под знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее”.

Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни. Многие исконные понятия затмились в обиходе. Люди произносят слово Музей и остаются далеки от мысли, что Музей есть Музейон, по-гречески, Дом Муз. Обиталище всех Муз прежде всего является символом Объединения. В классическом мире понятие муз вовсе не было чем-то отвлеченным, наоборот, в нем утверждались живые основы творчества здесь – на Земле, в нашем плотном мире. Так издавна, от самых далеких веков утверждались основы единства. Все человеческие примеры ярко говорят о том, что сила в союзе, в доброжелательстве и сотрудничестве. Швейцарский лев крепко держит щит с начертанием: “В Единении Сила”.

Когда мыслим о созидании школы Объединенных Искусств, со всеми к тому образовательными предметами мы имеем в виду именно дело живое. Всякая отвлеченность, всякая туманность и необоснованность не должны входить в созидательный план. Туманности – не для созидания. Для постройки нужен свет, чтобы в ярких лучах иметь возможность находить прочные и прекрасные материалы. Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна прежде всего самому творящему, трудящемуся. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его приумножатся и сложатся в наиболее убедительном выражении. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и качество его вознесется и сотворит еще большее общественное благо. В труде – благодать.

Каждая школа есть просветительное приготовление к жизненному труду. Чем больше школа вооружит ученика своего на избранном им поприще, тем она будет жизненнее, тем она станет любимее. Вместо формального холодного окончания школы ученик навсегда останется ее другом, ее верным сотрудником. Основание школ есть дело поистине священное. Примат Духа заложится среди правильных, освобожденных от предрассудков оснований. Там же, где вознесется прочно примат Духа, во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещенные Светом Знания Неугасимым.

Школа готовит к жизни. Школа не может давать только специальные предметы, не утвердив сознание учащегося. Потому школа должна быть оборудована всевозможными полезными пособиями, избранными предметами творчества, обдуманно составленными книгохранилищами и даже кооперативами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в осознании современного общественного строя. От юных лет легче воспринять условия разумного обмена, легче не погрузиться в корысть, в утаивание и самость. Школьное товарищество закладывается естественно. Дети и молодежь любят, когда им поручается серьезная работа, и потому по способностям каждого должны быть открываемы широко врата будущих достижений.

Начало сотрудничества, кооперации может быть жизненно приложено и в построении самих школьных зданий, этих Музейонов всех Муз. Могут ли быть общежития при школьных зданиях? Конечно, могут. Даже желательно, чтобы люди, приобщившиеся к благим задачам культуры, могли иметь между собою возможно большее общение. Если бы в таких кооперациях пожелали находиться и вновь подошедшие, посторонние люди, то это должно быть лишь приветствовано. Приобщившийся к культуре неминуемо должен получить тот или иной дар ее. Таким образом строение школьное будет не только прямым светорассадником для молодежи, но и сделается широким распространителем знаний для всех желающих подойти. Ведь вне возраста вечное обучение. Познавание беспредельно, и в этом красота беспредельная!

Все должно быть жизненно и потому должно и в плотном отношении стоять прочно. Для этого все расчеты просветительных построений должны быть сделаны с величайшей точностью. Если все города полны бесчисленными доходными домами, значит строение, даже в житейском смысле, признается доходным и верным. Если даже без культурных заданий, лишь в желании обогащения строятся дома, то, конечно, при правильном расчете будут также доходны такие просветительные строения, с общежитиями, школами, музеями, книгохранилищами и кооперативами. Не от великого знания, но от инженерно-финансового расчета зависят соотношения частей таких объединений. Все примеры нашей современности говорят о том, что существуют доходные дома, богатеют издательства, процветают кооперативы, находят средства музеи и школы, существуют галереи для продажи художественных произведений, лекторы получают гонорары и даже существуют платные библиотеки, себя окупающие.

Мы сами на своем веку удостоверились, как одно дело художественных открытых

писем в течение самого короткого срока давало огромные доходы. Мы видели прекрасные результаты выставок. Мы знали, как школа взносами части учащихся могла давать бесплатное обучение шестистам неимущим. Мы видели, как процветали в самый короткий срок кооперативы. Можем свидетельствовать, как самодеятельность полезных учреждений не только содержала их самих, но и позволяла широко уделять на благотворительность. Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлеченным. Если Культура есть следствие лучших накоплений знаний, есть утверждение примата Духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчетов – построений.

Всякая корысть уже не культурна, но заработок и оплата труда есть законное право. Право на жизнь, право на знание, право на достоинство личности. Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами. Всякие перевороты в конце концов лишь подтверждают эти ценности; люди приглашают почетных гостей на эти пиры Культуры. Учреждаются целые министерства во имя этих неизменных ценностей. Разумно люди стараются охранить и сберечь такие всемирные памятники Культуры. Красный Крест бережет здоровье, но будет Знак, берегущий Культуру! Будет Лига Культуры!

Неотложно нужно, чтобы среди мировых смущений и смятений возникали твердыни, маяки Культуры. Если кто-то подумает, что и Школ и всяких Просветительных Учреждений уже достаточно, – он ошибается. Если бы было достаточно просвещения, то человечество не стояло бы на пороге ужасных разложений и разрушений. Все видели достаточно мрачных развалин. Каждая газета говорит о крушениях и о набухающих несчастьях. Издавна сказано, что в основе всякого ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайшим долгом человечества есть внесение усиленного Просвещения. Мир через Культуру. А кто же не стремится в сердце своем к миру, к возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в Сад Прекрасный?

И опять, никакой сад не будет цвести и благоухать, если не было над ним надзора неусыпного. Землю надо улучшить, надо выбрать лучшие сроки для посева, отобрать лучшие зерна и рассчитать лучший день сбора. Следует настаивать на правильных расчетах. Инженер, строитель знает эти расчеты, чтобы основы башен соответствовали завершению. Сердце человеческое знает и другое неперемное основание. Оно знает, что общественность, народ должны всемерно сочувствовать культурным построениям. Если благотворительность является священной обязанностью людей, то тем более просвещение, как основание здоровых поколений всей земной эволюции, является ближайшим и священнейшим долгом каждого обитателя Земли. Культура не есть удел богатых, культура есть достояние всего народа. Решительно каждый в своей мере, в своем добром желании может и должен вносить свое зерно в общую житницу. Сотрудничество как основа бытия является и взаимопомощью. Если один отдел заболевает неустройством, то остальные придут ему на помощь.

Культура не выносит злоречия и злонамеренности. Зло есть грубейшая форма невежества. Зло, как тьму, надо рассеивать. Внесенный Свет уже разгоняет тьму. Каждое сотрудничество во имя Света своим существованием уже противоборствует темному хаосу. Работники Культуры в справедливости должны наблюдать, чтобы никто из приобщившихся к делу Просвещения не пострадал. Отзывчиво и сердечно они должны протянуть друг другу руку истинной помощи. Опять-таки это не будет отвлеченным благожеланием, каждый кооператив предусматривает возможность и надобность такой помощи.

Мы всегда стояли за общественное начало. В свое время в России, принимая руководство обширным Просветительным Учреждением, я прежде всего поставил условием установление Совета Профессоров, облеченного правом решающего постановления. Общее дело должно и решаться общественно. Также и вся финансовая сторона находилась в руках особого Комитета, составленного из испытанных финансистов. Кроме того, строжайшая Ревизионная Комиссия ведала всеми отчетами. Семнадцать лет работы лишь подтвердили, что общественное начало должно лежать в основе общего дела. Сейчас мне приходилось в разных странах встречать наших бывших учащихся. По их настроению и воспоминанию вижу, что бывшее ими оценено сердечно.

Было у нас и издательство, были выставки, были лекции и беседы, были многие мастерские, в которых дети местных фабричных работников получали первые

основы своей будущей работы. Была и врачебная часть. Были собеседования и консультации по разным вопросам Искусства и Педагогики. Был Музей – всегда помню просвещенного директора – основателя Д.В.Григоровича. Помните повести его из народной жизни? Эту любовь к народу принес он и в стены Хранилища Искусства, внушая доступность и целебность источников красоты. Есть о чем вспомнить.

Итак, мысля о строении, вооружимся духом несломимым. Напишем на Щите слова, от которых не отречемся. Будем смотреть на сотрудников, на учащихся, на всех приобщающихся, как на ближайших деятелей и друзей. Не будем огорчаться трудностями, ибо без трудностей нет и достижения. И будем всегда твердо помнить, что все труды должны быть истинно полезны человечеству. Потому и качество этих трудов должно быть высоко. Должно быть высоко и качество взаимосердечности, ибо неразделимы сердце и культура.

На том знаменательном слове кончалась моя запись. Вы знаете, как мы, основная группа сотрудников, вносили эти же основы и в построение Просветительных дел в Америке. Никто не скажет, что мыслили мы о плохом, о ненужном. Основы Этики и Культуры всюду нужны. Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос. “С оружием Света в правой и левой руке”. Все это не отвлеченность, но великая основная реальность. Сегодня первый день 1936 года. Шлю Вам наши старинные мысли как основу новых нерушимых построений. Со всем мужеством в добрый путь!

Дума о культуре есть Врата в Будущее.

Прекрасное единение

Цвет, звук и аромат есть краеугольный камень великого синтеза. С незапамятных времен люди чувствуют огромное внутреннее влечение выразить этот синтез посредством своего человеческого существа. Совсем недавно люди опять вспомнили, каким образом можно объединить цвет и звучание и что все три основы, кроме того, лекарство от человеческих болезней. Таким образом, тот, кто размышляет о понимании цвета, не обязательно связывает цвет с окраской как таковой, но он думает над одним из величайших понятий нашего существования. Цвет ценят художники, действительно, не найти человека, просто ценящего красоту, но ценится ее гармоничное сочетание, или, как говорят французы, “valeur”. Что же это соотношение цветов значит? Опять мы должны сказать, что для того, кто не сведущ в понимании синтеза и симфонии, такое соотношение – пустой звук.

Не слишком вдаваться в подробности глубинного смысла искусства для человеческой жизни – это ясный всякому постулат. Но в наше время мы должны особенно подчеркнуть значение для жизни синтеза и симфонии. Синтез должен быть понятен всякому, кому приоткрылось понимание культуры. Если бы человечество надумало остаться на уровне примитивного развития, что ж, в таком случае это было бы тоже самым ранним упоминанием священного синтеза. Но к синтезу человеческого духа будет продвигаться культурой – ее можно назвать Культурой Света, – и там кто-то уже сможет найти сотрудничество и понимание на основе синтеза.

Художники не ограничиваются примитивными соображениями в таком понятии, как изображение; художников ведет глубокое понимание цветового звучания их сада чудесного, в котором можно разглядеть прекрасные перспективы славного будущего. Когда мы говорим о синтезе и симфонии жизни, мы не избегаем сильных и восторженных выражений. Вся сфера синтеза и симфонии поднимает и ведет вверх. Почти всегда человеческие глаза едва выдерживают при виде сияющих горных пиков, не человеческому взору судить о великолепии этих вершин. Но мы призываем не только критиковать этот мир, но работать, восхищаться им и следовать к вершинам в непрерывном творении мира.

Творить, творить и творить! Творить днем, творить ночью; в творении мысленно существенна наша физическая экспрессия. В таком творчестве мы в состоянии преодолеть большую часть отвратительных привычек – пошлых, пустых и позорных. Люди иногда считают, что творчество весьма эгоистично и тщеславно. Но данное безобразие – собственность тьмы. Когда какая-то личность “набирает высоту”, устремляясь к Свету, тогда вся подобная мерзкая шелуха с нее спадает, и человек приходит к просвещению. Его “Я” меняется на “Мы”.

Человека, способного понимать подлинные ценности, на этот же путь к

вершинам ведет и его Духовный Компас. Из глубин тьмы кто-то может услышать отвратительные крики: “Долой культуру!”, “Долой героизм!”, “Долой учителей!”. Это позор человечества, но подобные выкрики есть полнейшее невежество, некое свидетельство нашего времени. Но тот, кто мыслит такими изысканными представлениями, как цвет и звук, культура и гармония, такой человек осознает всю безграничность Иерархии Прекрасного и Познания и неустанно продолжает восходить по величественным ступеням достижений, показывая путь странникам жизни, идущим следом.

Замечательно, что все вы молоды. Одни возрастом, другие – духом. Творчество должно быть вечно наполнено молодостью, которая постоянно устремлена к героизму. Страны измеряют свою славу не капитанами индустрии, но художниками и учеными. Такая потребность исторически накладывает на нас обязанность непрерывного совершенствования. Тот, кто никогда не прекращал это восхождение духа, никогда не состарится. Я шлю вам мое сердечное приветствие на дороге к сияющим вершинам, и я верю, что вы, оставив все несущественные разногласия и мелкие человеческие настроения, будете расти в непрерывном творчестве, лелея славные традиции вашей великой Родины Индии!

Нолини Канта Гупта писал в Троекнижии, в русле своей статьи “Прекрасное в Упанишадах”: “Искусство в своем высшем проявлении становится простым и совершенно чуждо всяких условностей; это есть лишь тогда, когда искусство действительно высочайше, ибо простота сама по себе не цель художественного существа. Какой-либо эстетический подтекст начисто отсутствует в Упанишадах; ощущение прекрасного здесь есть, но оно не самоцель и выполняет лишь служебную роль, помогая достичь более глубокого проникновения в сознание”.

Истинное Искусство в своем высшем проявлении не терпит какой-либо традиционности или насилия. В самих основах жизни заложена концепция прекрасного, и все это пронизано убедительностью.

Мы, как строители, не отрицаем и не отвергаем.

“Прекрасным мы объединяемся!

Через Прекрасное мы ведем молитву!

С Прекрасным мы побеждаем!”

III. Русь

“Подвиг”

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова “Указ” и “Совет” упомянуты в этом словаре. Следовало добавить и еще одно слово непереводаемое, многозначительное русское слово “Подвиг”.

Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова, хотя бы приблизительного значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестнадцати тысяч китайских иероглифов найдется что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению. Героизм, возвещаемый трубными звуками, еще не полностью передает бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово “Подвиг”. “Героический поступок” это не совсем то; “доблесть” его не исчерпывает; “самоотречение” опять-таки не то; “усовершенствование” не достигает цели; “достижение” имеет совсем другое значение, потому что подразумевает завершение, между тем как “подвиг” безграничен. Соберите из разных языков многие слова, означающие лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину “Подвиг”. И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, это “Подвиг”!

Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс – это и дало России ее великодушных героев. Великие дела совершаются без большого шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Среди многих прекрасных понятий, быстро забытых в особенном небрежении, принцип человечности. Не безобразно ли то, что люди забывают о человечности? На смену пришли разрушения, оскорбления, умаления. Но именно

“Подвиг” не разрушает, не оскорбляет, не осуждает.

Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Не прекрасно ли, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию? Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду; он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника. Ласковость, дружелюбие, помощь угнетенному – вот характерные черты героя.

Подвиг не только можно обнаружить среди вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру.

“Подвиг” означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание!

Если иностранные словари содержат слова “Указ” и “Совет”, то они обязательно должны включить лучшее русское слово “Подвиг”.

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты
“Подвиг!”

Понимание

Среди странствий на полях культуры пришлось встретить множество разнообразнейших людей. Можно их делить по самым различным признакам, но сейчас хочется написать по признаку душевного расположения к русскому народу. Одни думают, что у русского народа совсем нет друзей. Другие, наоборот, считают, что друзей много. И то и другое неопределительно. Друзья – то есть, но они очень трудно распознаваемы. Душевная расположенность есть не надуманное, но врожденное качество. Начнем ли мы смотреть по расовому признаку – ничего не выйдет. Начнем ли вспоминать исторические примеры – и в этих данных будут лишь недоразумения.

Может оказаться, что целые войны были с друзьями, а всякие притворные вежливости были в кругу врагов. Не сказать ли примеры? Знаем, как многократно русский народ помогал другим народам, и в большинстве случаев никакой ни признательности, ни душевности не происходило. Русский народ отдавал, почти дарил огромные свои области, но и эти душевные жесты бывали забыты и, может быть, умышленно забыты. Одни – по зависти, другие – по невежеству, третьи – по какому-то неизреченному атавизму не проявляли душевности к русскому народу. Одни рассказывали о развесистой клюкве, о медведях на улицах Москвы, другие изобретали клеветы о пожирании казаками мыла, сальных свечей и даже младенцев.

Даже и теперь во многих фильмах, как только дело касается русского быта, можно видеть самые неправдоподобные постановки. Иногда даже невозможно решить, делается ли это по невежеству или же умышленно по какой-то внутренней враждебности к русскому народу. Большое достижение в том, что

сейчас русское искусство и литература в переводах на многие языки широко обошли мир. Все-таки в сознание читателей и зрителей должны были проникнуть истинные сведения о русской жизни. Там, где поймут русский народ, там вопреки всяким нелепым атавизмам зародится и душевность. Может быть, мы неправильно употребили это слово, но оно представляется показательным. Мы уже не говорим о любви, о дружбе, о расположении, но хотя бы зародыш душевности должен послужить на благо, на взаимопонимание и на справедливую оценку души народов. От древнейшей и до новейшей русской литературы можно видеть отображение этой души. Главное же – знать достоверно.

Русские облики

Мусоргский

“Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский” по именам четырех сестер Голенищевых-Кутузовых так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны – та, которую Мусоргский называл Катонский от имени Екатерины, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских – у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом кн. Путятина, а Людонский – Людмила Рыжова.

После последнего пребывания Мусоргского в Боброве произошел печальный, непоправимый эпизод. После отъезда композитора, который уже был в болезненном состоянии, нашлись целые кипы музыкальных черновых набросков. По небрежению все это сгорело. Кто знает, что там было. Может быть, там были какие-то новые музыкальные мысли, а может быть, уже и готовые вещи. Сколько таким путем пропадает от простого небрежения и неведения. А кто знает, может быть, где-то на чердаке или в амбаре хранятся и еще какие-то ценные записки. Мне приходилось видеть, как интереснейшие архивы в каких-то корзинах выносились на чердак на радость мышам.

О Мусоргском вышло несколько биографий, но в каждую из них, естественно, не входили многие характерные черты. Так и мы, если бы Мусоргский не был двоюродным дядей Елены Ивановны, то, вероятно, также никогда не слышали бы многих подробностей его глубоко печальной жизни. Теперь будут праздновать столетие со дня рождения Мусоргского. Наверное, от некоторых ровесников его еще узнаются характерные подробности. Но в нашей жизни это имя прошло многообразно, постоянно встречаясь в самых неожиданных сочетаниях.

Вот вспоминается, как в мастерских Общества поощрения художеств под руководством Степы Митусова гремят хоры Мусоргского. Вот у А.А.Голенищева-Кутузова исполняется “Полководец”. Вот Стравинский наигрывает из Мусоргского. Вот звучно гремит “Ночь на Лысой горе”. А вот в Париже Шаляпин учит раскольницу спеть из “Хованщины”: “Грех, смертный грех”. Бедной раскольнице никак не удается передать вескую интонацию Федора Ивановича, и пассаж повторяется несчетное число раз. Раскольница уже почти плачет, а Федор Иванович тычет перед ее носом пальцем и настаивает: “Помните же, что вы Мусоргского поете”. В этом ударе на Мусоргского великий певец вложил всю убедительность, которая должна звучать при этом имени для каждого русского. Из “Хованщины” мне пришлось сделать лишь палаты Голицына для Ковент-Гарден. А вот в далеких Гималаях звучит “Стрелецкая слобода”...

Исконно русское звучит во всем, что творил Мусоргский. Стасов был первый, кто привлек мое внимание к Мусоргскому, хотя в то время многие игнорировали Мусоргского и считали бесполезным продолжение его творчества. Окружение Стасова, каким бы многочисленным оно ни было, всегда было очень влиятельно, и все, кто посещал первые Беляевские концерты, становились почитателями этого русского гения.

Может быть, теперь и вся жизнь Мусоргского протекла бы под более благоприятным знаком. Может быть, теперь сразу бы поняли и оценили, и озаботились о лучших условиях для творчества. Может быть... А может быть, и опять не поняли бы, и опять отложили бы настоящее признание на полвека, а то и на целый век – всяко бывает. Добрые люди скажут, что невозможно и представить себе, чтобы сейчас могли происходить всякие грубые непонимания, вандализмы и несправедливые осуждения – так говорят оптимисты, пусть же многие уроки прошлого послужат для улучшения будущего.

Радостно слышать, что русский народ будет праздновать столетие Мусоргского.

Перих Н.К. Химават filosoff.org
Значит, оценили накрепко. Будет поставлена “Хованщина”.

Поймут, что не нужно делать несносных купюр, не следует самовольничать, изменяя текст, пусть встанет во весь рост создание великого русского творца.

Чем полнее, чем подлиннее будем выражать великие мысли, тем большим неиссякаемым источником они будут для всего народа.

Слава Мусоргскому!

Станиславский

Добрый глаз редок. Дурной глаз в каждом доме найдется.

Мне говорили, что Станиславский заставляет своих учеников: “Умейте в каждой вещи найти не худшее, но лучшее”. Чуткий художник знал, что огромное большинство людей с наслаждением служит культу худшего, не зная, как подойти ко всему, что приносит радость.

С великим рвением люди умаляют то, что им не по нраву. Какое долгое время они готовы проводить около того, что им показалось отвратительным. Встреча с чем-то нелюбимым порождает яркие слова, блестящие сравнения. И быстры тогда человеческие речи, и сильны движения. И горят глаза.

Но зато как медленно-скучны бывают слова похвалы и одобрения. Как страшимся мы найти и признать. Самый запас добрых слов становится бедным и обычным. И потухают глаза.

Удалось испытать одного любителя живописи. За ним ходил с часами и незаметно замечал время, проводимое им около картин. Оказалось, около картин осуждаемых было проведено времени с лишком вдвое больше, нежели около вещей одобренных. Не было потребности смотреть на то, что, казалось, доставило бы ему радость; нужно было потратить время на осуждение. Наконец я сказал ему: “Теперь знаю, чем вас привлечь. Надо окружить вас вещами ненавистными”.

Мы, славяне, особенно повинны во многоглаголании худшего. В Европе уже приходят к замалчиванию худого, конечно, кроме личных выступлений.

Но великие мастера всегда считают: если что показалось плохим, значит, оно не достойно обсуждения. Жизнь слишком красива, слишком велика, чтобы загрязнять себя зрелищем недостойным. Слишком много радостного, много заслуживающего внимания. Но надо знать бодрость и радость.

Надо знать, что нашему “я” ничто не может вредить. Остановившись перед плохим, мы у себя отнимаем минуту радости. Удерживаем себя вместо шага вперед.

Учиться радости, учиться видеть лишь бодрое и красивое! Если мы загрязнили глаза и слова наши, то надо учиться их очистить. Строго удержать себя от общения с тем, что не полюбилось. И у нас жизнь разрастется. И нам недосуг станет всматриваться в ненавистное. Отойдет ликование злобы. И у нас откроется глаз добрый.

Эти возвышенные мысли пришли мне на ум после встречи со Станиславским. Он был не только магнетической личностью, но и неутомимым сеятелем всего ободряющего и созидательного. Можно сказать, что он действительно имел глаз добрый.

С грустью в Гималаях мы приняли известие, что Станиславский ушел с земного плана. Но где бы он сейчас ни находился, он будет счастливее, потому что неослабляемый восторг поведет его к новым сияющим вершинам.

Несколько великих мужей недавно ушло от нас. Нет больше Шаляпина. Ушли Горький и Глазунов. Нет Трубецкого. Умер Яковлев. Свежая почта принесла известие о смерти Куприна. Вспоминается мастерский рассказ Анатоля Франса о том, что великие души встречаются за земными границами и продолжают там развивать идеи, которые вдохновляли их при жизни. Сколько чудесного вдохновения распространит Станиславский повсюду, где бы он ни оказался. И мы с благодарностью сохраним в наших сердцах память о его незабываемых

театральных постановках и тот возвышенный восторг, которым он наполнял каждого, кто встречался с ним.

Несомненно, что все знакомые со Станиславским были тронуты тем, что даже после смерти гроб с телом покойного выставили в траурном зале театра, который всегда был для него настоящим храмом.

Венок Дягилеву

Ушел Дягилев. Нечто гораздо большее, нежели великая индивидуальная сила ушла с ним. Можно рассматривать весь подвиг Дягилева как большую индивидуальность, но гораздо естественнее увидеть в нем истинного представителя целого синтетического движения. Оценим в нем вечно юного охранителя великих мгновений, когда современное искусство освобождалось от многих условностей и предрассудков.

Вся жизнь Дягилева была очень бурная, как и подобает жизни истинного представителя творчества. Не один раз и наше личное отношение с ним затемнялось, чтобы опять возобновиться в еще большем единении. Дягилев первый выразил свое доверие художественному значению моей картины “Гонец”. Затем, в 1900 году, во время Парижской Всемирной Выставки, он просил мою картину “Поход” для своего отдела, но картина эта уже была обещана на выставку Академии художеств, и этот произвольный отказ мой обострил наши отношения. Затем, когда я принял участие в органе императорского общества поощрения художеств “Искусство”, Дягилев опять содрогнулся, боясь, как бы я не впал в казенщину. Но потом опять волны жизни соединили нас, и наш великий художник Серов оказался отличным примирителем.

В 1906 году Дягилев опять пришел ко мне за эскизами “Половецкого Стана”, его балета в Париже. Это было веселое время, когда лучшие французские критики, как Жак Бланш, приветствовали Русское Искусство. Я был уже не связан с академическими выставками, и так, не нарушая никаких обещаний, мог принять приглашение Дягилева на выставки “Мира Искусства”, президентом которого я был избран в 1910 году. С этого времени ничто не омрачало моих отношений с Дягилевым.

Прошло 500 представлений “князя Игоря”, прошли “Псковитянка” и “Китеж”. Расцвела “Весна Священная”. В 1920 году мы возобновили в Лондоне “князя Игоря”, когда Дягилев пригласил меня из Швеции. В последний раз я встретил его в Париже в 1923 году. Вспоминаю это последнее свидание с чувством особого мира и дружбы. Можно было во многом спорить с Дягилевым, но никогда это не переходило на личную почву. Конечно, вопросы искусства в его жизненном проявлении всегда вызывают такие многообразные суждения. Но в этих обменах мнений о деле не вспоминаются никакие личные выпады. Чувствовалась только большая положительная работа созданий нового выражения искусства.

Дягилев был чужд спячке жизни: с детства будучи очень одаренным музыкантом, он признал истинный путь искусства. Это не был поверхностный модернизм. Он не был условным “носителем зеленой гвоздики”, но был искренним рыцарем эволюции и красоты.

Вспоминаю, как во время выставки “Мира Искусства” 1903 года, поздним вечером, я совершенно перестроил мою картину “Город строят”. К полночи пришел Дягилев. Увидев перестроенную картину, он схватил мою руку: “Ни одного мазка больше; вот это сильное выражение! Долой академические формы!”

Этот девиз “долой академизм” в суждении Дягилева не был пустым разрушением. Ведь это он понял и явил в новом величии красоту гения Мусоргского. Он глубоко ценил лучшие моменты творчества Римского-Корсакова. Вопреки современным ничтожествам, он вызвал мощь Стравинского и заботливо ценил искусство Прокофьева и лучших французских композиторов и художников.

Только тот, кто лично соприкасался с ним во время жесточайшей битвы за искусство, во время неопишуемых затруднений, мог оценить его созидательный гений и утонченную чувствительность. Его сотрудники могут вспомнить, как однажды в Париже в течение всего дня он был обычно деятелен и никто не мог приметить в воздухе какую-нибудь опасность. Но вечером Дягилев сказал собравшимся друзьям: “Вы заслужили спокойный ужин; ведь сегодня мы были совершенно разорены, и только пять минут тому назад я получил сведение, что нам не угрожает продажа с торгов”.

С улыбкою великого сознания он встречал новые прекрасные битвы за искусство, принимая на свои плечи всю ответственность. Он никогда не щадил свое имя, ибо он знал, насколько необходима священная битва за украшение жизни.

Кто-то говорил, что его антреприза была личным делом и как импрессарио он работал для себя. Только злой язык и злобный ум могли произносить такую клевету на этого крестоносца красоты. Щедро отдавая свое имя, он покрывал свою личную ответственностью многие события и людей, и больших и малых. Помню, что даже в час затруднения, в критическую минуту, он говорил: “Ладно, я сам подпишу. Читайте меня одного ответственным за это”. И это не было знаком эгоизма, но это был девиз единоборца, который знает, для чего он держит меч и щит.

Был он широк в суждениях своих. Только невежда может сказать, что он вводил лишь модернизм. В своих исторических портретных выставках он явил всю историю России, с одинаковым уважением как к современности, так и к древним иконописцам. В его журнале “Мир Искусства” одинаково заботливо были показаны как модернистские художники, так и лучшие достижения старых мастеров. Будучи очень чутким, он ясно ощущал источники, из которых приходили расцвет и возрождение. С одинаковым энтузиазмом он выявлял как скрытое сокровище древности, так и наши надежды на будущее.

Был ли он односторонен в музыке? Конечно, нет! Его внимание одинаково привлекали как итальянские примитивы, так и французские ультрамодернистские композиторы. Постановки его всегда были истинными праздниками красоты. Это не были экстравагантные выдумки. Нет, это были празднества энтузиазма, праздники веры в лучшее будущее, где все истинные сокровища прошлого ценились как вехи к прогрессу.

Он далек был от дешевой популяризации и тем более вульгаризации искусства. Во всех многообразных проявлениях он показывал искусство истинное. Перечислять все постановки, выставки и художественные предприятия Дягилева – это значит написать историю русского искусства от 90-х годов до 1928 года. Вспомните потрясающее впечатление, произведенное его журналом “Мир Искусства”. Вспомните его работы с княгиней Тенишевой. Как живые, стоят блестящие выставки иностранных и современных русских мастеров! А все эти бесчисленные постановки балетов и опер, пронесшие русское имя по всему миру? Может быть, со временем имя Дягилева будет смешано со слишком многими понятиями, на которые он сам бы и не согласился, но он был щедр и никогда не скупился даже именем своим. Когда он чувствовал, что оно может быть полезно, он легко давал его – эту свою единственную собственность.

Утонченный, благородный человек, воспитанный в лучших традициях, он встретил и войну, и революцию, и все жизненные вихри с настоящей улыбкою мудреца. Такая мудрость всегда является знаком синтеза. Не только он расширял свое сознание, но и утончал его и в этом утончении он мог одинаково понимать как прошлое, так и будущее.

Когда во время первого представления “Весны Священной” мы встретились с громом насмешек и глума, он, улыбаясь, сказал: “Вот это настоящая победа! Пускай себе свистят и беснуются! Внутренне они уже чувствуют ценность, и свистит только условная маска. Увидите следствия”. И через десять лет пришло настоящее понимание, то следствие, о котором говорил Дягилев.

Вспоминаем личность и труды Дягилева, перед нами встает благороднейший и гигантский итог синтеза. Его широкое понимание, непобедимая личная бодрость и вера в красоту создали прекрасный, незабываемый пример для молодых поколений. Пусть они учатся, как хранить ценности прошлого и как служить для самой созидательной и прекрасной победы будущего.

Несказанно радостно вспоминать эпопею Дягилева.

Русь

Мне довелось встречаться с русскими писателями прошлого и настоящего поколений, и многие из них были моими близкими друзьями. Среди них Максим Горький, Леонид Андреев, Алексей Ремизов, Александр Блок, с которыми меня связывали особенно тесные отношения. Незабываемы сердечные встречи со Львом Толстым, Чеховым, Мережковским и Григоровичем. И совершенно ясно, почему

Индия интересуется этими авторами не только как представителями мировой литературы, но и как личностями. К счастью, русская литература в настоящее время широко распространяется в переводах на многие языки по всему миру, так формируется правильное понимание русского народа. До сегодняшнего дня, даже в так называемых образованных кругах, существовало многообразие мнений об этой необъятной стране. Не следует забывать, что во французской литературе встречались описания героев из русских рассказов, сидящих в тени огромной раскидистой клюквы – очевидно, автор не знал, что клюква – ягода, растущая на крошечных кустах высотой в три дюйма. А теперь вспомним немецкие рассказы о казаках, поедающих детей, свечи и мыло; о том, что самовар носят на голове, а медведи бродят по улицам российских городов. Все эти нелепости в настоящее время исчезают одновременно с распространением славной русской литературы за рубежом.

Если к вышеупомянутым русским авторам добавить Достоевского, Тургенева, Некрасова, Гоголя и не забыть при этом великих русских поэтов Пушкина и Лермонтова, да еще включить отца русской поэзии Державина (конец восемнадцатого века) и Ломоносова, ученого и писателя середины восемнадцатого века, то получим полное представление об идущих в авангарде нашей литературы. Конечно же, я упоминаю о литературе двух последних столетий, но не следует забывать, что уже с седьмого века в России существовали превосходные литературные шедевры, такие, как знаменитое “Слово о полку Игореве”, которому сейчас исполнилось 750 лет.

Знаменитая ода Державина “Бог”, написанная 150 лет тому назад, является одним из лучших стихотворений русской литературы. Оно было переведено на множество иностранных языков. Я не могу удержаться, чтобы не процитировать эту оду, потому что она так чудесно передает духовное состояние поэта.

О ты, пространством бесконечный,
живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог!
Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, –
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.
Хаоса бытность довременну

Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавай все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!
Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.
Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры
Перед тобой – как ночь пред днем.
Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, – и то,

Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой – ничто.
Ничто! – Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! – Но жизнь я ощущаю,
Несытым никаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает;
Я есмь – конечно, есть и ты!
Ты есть! Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,

Источник жизни, благ податель,

Душа души моей и царь!

Твоей то правде нужно было,

чтоб смертну бездну преходило

мое бессмертно бытие;

чтоб дух мой в смертность облачился

и чтоб чрез смерть я возвратился,

отец! – в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!

Я знаю, что души моей

воображении бессильны

и тени начертать твоей;

но если славословить должно,

то слабым смертным невозможно

тебя ничем иным почтить,

как им к тебе лишь возвышаться,

в безмерной разности теряться

и благодарны слезы лить.

Когда мы говорим о Федоре Достоевском, то он часто предстает перед нами как суровый психолог страдающего человечества. Об этом свидетельствуют его произведения: “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Дом смерти”. Но не следует забывать, что именно Достоевский провозгласил: “Красота спасет мир”. Кроме того, в своем писательском дневнике он сделал множество пророческих предсказаний.

Иван Тургенев создал целую эпопею русской помещицкой жизни, а Дмитрий Григорович был одним из первых, кто описал русское крестьянство. Для меня Григорович является литературным крестным отцом, потому что благословил меня на эту деятельность. Моя первая встреча с ним состоялась в 1897 г. Страдания и чаяния русского народа отражены также в поэзии Николая Некрасова, достигая кульминационной точки в поэме “Кому на Руси жить хорошо?”

Лев Толстой более, чем какой-либо другой русский писатель, переведен на многие языки. Его знаменитые “Война и мир”, “Анна Каренина” – не будем перечислять все собрание его замечательных произведений – говорят о том, что, морализируя, он мечтал о чудесной стране, которая сделает людей по-настоящему счастливыми.

Антон Чехов, с которым я время от времени встречался в Москве, был необыкновенно замечательной личностью. Будучи чрезвычайно скромным, широким взором в своих произведениях он охватил всю современную жизнь России. В его печальной улыбке над некоторыми моментами жизни сквозит обостренное чувство любви к родине.

В 1934 г. Нобелевский комитет, намереваясь присудить приз русской литературе, имел четырех кандидатов: Горького, Мережковского, Бунину и Ремизова. Комитет отдал предпочтение Бунину. Общественное мнение удивилось тому, что пальмовая ветвь не была дарована Горькому или Мережковскому. Что касается Ремизова, то он высоко почитаем в кругах интеллигенции благодаря подлинно старинному русскому литературному стилю.

Горький творил в то же время, что и Леонид Андреев, их часто рассматривали

как соперников, хотя по существу они совершенно разные. Горький был психологом народных масс, в то время как Андреев в своих глубоких произведениях проявил качества пророка. Вспомним написанное им: “Жизнь человека”, “Король Бунгер”, “Красный смех” и “Анафема”.

Мы все помним и надеемся, что недавние празднования столетней годовщины Александра Пушкина стали мировым событием. 10 февраля 1837 г., после получения фатального ранения на дуэли, скончался величайший русский поэт. Имя Пушкина известно во всем мире. Печальное столетие со дня его насильственной смерти с благоговением отмечалось всеми истинными любителями литературы. Не только на необъятных просторах России, но и во всех странах проводились торжественные празднования, выставки, посвященные поэту, увидели свет новые издания его знаменитых произведений. В русских и зарубежных театрах ставились его бессмертные драмы в музыкальной интерпретации лучших русских композиторов.

Незабываемое событие стало великим днем России и даже мировой культуры. Бессмертные творения Пушкина, наравне с произведениями Шекспира, Данте, Гете, Бальзака, навсегда останутся живым неисчерпаемым источником духовности для настоящих и будущих поколений человечества. “Евгений Онегин”, “Полтава”, “Медный всадник”, “Капитанская дочка”, “Руслан и Людмила”, “Пиковая дама” и сотни других произведений Пушкина будут жить, как драгоценное свидетельство блистательной мысли, как выражение чувства подлинного благородного вдохновения.

Поэмы Пушкина, написанные сто лет тому назад, и сейчас волнуют человеческие сердца так же глубоко, как и в эпоху его современников. Только теперь слава Пушкина становится подлинно вселенской славой. Он описал внутреннюю жизнь страны в беспрецедентных художественных образах. Для Пушкина-поэта не было географических и исторических границ. Древняя Эллада, Рим, Италия, Испания, Древний и Новый Восток, все славянские мысли были отражены им с таким же глубоким пониманием.

Никто до и после Пушкина не обогатил русскую культуру настолько, насколько это сделал величайший поэт своего отечества. Он был истинным создателем русского литературного языка. Он завоёвывал для русской литературы почетное место в мировой классике. Стихи, рассказы, очерки Пушкина говорят о неистощимом богатстве человеческой речи. Пушкин был создателем великолепного, гибкого, выразительного русского литературного языка. Он напитал русскую литературу народным духом, он обогатил язык бесчисленными словами, взятыми из самых глубин фольклорной сокровищницы. Он познакомил нас с настоящими поэтическими жемчужинами народных бардов. Современники Пушкина говорили о его неугомонности, мятежности духа, таким он и умер.

Великий русский критик Белинский так определил поэзию Пушкина: “Какой стиль! Античная пластичность и строгая простота соединялись в нем с чарующей игрой романтического ритма. Все звуковое богатство, вся мощь русского языка отразились в нем с необычайным совершенством; он изящный, милый, нежный, как шелест волн; он щедрый, как земля, сияющий, как свет, прозрачный и чистый, как кристалл, ароматный и душистый, как весна, крепкий и могучий, как меч в руке героя. Если бы нам захотелось описать поэзию Пушкина одним словом, мы могли бы назвать ее *par excellence*, по-настоящему поэтической, мастерской, художественной; и это приоткрыло бы тайну магического пафоса всей поэзии Пушкина”.

Горький, обычно строгий в своих суждениях, говорит о Пушкине: “Пушкин для русской литературы то же, чем был Леонардо да Винчи для европейского искусства. Перед нами великий русский поэт, создатель поэтических сказок, которые чаруют своей красотой и мудростью, автор первого реалистического романа “Евгений Онегин”, автор нашей лучшей исторической драмы “Борис Годунов”, поэт, который до сегодняшних дней не превзойден в красоте стиха и силе выражений чувств и эмоций, поэт – отец великой русской литературы. В лице Пушкина мы имеем пример писателя, который, наполняясь впечатлениями жизни, старался отразить их в стихах и прозе с величайшей правдивостью, предельным реализмом и преуспел в этом, как настоящий гений. Его творения являются самым значимым свидетельством умного, мудрого, правдивого человека об обычаях, привычках и понятиях определенной эпохи. И на самом деле они являются правдивым отображением русской истории гением”.

Как и подобает каждому великому человеку, Пушкин мучительно страдал от несправедливости своих современников. Великий поэт был гоним, и долго

висела над ним угроза злых подозрений. И это неизбежно: без факелов дикарей невозможны великие достижения. Благодаря своему всевещающему сердцу Пушкин принимал все прогрессивные движения, был другом свободомыслия. Мы видим его среди декабристов. Мы видим Пушкина-масона, ведь к этому обществу принадлежали все знаменитые мыслители России. Поэт повсюду искал правду, и, слушая сказки старой няни, он с самого детства был очарован красотой русского фольклора.

На протяжении короткой жизни с 1799–1837 гг., изучая исторические хроники, он стоял на страже всего нового, неся в сердце предвидение великого будущего России. Будучи еще лицеистом, Пушкин уже тогда удивлял всех звонким стихом, а великий Державин благословил его и предсказал ему славу. Редко чье сердце одновременно вмещает и Восток и Запад. Каждый читатель Востока поймет произведения Пушкина, такие, как “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник” или “Бахчисарайский фонтан”, в то время как европейские сердца отзовутся на “Евгения Онегина”, “Пиковую даму” или “Дубровского”.

К драме “Борис Годунов”, в которой Пушкин с поразительной глубиной раскрывает трагедию правителя, “достигшего высшей власти”, обращено в настоящее время внимание всего мира. Не так давно “Борис Годунов” был поставлен в Берлине; “Евгений Онегин” в Праге, так в самых различных, а порой даже в противоречивых аудиториях великолепные творения Пушкина вызывают равное восхищение.

Итак, мы видим, что Пушкин одновременно следовал всеми творческими путями. За двадцать семь лет литературной деятельности Пушкин стал великим поэтом, великим прозаиком, великим драматургом. В его произведениях мы находим образцы всех литературных стилей. Каждое новое творение Пушкина было не только подлинным шедевром, но становилось новой главой в истории русской литературы. В его громадной художественной силе, в его чрезвычайной многогранности, в его необычайной живости ума выражены потенциал и гениальность великого народа, которым он рожден. Вспомним его самохарактеризующие стихи “Эхо” и “Пророк”, замечательные тем, что отражают точку зрения поэта на свое предназначение в жизни.

Эхо

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом, –
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

В другом стихотворении “Пророк” шестикрылый серафим является путнику на перепутье дорог и, коснувшись его губ и ушей, открывает в нем пророческое видение. Трепет небес, тайны земли и моря открываются ему. Серафим вырывает у него язык и заменяет его змеиной мудростью, а сердце – куском пылающего угля. Стихотворение завершается следующими словами:

Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:

“Восстань, пророк, и виждь и внемли,

Исполнись волею моей

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей”.

Так поэт предвидел свою славную миссию.

Великий Новгород

Представим, что наш Север беднее других стран. Представим, что его древний облик поблек. Допустим, что очень мало известно о его истинном характере. Но сказки Севера чаруют. Северные ветры дарят силу и радость. Северные озера задумчивы; полны мечтательности его реки. Темные леса дышат мудростью. Зеленые холмы свидетельствуют о веках минувших. Серые камни полны тайн. Даже варяги пришли с Севера. Величественна красота Древней Руси.

“Бояху-бо ся зверинаго их нрава”, – замечает о новгородцах Никоновская летопись.

Боялись князья идти управлять сильными, непокойными ильменцами.

Но напророчила Марфа Посадница. Стал Великий Новгород самым скромным, самым тихим из русских городов.

Притаился.

Скрыл свой прежний лик. Никто не представит себе, как тянулся великий, пестрый, шумный ганзейский город на версты до Юрьевского монастыря, до Нередницы, до Лядки. Никто не признает жилым местом пустые бугры и низины, сейчас охватившие Новгород.

Даже невозможно представить, чтобы когда-нибудь новгородцы “были обладателями всего Поморья и до Ледовитаго моря и по великим рекам Печоры и Выми и по высоким непроходимым горам во стране, зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодных реки: тамо бо беруще звери дики, сиречь соболи”.

Трудно поверить, как ходили новгородцы до моря Хвалынского (Каспийского) и до моря Венецийского.

Невообразимо широк был захват новгородских “молодых людей”. Молодая вольница беспрерывно дерзала и стремилась. Успех вольницы был успехом всего великого города. В случае неудачи старейшинам срама не было, так как бродили люди “молодшие”. Мудро!

Но везде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду все ценное несли они в новгородскую скрью. Хранили. Прятали крепко.

Может быть, эти клады про нас захоронены.

В самом Новгороде, в каждом бугре, косогоре, в каждом смыве сквозит бесконечно далекая обширная жизнь.

Черная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпича всех веков, обломками изразцов и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицам и переулкам города, можно из-под ног поднять и черепок X-XII века, и кусок старовенецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати...

Глядя на жирные пласты прошлых эпох, не кажется преувеличенным сообщение В.Передольского, что живой слой новгородской почвы превышает семь саженей.

Вы идете по безграничному кладбищу. Старое, изжитое место. Священное, но ненужное для жизни.

Всякая современная жизнь на таком священном кургане кажется неуместною, и, может быть, не случайно сейчас глубоко усыплен временем Великий Новгород.

Пора серьезно опять обратиться к старому Новгороду.

Обстоятельства создают и собирателей. Но их мало.

Собрание Передольского с его широкими, но путаными замыслами, лежит под спудом, а между тем оно важно для Новгорода, так же, как собрание Плюшкина близко Пскову.

Да оно и много лучше собрания Плюшкина.

Следует помогать таким собирателям. Но не хватает у города находчивости из этих собраний сделать продолжение своего расхищенного музея.

Поймут ли “отцы города”, что в их руках сейчас не рыбное, не лесное, не хлебное дело, а единственное подлинное сокровище – былое Новгорода со всеми его останками!

В 1911 году Великий Новгород будет праздничным.

После долгих сомнений справедливо решено собрать в Новгороде археологический съезд.

Во главе съезда опять будет отзывчивая гр. П.С.Уварова. Она умеет поднять людей, умеет и взять дело пошире. В ней есть то, чем “любитель” часто одолевает “специалистов”. Ко времени съезда Новгороду придется показать многое из того, что скрыто сейчас.

Мое предложение образовать музей допетровского искусства и открыть Всероссийскую подписку на исследование Новгорода, древнейших городов русских было встречено очень многими сочувственно.

Мне кажется, не откладывая, следует всеми силами начать собирать средства.

Находки из этих исследований, – а их будет огромное количество, – должны поступить в музей допетровского искусства и быта. Как ни странно, но до сих пор в столице нет многоцельного историко-бытового музея.

Отдельные находки сосредоточены в Эрмитаже, в археологическом обществе и археологическом институте. Небольшие отделы находятся в Академии наук, в артиллерийском музее, в хранилищах университета, но все это разрознено, часто труднодоступно.

В Петербурге нужен музей равный по значению московскому историческому. И России, где находки еще только начинают выявляться, следует подумать о материалах для такого хранилища. Конечно, начнем с Новгорода и Киева.

Несколько обществ, несколько издательств могут приняться за это большое культурное дело.

В первую голову принялось за дело исследования городов общество архитекторов-художников, которое собирается в Академии Художеств в Петербурге. И это правильно.

Во-первых, исследование городов должно быть ближе всего зодчим. Они творцы лица государства.

Зодчим поручается многое в укладе нашей жизни – велико должно быть к ним и доверие.

Именно зодчим должны быть ведомы условия нарастания городов. Они больше других должны чувствовать всю захороненную житейскую мудрость прежних устройств.

Строительная молодежь, которая собирается вокруг общества архитекторов-художников, будет крепнуть на таких исторических изысканиях, развивая свой вкус и опыт для нового творчества.

Рерих Н.К. Химават filosoff.org

Во вторых, общество архитекторов-художников молодо. Пока вне всяких скучных запретительных традиций. Общество быстро развивается и не боится новых дел. В общество охотно идут, и таким путем складываются многосторонние кадры, пригодные для крупных начинаний.

Молодому обществу удалось уже многое спасти, многое выяснить. Зоркие молодые глаза усмотрели уже много вандализмов и громко указали на них.

Обществу покровительствует Великая Княгиня Мария Павловна, новый президент Академии Художеств. Великая Княгиня с большим рвением занялась новой работой. Она окажет самое горячее покровительство широкому общегосударственному делу, близкому каждому любителю искусства и старины.

Следует начать подписку. Помощь будет.

Уже в 1911 году к съезду работа может дать первые результаты.

В конце июля Комиссия Допетровского музея начнет раскопку южной стороны Детинца, где стояли княжьи терема, а также пять старых храмов. В то же время возможна раскопка и на старом городище, где долгое время жили княжьи семьи.

Люблю новгородский край. Люблю все в нем скрытое. Все, что покоится тут же, среди нас.

Для чего не надо ездить на далекие окраины: не нужно в дальних пустынях искать, когда бездны еще не открыты в срединной части нашей земли. По новгородскому краю все прошло.

Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все верящее в себя. Бездны нераскрытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски.

Слишком много со всех сторон очевидного. Чему дать первенство? Упорядочению церквей, нахождению старых зданий, раскопкам в городе или под городом в самых древних местах?

Наиболее влекут воображение подлинный вид церквей и раскопка древнейших мест, где каждый удар лопаты может дать великолепное открытие.

На Рюриковском городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, все полно находок. На огородах из берегов беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно.

Чувствуется, как после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах, при впадении Волхова в Ильмень, жизнь разрасталась по более высоким буграм через Городище, Нередицу, Лядку – до Новгорода.

На Городище, может быть, найдутся остатки княжьих теремов и основания церквей, из которых лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславом Владимировичем.

Какие поучительные таблицы наслоений жизни может дать исследование такого старинного места. Обидно, когда такие находки разбегаются по случайным рукам.

Кроме Городища целый ряд пригородных урочищ спорит о древности своего происхождения.

Коломцы (откуда Передольский добыл много вещей каменного века), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Раком (бывший дворец Ярослава), Мигра, Зверинцы, Вяжищи, Радятин, Холопий городок, Соколя Гора, Волоотово, Лисичья Гора, Ковалево и многие другие урочища и погосты ждут своего исследователя.

Но не только летописные и легендарные урочища полны находок.

Прежде всего, повторяю, сам город полон ими. Если мы не знаем, чем были заняты пустынные бугры, по которым несомненно прежде тянулось жилье, то в пределах существующего города известны многие места, которые могли оставить о себе память.

Ярославле Дворище (1030), Петрятино Дворище, Двор немецкий, Двор Плесковский, два Готских Двора, княжий Двор, Гридница Питейная, Клеймяные Сени, Дворы Посадника и Тысяцкого, Великий Ряд, Судебная Палата, Иноверческие ропаты (часовни), Владычни и Княжьи житницы, наконец, дворы больших бояр и служилых людей – все эти места, указанные летописцами, не могли исчезнуть совсем бесследно.

На этих же местах внизу лежит и целый быт долетописного времени.

Все это не исследовано.

Дико сказать, но даже Детинец новгородский и тот не исследован, кроме случайных хозяйственных раскопок.

Между тем Детинец весьма замечателен. Настоящий его вид немногого стоит. Слишком все перестроено.

Но следует помнить, что место Детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княж-Двор и с Владычной стороны св. София, видела слишком многое.

Уже в 1044 году мы имеем летописные сведения о каменном Детинце. Юго-западная часть выстроена князем Ярославом, а северо-восточная его сыном св. Владимиром Ярославичем. Хорошие, культурные князья! От них не могло не остаться каких-либо прекрасных находок.

Словом, огромный новгородский курган не раскопан. Можете начать его, откуда хотите, откуда удобнее, откуда более по средствам и силам.

Хотите ли заняться восстановлением церквей? У вас тоже есть всюду работа, так как в каждой старой церкви что-нибудь нужно во имя искусства исправить.

Возьмем, что легко вспомнить.

Красивая церковь Петра и Павла на Софийской стороне испорчена отвратительной деревянной пристройкой. Уровень храма был на целый этаж ниже. На стенах несомненно были фрески.

В церкви Федора Стратилата у Ручья замазаны фрески. Их следует открыть.

В Николо-Дворищенском соборе на стенах совершенно непристойная живопись. Были фрески: вероятно, что-нибудь от них сохранилось.

У Федора Стратилата на Софийской стороне замазаны цветные изразцы.

В Благовещенской церкви на Рюриковом Городище фрески далеко не исследованы.

Также не исследованы вполне стенописи в Волотове и Ковалеве. В Ковалеве ясно видны три слоя живописи. Из них нижний слой, конечно, наиболее интересен.

Можно привести длинный список всего, что нужно исправить в церковной старине Новгорода.

Длинен мог бы быть и список неисправимого.

Умерло многое уже на наших глазах.

Под непристойною работою Сафоновской артели погиб Софийский храм. Приезжие иностранцы недоумевают о такой невообразимой для первоклассного собора росписи. Чуждыми и странными кажутся случайно сохранившиеся еще иконостасы и отдельные иконы.

Без горести нельзя вспоминать о погибшей внешности Нередицкого Спаса.

Сиротливо стоит Новгородская глава на новых византийских плечах. Нелепы византийские формы при глубоко ушедших в землю фундаментах. Нестерпимо сухи вновь пройденные карнизы и углы.

Смотрю на Спаса и еще раз мысленно говорю Покрышкину, что он сделал со Спасом прескверное дело. Поступил не по-христиански.

На собрании общества архитекторов-художников, после моего доклада о Спасе Покрышкин только сказал: “Дело вкуса”.

Он прав. Ничего другого ему сказать и не оставалось. И на это сказать тоже нечего. Станный, бедный вкус!

В середине Спаса теперь часто копошатся художники. Зарисовывают.

Вспоминаю, что во время моих первых поездок по старой Руси не встречалось так много работающих над стариной.

Значит, интерес растет. Наконец-то!

Случайная встреча еще раз подсказывает, что в Новгороде искать надо.

Ехали мы на Коломец к Ильменю.

От Юрьевского скита закрепчал “боковик”. Зачехала вода по бортам. Перекинуло волну. Залило.

Затрепетала городская лодка. Подозвали мы тяжелую рыбачью ладью, в ней пошли на Коломец.

Старик-рыбак держал рулевое весло. За парусом сидела дочка. На медном лице сияли белые зубы.

Спросили ее:

– Сколько тебе лет?

– А почем знаю.

– Да неужели не знаешь. Ну-ко, вспомни. Подумай!

– Не знаю, да, верно, уже больше двадцати.

И сидели рыбаки крепкие. Такие помирают, но не болеют.

На Коломце скоро заторопил старик обратно:

– А то, слышь, уеду! Лодки-то сильно бьет!

Заспешили. Забрались на рыбачью корму, но городская лодка с копальщиками не сходила с берега.

Трое гребцов не могли стронуть ее.

– Али помочь вам? Садитесь вы все! – Пошла по глубокой воде дюжая новгородка.

Взялась за лодку и со всеми гребцами легко проводила в глубину. С воды прямо взобралась на корму.

Сущя Марфа Посадница.

А рядом, на высокой корме, сидел ее старик. Суховатый орлиный нос. Острые запавшие глаза. Тонкие губы. Борода – на два больших кудряша. И смотрел на волны зорко. Одолеть и казнить их собрался.

Сущий Иван Грозный.

Марфа Посадница, Иван Грозный! Все перепуталось, и стала встреча с диковатыми рыбаками почему-то нужною среди впечатлений.

Такой народ еще живет по озерам. Редко бывает в городе. Так же, как земля, умеет он хранить слова о старине. Так же, как в земле, трудно узнать, откуда и с чего начать с этим народом.

Везде нетронуто. Всюду заманчивые пути творчества. Всегда богатые находки.

Придут потом другие. Найдут новые пути. Лучшие приближения. Но никто не скажет, что искали мы на пустых местах. Стоит работать.

И не в далеких пустынях, не за высокими горами скрыты богатые находки, ждущие тех, кто соберет их и окажет им помощь, а прямо здесь, в пределах нашей досягаемости, лишь в трех-четыре часах езды от центра страны. И в этом случае в нужде оказался не какой-то неизвестный бродяга, а сам Великий Новгород.

В последнее время стало модно говорить о старине. Кажется, все интересуются ей. За последние два года создано три общества любителей древности: музей в старом Петербурге, Допетровский музей искусства и фольклора и общество по охране и спасению памятников старины, первоочередным и замечательным делом которых стала реставрация и сохранение исторической деревни Грушино.

Так много в настоящее время пишется о старине, что мы, торжественно возглавившие это движение, по-настоящему испуганы.

Может быть, это только причуда. Просто случайная, мимолетная мода или результат культурного развития?

Только будущее вынесет справедливый приговор. Только будущее вскроет главные мотивы тех, чье внимание сейчас приковано к старине.

Одно дело – пустая, ненужная болтовня, и совсем другое дело, когда требуется знание, напряжение, жертвенность и любовь.

Будем надеяться, что наше общество воспринимает старину с искренностью и восторгом, стоит за живое изучение прошлого ради построения еще более прекрасного будущего.

Мы учимся понимать: “Те, кто не знают своего прошлого, не способны творить свое будущее”.

Киев

Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего.

Когда идешь по равнинам за окраинами Рима до Остии, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиmillionная столица цезарей. Также когда идешь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумом ганзейского города! Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блистали мозаикой и стенописью – скудные обрывки церковных декораций Киева лишь знаем; обрывки стенописи в Новгородской Софии; величественный, одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове! Все эти огромные, большею частью фигуры с мудрыми лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времен Ярослава.

В Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думали, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической комиссии имелись доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная, малоазийского характера работа. Еще раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, прочно связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный прием. Думаю, палата Рогеров в Палермо дает представление о палатах Киева.

Скандинавская культура, униженная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался Матерью Городов. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие заветы великого романского стиля дали благоденствие Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту,

Рерих Н.К. Химават filosoff.org
иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходуется только на блеск подвигов. Вот терем:

Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точеные,
Каждые с маковкой-жемчужинкой;
Подворотня – дорог рыбий зуб,
Над воротами икон до семидесяти;
Среди двора терема стоят,
Терема все златоверховые;
Первые ворота – вальящатые,
Средние ворота – стекольчатые,
Третьи ворота – решетчатые.

В описании этом чудится развитие дакийских построек Траяновой колонны.

Вот всадники:

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки – золоты вершки;
А на ножках сапожки – зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты востры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети.
Точное описание византийской стенописи.

Вот сам богатырь:

Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по золотому яхонту.
На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петельках шелковых вплетены
Все-то божьи птичущки певучие,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьеза былинного языка, а по существу. Перед нами детали – верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ею. Эта культура близка сердцу народа; народ горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, веселые скоморошья забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

“Заложи Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь святыя Софьи, митрополью и посем церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посем святаго Георгия монастырь и святыя Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая с часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украси ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовавшеся Ярослав видя множество церквей”.

Вот первое яркое известие летописи о созидательстве, об искусстве.

Великий Владимир сдвигал массы, Ярослав сложил их во храм и возрадовался о величии Христовом, об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан, будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега – мужа бывалого и много знавшего. Киев еще раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: “и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землею”. При этом все данные не против культурности Аскольда и Диры. До Аскольда Киев уже платил дань хазарам, и основание города отодвигается к легендарным Киею, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве был и св. Апостол Андрей. Зачем прибыл в далекие леса Проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты Малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI–XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточения культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле, в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Эти вехи освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость Киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нем мы имеем слова летописи, что славяне “изгнаша Варяги за море и не даша им дани”; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределенное время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах, нужно привести обычную трактовку учебников: “прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором”, что по толкованию северян значит: “конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)”. Поэтому я бы предложил другое толкование знаменитой фразы: очень вероятно, что она была изречена не древними русичами, а скандинавскими колонистами, населявшими берега северной реки Волхов. Должно быть, это они упростили Рюрика из-за озера Ладоги (которое очень напоминает море и куда он, скорее всего, приезжал из Скандинавии на охоту) приплыть и содействовать их военной защите. И этот человек со своими домочадцами и стражей, со своим богатством и, возможно, с любовью к приключениям прибыл по просьбе своих соотечественников. Постепенно его род воинов, осевший на севере России, был привлечен киевским

княжеством, где статус князя ценился выше, чем война, и сулил должность государственного деятеля.

Обращаясь к глубине веков, мы находим границы прошлого реального бытия. Может показаться, что лишь пыль осталась поверх этих границ, и любителю трудно поверить, что это не просто теория скучной археологии, которую нас просят усвоить, а реально сохранившиеся частицы чарующего великолепия, существовавшего в прошлом. Для каждого настало время понять, что искусство не только там, где оно на виду у всех, но и где многое, многое еще скрыто от нас покровом времени. И то, что кажется скучным сейчас, однажды откроется, озаренное радостным восприятием. Наблюдатель станет творцом. В этом и состоит очарование прошлого и будущего.

Фантастические барельефы на северных скалах, высокие холмы среди торговых путей, длинные кинжалы и наряды с богатым рисунком заставляют полюбить жизнь Севера; они пробуждают уважение к древним формам красоты, по ту сторону которой наше воображение погружается в темные глубины бронзового века.

Можно также обнаружить огромное количество произведений искусства, принадлежащих к таинственным и малоизвестным эпохам, наиболее далеким от нас. Может ли зверь финской фантазмагии быть чуждым искусству? А чарующие формы Дальнего Востока избежать художественного вдохновения? Могут ли первые орудия труда древнего мира быть отвратительными в руках скифов? А украшения сибирских кочевников считаться грубыми?

Нет, эти находки сродни искусству, и можно лишь позавидовать ясному замыслу древних. Они воплощали в них символы, которым придавали так много значения и создавали четкие, хорошо различимые многообразные художественные формы.

Это присутствует и в таинственных тенетах бронзового века, к которому мы обращаемся. Каждый день приносит новые достижения. Карнавальное шествие народов проходит перед нами. За блеском и позолотой византийцев мы видим бредущие пестрые толпы финнотюрков. Погружаясь еще в более дальние времена, величественно шествуют великолепные арийцы. Еще дальше – потухшие костры неизвестных странников, их бессчетное множество.

Эти дары оставлены всем нам, стремящимся к неонационализму. К ним обратятся юные поколения, благодаря им, они станут сильными и разумными. Если тупой современный национализм в искусстве превратится в неонационализм, то основанием последнего станет великий древний мир с его подлинным представлением о правде и красоте. Когда-нибудь эта правда и красота займет достойное место в прекрасном будущем.

Собирание

Издревле собирание являлось признаком устойчивости и самоуглубленности. Очень поучительно обозреть от наших дней до глубины веков различные способы собирания и изучения искусства. Опять, как и во всех спиральных нарастаниях, мы видим какие-то почти завершающиеся круги, но иногда почти неуловимое повышение сознания создает новую ступень, которая отражается на многих страницах истории искусства. Мы видим, как чередуются специализация и синтез. Обобщительные собирания, сложенные внутренним сознанием собирателя, сменяются почти аптечной классификацией, в педантичности иногда уничтожая всякий огонь новых открытий. Еще не так давно считалось бы дилетантством комбинировать готические примитивы с ультрасовременными исканиями. Даже считалось бы непозволительным иметь просто коллекцию красивых медалей и монет. Педантизм заставил бы сократить кругозор лишь на известной эпохе, ограничив известным типом и характером предметов.

Таким порядком сияющие красками иконы и примитивы превращались уже в иконографию, где описательная часть решительно затемнила весь истинный художественный смысл. Таким порядком еще недавно история искусств преподавалась, как собирание житейских анекдотов, а рассуждения о скульптуре и технике живописи сводились к перечню пропорций и механике построения, отталкивая и отвлекая внимание от существа творения. Даже начали появляться странные руководства, в которых можно было натолкнуться на такие необыкновенные главы: “Как написать осла”, и при этом рекомендовалась какая-то несуществующая серая краска. Помню, как-то внимание привлек на пароходе характерный спор между матерью и маленькой дочерью, причем мать серьезно уверяла, что перед ними вдалеке гора черная,

а малютка непосредственно утверждала, что она синяя. Думается, не были ли засорены глаза матери изучением какого-то руководства о том, как писать о слов.

Какая это радость для детей, если в родном их доме они с малых лет встречались с предметами истинного искусства и с серьезными книгами. Конечно, необходимо, чтобы эти художественные предметы не переставали жить и не показывались бы в том жалком положении, иногда по целому десятку лет оставаясь вверх ногами, значит душа собирателя давно отлетела на кладбище, а преемники его почему-то нравственно ослепли.

В самые последние годы нам неоднократно приходилось радоваться вновь появившейся синтетической системе собирания. Не боясь прослыть эксцентриками или дилетантами, чуткие собиратели начали составлять свои сокровища из разнообразных предметов, связанных внутренним смыслом. Так самые новейшие картины могли комбинироваться с теми мастерами, которые в свое время проявляли яркое горение к обновлению смысла творчества.

В новейших собираниях можно видеть таких гигантов обновленных исканий, как Эль Греко, Джорджоне, Питер Брейгель и вся благородная фаланга не боявшихся в свое время оказываться искателями и новаторами.

И как убедительно среди новейшей живописи оказывались формы романского характера, и сотрудники Джотто и Чимабуэ, и новгородские иконы, и древние китайцы.

Все условности разделения и разграничения спадали, и перед вами, как маяки, светились сопоставления творческих и духовных находений вне условных границ народов. Если же обстоятельства не позволяли вносить в дом самые оригиналы, то или эскизы, или даже толково исполненные воспроизведения могли вводить в мир возвышающий, позволяющий светло мечтать о завтрашнем дне.

Мне уже приходилось писать о трогательных собирателях, начавших свою творческую деятельность еще со школьной скамьи. Вероятно, многие художники вспомнят также, как приходилось испытывать и мне, когда иногда совершенные малыши приходили ко мне на выставки и, скромно протягивая один доллар, просили дать им взамен какой-либо набросок.

Другой случай был еще более трогательный, когда учащиеся одной школы между собой сделали подписку на приобретение картины. Значит, где-то уже зашевелилась и обозначилась действительность, и вместо словесной легкомысленности они хотели перейти к факту, к осязательному действию. Без этого повелительного импульса к осязательному действию сколько легкомысленных мыслей-бабочек опалается в порхании.

В разных странах мы можем помочь опытом и советом в вопросах начинающегося собирательства. Это одно из наших ближайших обязательств – открыть дверь робко стучащимся. И еще раз не только открыть, но и разъяснить им, чтобы они стучались бодро, без предупреждения, что пользование искусством лишь удел богачей. Нет, это прежде всего удел светлых и бодрых духом, которые стремятся украсить существование свое и вместо мертвенного азарта игры решили усилить себя проявлениями человеческого духа, который, как бесконечное динамо, животворяще напитывает все сделанное им. Сколько радостей на этом пиру творчества! Сколько потемок в жизни может быть так легко заменено сияющими лучами восхищения. Наша святая ответственность помочь этому.

Мы говорим о собирательстве. Кто-то усмехнется: время ли? Когда даже наиболее богатые страны подавлены ужасом от общего кризиса, время ли говорить о художественных ценностях? Но ответим ему твердо и сознательно – именно время.

По нашим последним сведениям, несмотря на жестокий кризис в Америке, цены на художественные произведения не упали и мы не удивляемся этому и даже считаем это характерным признаком действительности кризиса.

Мы видели, как во время самых суровых потрясений в России, в Австрии, в Германии именно художественные цены сравнительно стояли твердо. В некоторых случаях именно художественные ценности вывели целое государство из финансовых затруднений. Мы бережем этот неоспоримый факт как доказательство

истинной валюты человеческого духа. Когда все наши условные ценности потрясены, сознание людей инстинктивно обращается к тому, что среди эфемерного является относительно более ценным.

И духовные творческие ценности, пренебреженные во время торжества желудка, опять являются прибежищем. Поэтому говорить о росте духовного творчества, утверждать о собирании и о хранении всегда уместно, но особенно нужно оно, когда эволюция переживает трудные моменты, не зная, как решить возросшие проблемы. А решить их можно только в духе и в красоте.

В 1921 году в адресе о значении искусства я указывал формулы, потом вошедшие в мотто Международного Художественного Центра Музея. Говорилось:

“Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже земные люди поняли действительное значение красоты”.

А кончалось это обращение: “Не на снежных вершинах, но в суете города теперь мы произносим эти слова. И чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее”.

Говорилось это на основании тридцатилетнего опыта. Сейчас прошло еще десять лет. Изменились ли данные формулы? Нет. Опыт многих стран подтвердил и даже усилил сказанное. А ведь мы должны основывать все заключения именно на опыте. Теория для нас лишь следствие практики. И та же практика подсказывает нам ту счастливую улыбку, которою мы должны встречать будущее. Если бы именно улыбка знания и мужества сделалась бы знаменем наших собраний! Для приложения знания мы объединяемся, и каждая крупница знания пусть одухотворяет нашу улыбку.

Собиратели

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа дерзают на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Расскажу вам, друзья, о тех собирателях, которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

Богатый собиратель был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И ошупью, руководясь личным чутьем, он начал собирать картины русской школы. Шел он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьем любителя Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минуя лучшие вещи художников. И этот казенный лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Так, боюсь, еще будет.

Искусство всегда цвело личным, горячим порывом, который поймет, и найдет, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашел свежие художественные силы и облегчил путь их. И окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью, и при жизни еще отдал городу Москве все свое замечательное собрание. И немалую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своем собрании всю русскую школу. Все новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый седой человек, в большой шубе, неутомимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К

Перих Н.К. Химават filosoff.org
начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым – при окончании картины. Он был первым – при открытии выставки. И за то он первый имел лучшие, характерные вещи.

Случилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего работника решалась не Академией, но именно этим молчаливым искренним человеком. Когда не хватило стен дома, Третьяков построил еще здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерб.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог получить столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей – все это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа.

Так один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторяемую комбинацию красоты.

Это – пример идейного созидания в пределах государственных. Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами.

Известный поэт, и культурный деятель, и гофмейстер двора императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания; был особый глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школ. Основное отличие собрания – не погоня за условным именем, но правда выявления чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка являются именами чисто собирательными (коллективными). Что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников, поглощенных так называемыми крупными именами. И задача культурного собирателя разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембрандта найдется подпись Карла Фабрициуса, его ученика, – разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно, нет, но у него было до двухсот учеников. Я знаю, как огорчен был бы граф, узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу Haselaer'у, висит сейчас в Metropolitan Museum в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и насколько мог исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какой любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член собрания возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшого придворного жалованья не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окруженный своими истинными друзьями – картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

У всех вещей есть своя аура. Чуткий дух подбирает в окружающих предметах близкую ауру. Каким хорошим светом светилось собрание Голенищева-Кутузова.

Это тип утонченного собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает ее вновь служить облагорожению духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту еще со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растет стремление к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает все прекрасное. Дух его стремится восходить. Он, наверно, когда-то был художником.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Еще со скамьи лица он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делать. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определенных, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой человеческой жизни. В будущем юноше грезилось: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключить, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружала каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должно было раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать свое собрание народу. Не заботясь об имени своем. Но слишком рано ушел он от нас. И ушел он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешел неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный переход – переход к новой прекрасной работе. Это тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь еще один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции, рвется всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собрать крупных вещей. Он собирает небольшие размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичных. Это не покупатель дешевых картин – это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях и для него величайший вопрос заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить.

И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребенка, и писал восторженные письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества. В завещании он оставил все свое собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать все его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести еще художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с поля сражений! Полковник Крачковский ушел от нас во время последней войны. Чистая душа!

Я мог бы показать еще много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в жизни. Бывает искренне и действенно.

И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять и запомнить и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдет действенно и неудержимо, и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

Русское искусство

От невежества – тьма, от знания – свет. Ложное искусство – заурядно; истинное искусство творит радость духа и ту мощь, из которой произрастет наше будущее.

Следует тщательно отобрать все, что может повести человека новым путем. Как в доисторические времена палеолит был вытеснен неолитом, так и в наши дни на смену механической цивилизации приходит культура. Друиды тайно поклонялись законам мудрости; подобно этому, в нарождающемся царстве духа внимание обращается к знанию и красоте. Многие на родине уже освещены этим тайным огнем; многие уже объединены им, каждый пробудившийся является атомом в новом строении. Аналогичная мысль возникает в разных странах одновременно, подобно сильному растению, дающему жизнь многочисленным молодым побегам из единого корня.

Друзья, не хотите ли послушать о русском искусстве? Вы заинтересовались и томитесь в приятном ожидании. И совершенно справедливо. Русский народ всегда был близок к искусству. С давних времен все традиции его жизни были пронизаны истинным искусством. Древний героический эпос, фольклор, национальные струнные и духовые инструменты, кружева, деревянная резьба, иконы, архитектурные орнаменты – все говорит об истинно художественном вдохновении. И даже теперь выставки, концерты, театральные постановки и публичные лекции неизменно привлекают множество людей. В Москве из двухмиллионного населения каждую выставку посещают десять тысяч человек (в то время как среднее число посетителей художественных выставок в Лондоне равно пяти тысячам из десятиmillionного населения).

Совсем недавно Куприн писал: “Русские деревни приветствуют интеллигенцию. Она приблизилась к пониманию крестьянства. Вновь прибывшего студента, будь то мужчина или женщина, доверительно просят учить маленьких деревенских детишек, чьи старшие братья и сестры страстно желают изучать не только музыку, но и иностранные языки. Встречаются и бродячие фотографы со множеством заказов. Художник, способный воспроизвести на куске холста приблизительное сходство с человеческим лицом, может рассчитывать на долгую, безоблачную и обеспеченную жизнь в деревне. Я говорю безоблачную, потому что деревенские жители даруют опеку этому этим незнакомым художникам”.

Я тоже мог бы привести многочисленные примеры любви к искусству и просвещению среди простого русского народа.

В одной статье не охватить все области обширных владений русского искусства. Однако можно наметить вехи и главные направления, которые поведут нас от современности в глубь веков.

Кроме современных русских мастеров: Серова, Трубецкого, Врубеля, Сомова, Бакста, Григорьева, – вы дали высокую оценку нашим выдающимся соотечественникам, таким, как Репин и Суриков, Нестеров и Левитан. Вы также встретились с именами старых мастеров: классика Брюллова, религиозного гения Иванова, толкователя народной жизни Венецианова и наших великих портретистов Левицкого и Боровиковского. Но все же необходимо определить характерные национальные особенности и течения русского искусства.

Наше искусство очистим ли? Что возьмем? Куда обратимся? – К новым ли перетолкованиям классицизма? Или сойдем до античных первоисточников? Или углубимся в бездны примитивизма? Или искусство наше найдет новый светлый путь “неонационализма”, овеянный священными травами Индии, крепкий чарами финскими, высокий взлетами мысли так называемого “славянства”?

Нас глубоко волнует вопрос: откуда берется радость искусству? И хотя она стала менее ощутимой за последнее время, ее звучащие, приближающиеся шаги уже очевидны.

Среди недавних достижений одно примечательно и ярко: быстро растет понимание декоративной, украшающей природы искусства. Подлинная цель и значение искусства снова выдвигаются вперед, правильно понимаются как украшение жизни и заставляют объединиться художника и зрителя, мастера и владельца в порыве творения и ликовать в порыве радости.

Есть основания надеяться, что эти современные стремления отбросят мертвые грузы, насильственно прикрепленные к искусству в прошлом веке. Кажется, что слово “украшать” приобретает обновленное значение среди народа.

Очень важно, что культурная часть общества в настоящее время стремится познать истоки возникновения искусства: ведь через эти кристалльные родники можно по-новому осмыслить великое назначение “декоративности” в человеческой жизни, которое повлечет к возникновению совершенно нового стиля и новой эпохи, находящихся за пределами нашего нынешнего воображения. Но абсолютно ясно, что эта новая эра по напряжению ликования будет сродни первым человеческим экстазам.

Но цветы не растут на льду. Для создания новой эры необходимо, чтобы общество следовало за художниками; люди должны стать их сотрудниками. Общественное мнение, помогающее художественному творчеству, воздействует на произведения через требование к организациям выставок, художественных галерей и частных коллекций, оно и будет тем теплом, без которого из корней не прорастут побеги. К счастью, как я уже говорил, интерес образованной публики отходит от сумрака прошлых веков, среди которого сверкают поистине драгоценные камни: дорогие или скромные, но равновеликие по чистоте замысла, давшего им материальные формы. Постараемся распознать то, что могли бы увидеть, перенесясь в глубь прошедших веков: удивились ли бы мы мудрости врожденного художественного инстинкта или бы обнаружили вокруг себя просто талантливых детей? Нет: мы обнаружили бы не детей, а мудрецов.

Не станем детально рассматривать различные древние произведения искусства; такие измерения и объяснения могут оскорбить их создателей и настоящих владельцев. Впечатление гармонии присуще искусству; и то, что несет очарование красоты и чистоты, благородство и своеобразие, следует рассматривать как искусство, и не надо бояться клеветы. При оценке современных произведений творчества многие из нас останавливают внимание на их недостатках. В этих порицаниях чувствуется молодость страны.

Давайте обратимся к тридцатым годам прошлого столетия и еще дальше. Многие из того времени затронет струны наших душ: благородный расцвет в эпоху Александра I, истинно декоративный блеск во времена Екатерины Великой и Елизаветы (XVIII) и восхитительный конгломерат искусства в период Петра Великого. К счастью, большая часть его избежала разрушения и живо говорит за себя.

Что еще гораздо менее известно и понято, так это допетровские времена. Наше представление о них долгое время было хаотичным из-за примеси собственных домыслов, которые всегда являются результатом поверхностных знаний. Самый верный способ изучить постройки и церкви допетровской эпохи – это мысленно перенести в них сокровища наших музеев, ювелирные изделия, ткани, иконы и т. д.

Самое достойное место среди произведений древнерусского искусства следует отвести иконам, оценивая их по самым высоким меркам. Лики этих чудотворных картин производят магическое впечатление. В них отразилось величайшее понимание приемов силуэтной живописи и глубокое чувство пропорции в написании фона. Кажется, что лики Христа, Девы Марии, некоторых любимых святых действительно излучают энергию, приписываемую им: Лик – грозный, Лик – благостный, Лик – радостный, Лик – печальный, Лик – милостивый, Лик – всемогущий. Все тот же лик, спокойный чертами, неизмерим по глубине выражений: чудотворный Лик.

До настоящего времени никто не отваживался отнести к иконам чисто с художественной точки зрения, ведь только в этом случае в них открывается мощный декоративный дух вместо наивности и грубости, которые им приписывали до сих пор. Гениальное декоративное чутье их безызвестных создателей вылилось в совершенное для того времени мастерство, отразившееся на огромных плоскостях церковных стен. Мы все еще в неведении о родственной связи этого чутья с настоящей техникой и знанием, а посредственные “специалисты” описаний этих стен и иконных полотен часто вызывают сильное

Перих Н.К. Химават filosoff.org
чувство боли и обиды за художественные произведения.

Разве мало почувствовать ликующую смелость красочных выражений в настенной росписи церкви Ярославля и Ростова? – Достаточно просто взглянуть на интерьер храма Иоанна Предтечи... Какая гармония в сочетании прозрачной лазури с яркой охрой! Какая легкость и покой в серовато-изумрудной зелени, и как уместны на ней красновато-коричневатые одежды! По тепловатому светлomu фону летят прозрачные архангелы с густыми желтыми нимбами вокруг голов, и их белые одежды против него выглядят более холодными тенями. А золото: оно нигде не беспокоит глаз, оно наложено так совершенно и так обдуманно. Воистину, эти изысканнейшие картины – тончайшая шелковая ткань, приличествующая облачению стен храма Иоанна Предтечи.

В лабиринте церковных переходов в Ростове каждая из крошечных дверок поражает вас неожиданно красивым цветовым аккордом. Сквозь поразительно прозрачную бледность пепельно-серых стен просвечивают мягко очерченные образы. В некоторых местах вдруг ощущаешь горячий жар раскаленно-красных и коричневых тонов; в других веет покоем от синей прозелени; и вдруг, внезапно останавливаешься, как от строгого слова из Писания, натолкнувшись на призрачный образ цвета охры.

Чувствуешь, что все это делалось не случайно; и что не случайно приведен в этот храм, и что будешь хранить память об этой красоте и извлекать пользу из нее более чем когда-либо до сих пор.

Эти произведения искусств, извлеченные из старины семнадцатого века, создавались “с честной совестью и подобающей целью, с благородной любовью к украшательству, для того, чтобы люди чувствовали себя здесь стоящими перед лицом Высшего”.

Когда позже писалась знаменитая чудотворная икона Иверской Божьей Матери, доску обливали святой водой, с великой ревностью служили божественную литургию, мешали святую воду и святые мощи с красками, а художник принимал пищу только по субботам и воскресеньям. В те дни велик был экстаз при написании икон, и счастье, когда выпадал он подлинному художнику, вдохновленному вечной красотой векового образа.

В русской настенной росписи прослеживаются прекрасные законы итальянской живописи, примененные чисто декоративно. С другой стороны, татары привнесли оттенок капризности Дальнего Востока в работы наших старых мастеров. В царский период русской истории декоративность вошла в повседневную жизнь и достигла своего расцвета. И храмы, и дворцы, и частные домики являются образцами совершенной пропорции, благодаря которой постройка и ее декоративное убранство образуют единое целое. Здесь спорить не о чем!

Благородный характер искусства, которое процветало в Новгороде и Пскове – “Великом водном пути”, ведущем из Балтийского моря в Черное, насыщался наилучшими элементами ганзейской культуры. Львиная голова на монетах Новгородской республики чрезвычайно напоминает голову Святого Марка... Не была ли это мечта северного великана о далекой южной королеве морей Венеции? Современные белокаменные стены Новгорода – “Великого города, который был сам себе хозяином” (цитирую полностью его древнее название), выглядят так, как если бы они были украшены ганзейской росписью. Новгороду, знаменитому и мудрому от бесконечных набегов его вольницы, очевидно пришлось спрятать лик свой от случайных прохожих из-за каприза, а не от стыда: никаких темных пятен не лежит на репутации знаменитого старого города; даже особенности старины сохранились в нем до девятнадцатого столетия.

Совсем другое влияние оказал Дальний Восток, ибо татарские набеги посеяли такую ненависть, что его произведения искусства остались в небрежении. Забыто, что таинственная колыбель Азии вскормила этих странных людей и повела их великолепными дарами Китая, Тибета и Индостана. Россия не только страдала от татарских мечей, но сквозь их звон слушала чудесные сказки умных греков и смысленых арабов, странствующих по Великому Пути.

Монгольские манускрипты и летописи иностранных послов тех дней повествуют нам о необъяснимом смешении жестокости и утонченности у великих кочевников. В ставках татарских ханов можно было встретить самых лучших художников и мастеров.

Существует и другая точка зрения на сущность татар, кроме той, что указана в учебниках:

Татарское презрение и жестокость заставили русских князей отказаться от кровной вражды и сплотиться против общего поработителя; татары проучили их всемогуществом безжалостных побед; но они же принесли из Азии древнюю культуру и распространили ее по всей опустошенной ими земле русской.

Труднее вспоминать о варварских способах, которыми русские в междоусобицах разрушали города друг друга прежде, чем татары вторглись на их землю. Белые стены русских храмов и башен, “сияющие белизной, будто сыр”, как написано в древних летописях, много страдали от страшных таранов родственных кланов.

Горький

Восемнадцатого июня в Горках, около Москвы, скончался великий русский писатель Максим Горький.

За последние месяцы ушли трое великих русских: физиолог Павлов, композитор Глазунов и теперь Горький. Всех троих знал весь мир. Кто же не слышал о рефlekсах Павлова? Кто наряду с Чайковским и Римским-Корсаковым не восхищался Глазуновым? Кто же в ряду корифеев русской литературы не читал Горького, запечатлевшего неувыдающие русские образы?

Более полумиллиона людей пришло поклониться праху великого писателя, а в день похорон гроб сопровождали семьсот тысяч почитателей. Представители государства держали почетный караул и несли, после сожжения праха, урну для установки ее в стене Московского Кремля. Присутствовал весь дипломатический корпус. Пушечный салют проводил знаменитого писателя. Некоторые французские газеты были поражены, что писателю всею нацией были оказаны такие высокие почести. Были венки от французского и чехословацкого правительств. Иностранная пресса единодушно откликнулась, достойным словом почтив память Горького.

В Москве постановлено воздвигнуть на государственный счет памятники М. Горькому в Москве, Ленинграде и Нижнем Новгороде, который теперь именуется именем Горького. Муниципальный совет Праги постановил присвоить одной из улиц столицы Чехословакии имя Максима Горького...

Бенеш, президент Чехословакии, отправил следующую телеграмму в Москву: “Смерть Максима Горького заставит весь мир, и Чехословацкую республику в частности, задуматься о развитии русского народа за последние пятьдесят лет и Советского Союза со времени революции. Участие Горького в этом процессе было в духовном отношении чрезвычайно велико и убедительно. Для меня лично Горький, как и все русские классики, был учителем во многих отношениях, и вспоминаю я о нем с благодарностью”.

Ромен Роллан по телефону из Швейцарии прислал следующее письмо, почтив память умершего: “В этот мучительный час расставанья я вспоминаю о Горьком не как о великом писателе и даже не о его ярком жизненном пути и могучем творчестве. Мне вспоминается его полноводная жизнь, подобная его родной Волге, жизнь, которая неслась в его творениях потоками мыслей и образов. Горький был первым высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим пути для пролетарской революции, отдавшим ей свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт... Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушел оттуда не один. Он увел с собой, он спас своих товарищей по страданиям”.

В парижских газетах, дошедших в Гималаи, сообщается много показательных знаков повсеместного почитания умершего писателя. Почтили его и друзья, почтили все страны и секторы. Даже в самых сдержанных отзывах высоко вспоминаются произведения Горького: “На дне”, “Буревестник”, “Городок Окуров”, “Мещане”, “Мать” и его последние произведения: “Дело Артамоновых” и “Клим Самгин”. И, в конце концов, добавляется: “Умер человек и художник, которого мы все любили”. Итак, искусство объединило и врагов и друзей. От самого начала своей яркой писательской деятельности Горький (его имя было Алексей Максимович Пешков, но все его знали по псевдониму) занял выдающееся место в ряду русских классиков. Как о всяком большом человеке и великом таланте, около Горького собралось много легенд, а с ними и много наветов. Кто-то хотел его представить бездушным материалистом, кто-то вырывал из жизни отдельные словечки, по которым нельзя судить ни человека, ни произведение. Но история в своей неподкупности выявит в полной мере этот

большой облик, и люди найдут в нем черты, для многих совсем неожиданные.

Доктор Л. Левин в “Известиях” (20 июня) рассказывает о последних днях М. Горького:

“Алексей Максимович умирал, как и жил, великим человеком. В эти тяжелые дни болезни он ни разу не говорил о себе. В короткие, светлые промежутки болезни он говорил на свои любимые темы: о литературе, о так волновавшей его грядущей войне. Последний день и ночь он был в бреду. Находясь неотступно у постели, я разбирал короткие, отрывочные фразы: “Будет война... Надо готовиться... Надо быть застегнутыми на все пуговицы”.

Н. Берберова, работавшая с Горьким, сообщает о характерном эпизоде его жизни: “Это было в день прихода очередной книжки “Современных записок”, с окончанием “Митиной любви” Бунина. Все было отставлено. Работа, корреспонденция, чтение газет. Горький заперся у себя в кабинете, к завтраку пришел с опозданием и в рассеянности... И только к чаю выяснилось. “Понимаете... Замечательная вещь... Замечательная...” – и больше ничего не мог сказать о “Митиной любви”. Трудно поверить, что этот человек мог плакать настоящими слезами от стихов Лермонтова, Блока и многих других. Вот что однажды написал он мне – в этой цитате отразилось все его отношение к поэтам и поэзии: “Очень прельщает меня широта и разнообразие тем и сюжетов поэзии. Я считаю это качество признаком добрым, оно намекает на обширное поле зрения автора, на его внутреннюю свободу, на отсутствие скованности с тем или иным настроением, той или иной идеей. Мне кажется, что определение “поэт – эхо мировой жизни” – самое верное. Конечно, есть и должны быть уши, воспринимающие только басовые крики жизни, души, которые слышат лишь лирику ее... Но А.С. Пушкин слышал все, чувствовал все и потому не имеет равных... Разве есть что-нибудь лучше литературы – искусства слова? Ничего нет. Это самое удивительное, таинственное и прекрасное в мире сем”.

Упоминание о похвале Горького повести Бунина характерно для широты взглядов Горького, тем более что Бунин принадлежит к другой группе литературной, и потому такая похвала особенно ценна.

Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний. Во всем этом многообразии вспыхивали постоянно новые, замечательные черты характера Горького, подчас совершенно не совпадавшие с суровой наружностью писателя. Помню, как однажды, когда в одной большой литературной организации нужно было найти спешное решение, я спросил Горького о его мнении. Он же улыбнулся и ответил: “Да о чем тут рассуждать, вот лучше вы, как художник, почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватить самую сущность”.

Помню и другой случай, когда в дружеском кругу Горький проявил еще одну, неожиданную для многих, сторону. Говорили о йогах, о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: “А все-таки, замечательные люди эти индусы”.

Он очень хотел иметь мою картину. Из бывших тогда у меня он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой “предвоенной” серии – “Город обреченный”, именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту. Да, автор “Буревестника” и не мог не быть большим поэтом. Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шел путем русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной.

Парижские газеты сообщают любопытное сведение: “Горький в роли Гаруна эль-Рашида”. “Известия” (21 июня) печатают фотографию М. Горького в облике бродяги. Было это в 1928 году. Горькому захотелось посмотреть, что делается в новых пивных, что за люди сидят там, нет ли среди них его старых типов со “дна”, что с ними случилось, каковы новые посетители и т. д. Но как реализовать такую экспедицию? Горький решил потрянуть стариной, побродяжничать. Он призраивает бороду – волосатый, заросший, как медведь, искусно загримированный – ведет задушевные беседы. В результате этого бродяжничества появился очерк, включенный в книгу “По Союзу Советов”.

Знающие Горького понимают, что этот эпизод вполне для него характерен. Будучи истинным реалистом во всей вместимости, он считал нужным убеждаться на деле не только для внесения в свою записную книгу новых типов, но для установления синтеза для истинного расширения своего сознания.

“Он был доверчив, он доверял, он любил доверять, его обманывали... Однажды он вышел из своего кабинета, напевая и выражая лицом такое сияние восторга, что все остолбенели. Оказывается, он прочел очередную газетную заметку об открытом кем-то где-то каком-то микробе”.

Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве “Нива”. Предполагались огромные литературные обобщения и просветительские программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность корбила Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду Дом Всемирной Литературы, Дом Ученых и Дом Искусств. Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплеканной он пронес свою чашу служения человечеству. От имени Лиги Культуры принесем наши искренние чувства памяти Горького, которая прочно и ярко утвердится в Пантеоне Всемирной Славы.

Слава

“Зачем я шел в тебя, Россия?” – пели германские пленные офицеры, проходя по улицам Сталинграда. Так передавало Московское радио. Победа, огромная победа! Вспоминали мой листок “Не замай!”, писанный до войны. Поистине “Не замай!” Россию. Каждый посягнувший на нашу Родину погибнет с несмываемым позором.

В истории запечатлены потрясающие примеры, как были поражаемы враги русского народа. Разнообразны бывали эти поражения. Одни сказывались мгновенно, другие постепенно отстукивались на разложении стран, поднявшихся против России. И об этом можно бы написать целую поучительную книгу.

И другая книга должна быть написана – о том, как великодушно, геройски вставал весь народ русский на защиту Родины. Самые многочисленные враги земли русской бывали посрамлены несломимым духом воинства русского и жертвенным самоотвержением всего народа. Александр Невский, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов – сколько славнейших вех, сколько победных восхождений?...Каждое всенародное испытание вливалось в новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. После бури еще приветливей светило солнце. Горя много, но горе преходяще, а радость нетленна. Знает русский народ священную радость любви к Родине. Знает неустанный, преуспевающий труд. Полон народ смекалки и творчества. Помнит, что “промедление смерти подобно”...

Не найдется более безумца, который бы дерзнул ополчиться на Русскую землю, на союзную семью народов, дружно слившихся на священной единой целине. От бойца до вождя – все трудятся. Рождаются новые силы. Крепнет сотрудничество. Исполняется сужденная слава народа русского. Бывали всякие недоверы, бывали трусливые “перелеты”, бывали “нетовцы” – отрицатели. И вся эта пыльная труха исчезала, когда восходило бодрое яркое солнце народного преуспеяния. Спорили мы со многими шатунами, сомневающимися. Лжепророки предрекали всякие беды, но всегда говорили мы: “Москва устоит!”, “Ленинград устоит!”, “Сталинград устоит!” Вот и устояли! На диво всему миру выросло непобедимое русское воинство! Жертвенно несет русский народ все свое достояние во славу Родины! Слава, слава, слава!

IV. Pax per Cultura

Охрана Культуры

“Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть Сердце.

Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты”.

Рерих Н.К. Химават filosoff.org

Осуждение, умаление, загрязнение, уныние, разложение, все порождения невежества не приличны культуре. Ее великое древо питается неограниченным познанием, просвещенным трудом, неустанным творчеством и подвигом благородным.

Камни великих цивилизаций укрепляют твердыню культуры. Но на башне культуры сияет алмаз-адамант любящего, познающего бесстрашного Сердца.

Любовь открывает эти Врата прекрасные. Как всякий настоящий ключ, и любовь эта должна быть подлинная, самоотверженная, отважная, горячая. Там, где истоки культуры, там источники горячи, и бьют они из самых недр. Где зародилась культура, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но культура, как истинная духовная ценность, бессмертна.

Потому и радостна пашня культуры. Радостна даже в самых крайних трудах. Радостна даже в напряженных битвах с самым темным невежеством. Зажженное сердце не ограничено в великой Беспредельности.

Праздник труда и созидания. Звать на праздник этот – значит лишь напомнить о нескончаемом труде и о радости ответственности, как о достоинстве человеческом.

Труд работника культуры подобен работе врача. Не одну болезнь знает истинный врач. Не только врач спасает от уже случившегося, но он мудро предусматривает на будущее. Не только изгоняет болезнь врач, но он работает над оздоровлением всей жизни. Сходит врач во все подвалы темнейшие, чтобы помочь осветить и отеплить их.

Не забывает врач о всех улучшениях, украшениях жизни, чтобы порадовать дух понижающийся. Знает врач не только старые эпидемии, но готов распознать и симптомы новых несчастий, вызванных гниением устоев.

Имеет здоровое слово врач и к ребенку, и к старцу, для каждого готов его совет одобряющий. Не прекратит врач познания свои, иначе он не ответит действительности. Не утерять врач терпение и терпимость, ибо ограниченность чувств оттолкнет от него болящих.

Не устрашится врач видом язв человеческих, ибо он мыслит лишь об исцелении. Собирает врач всяческие травы и камни целебные, знает он об изыскании их благого применения. Не утомится врач поспешить на помощь к больному во все часы дня и ночи.

Работнику культуры присущи те же качества. Так же точно готов он на помощь во благо в любой час дня и ночи. Подобно скаутскому зову, работник культуры доброжелательно отвечает: “Всегда готов”. Он открыт сердцем ко всему, где опыт и знание его могут быть полезны. Помогая, и сам он вечно учится, ибо “в даянии мы получаем”. Он не устрашается, ибо знает, что страх открывает врата тьмы.

Работник культуры всегда молод, ибо не дряхлеет сердце его. Он подвижен, ибо в движении сила. Он зорек на постоянном дозоре во Благо, в Познание, в Красоту. Знает он, что есть сотрудничество.

Нитями сердечными объединены работники культуры. Горы и океаны не препятствия для этих сердец возжженных. И не мечтатели они, но строители и пахари улыбающиеся.

Посылая привет о культуре, нельзя послать его без улыбки, без зова дружбы. Так и сойдемся, так и соберемся и потрудимся во Благо, во Знание, во Красоту. И сделаем это неотложно, не упустив ни дня, ни часа для строительства доброго”.

Красный крест культуры

Читаем в газете телеграмму из Нью-Йорка о 800 000 безработных в одном этом городе. В Штатах число безработных превысило 9 миллионов. При этом мы знаем, какое множество интеллигентных работников, конечно, не включено в эту цифру, но испытывают нужду, безработицу не меньшую. Такие цифры истинное несчастье; они показывают, что кризис не только вошел во все слои общества, но уже является разрушительным фактором. В той же почте сообщается о том, что само существование “метрополитен Опера” находится в

опасности. Письма сообщают не только о новых урезываниях просветительных учреждений, но и о многомиллионных потерях такими людьми, которые считались незыблемыми столпами финансовой мудрости. Институт Искусств в Детройте, чьим президентом является Форд, временно закрыт из-за дефицита средств. Капитолий в Канзас-Сити, одном из богатейших прежде городов, был продан с аукциона.

Еще одна газетная вырезка обоснованно сообщает: “Сегодня Берлин представляется мертвым городом, о чем свидетельствует то, что лишь половина таксопарка выезжает на улицы и общее движение транспорта в большинстве своем сократилось удивительно. Жители не в состоянии платить квартплату, вследствие чего огромное число людей переселяется в бедные районы города”. Таким образом, всюду проявляются знаки страдания.

Картина цивилизации, которая представляет собой “мелькающие кадры фильма”, была недавно выведена Х.Б. Веллом перед слушателями Лондонской школы экономистов. Он сказал: “Как и во времена Ноя мы создаем ковчег среди расточительности и крушений надежд. Если усилия по спасению цивилизации малы, мы с помощью развития духа возможно положим основы для другой, лучшей цивилизации”. Точно – никто не спляшет на вулкане.

Когда на наших глазах потрясаются основы этой многожителейской мудрости, то не является ли это знаком, что эти материалистические основы дошли до какого-то предела и уже изживаются? И не является ли это знамение еще одним свидетельством о том, что нужно из праха поднимать забытые, запыленные знамена духа, чтобы противопоставить очевидному для всех разрушению ценности незыблемые?

Когда же, как не теперь, должны быть зажигаемы сердца детей свидетельствами о подвигах, об истинном образовании и познании. Может быть, еще не было такого времени, когда самым спешным порядком нужно входить в трудности семьи и, на основании всех исторических примеров, указывать, чем именно были преоборены многократно возникавшие в истории человечества кризисы.

Ведь нельзя более скрывать, что кризис произошел, невозможно утешаться тем, что какой-то новый однодневный сбор накормит всех безработных и голодающих. Совершенно очевидно, что случившееся гораздо глубже.

Уже давно народная мудрость сказала: “Деньги потеряны – ничто не потеряно, но мужество потеряно – все потеряно”. Сейчас приходится вспомнить об этой мудрой пословице, ибо о кризисе стало принято говорить: и пострадавшие и почему-то мало пострадавшие стали одинаково ссылаться на кризис, одинаково подрезая все инициативные, творческие устремления.

Так, если не будут приняты основные противодействия, то, быть может, этот кризис явится лишь прологом чего-то еще более грандиозного.

Мы, оптимисты, прежде всего, должны предотвращать всякую панику, всякое отчаяние, будет ли оно на бирже или в священнейшем Святилище Сердца. Нет такого ужаса, который, вызвав к жизни еще большее напряжение энергии, не мог бы претвориться в светлое разрешение. Особенно ужасно слышать, когда отягощенные кризисом люди, не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о культуре. Мы уже слышали подобные недопустимые в робости и отчаянии своем голоса.

Нет, милые мои, нужно именно сейчас спешно думать не только о культуре, как таковой, но прилагать этот источник жизни молодому поколению. Можете себе представить, во что превращается едва начавшее слагаться мирозерцание юношества, если оно будет слышать и в школах и в семье своей лишь ужасы отчаяния. Если оно будет слышать лишь о том, что нужно отказаться от самого животворного, что нужно забыть о самих источниках жизни и прогресса.

Эти ужасные “нельзя”, “не время”, “невозможно” приводят молодое сознание в тюрьму беспросветную. И ничем, ничем на свете вы не осветите эти потемки сердца, если они, так или иначе, были допущены. И не только о юношестве должны мы мыслить, в то же время мы должны думать и о младенчестве. Каждый воспитатель знает, что основы мирозерцания, часто неизгладимые на всю жизнь, складываются вовсе не в юношеские годы, но гораздо, гораздо раньше. Часто лишь молчаливый взгляд дитяти говорит о том, что окружающие обстоятельства для него вовсе не так уж недоступны, как кажется гордыне взрослых. Сколько основных проблем разрешается в мозгу и в сердце

Перих Н.К. Химават filosoff.org
четырехлетнего, шестилетнего ребенка!

Каждый наблюдавший развитие детей, конечно, припомнит те замечательные определения, замечания или советы, которые совершенно неожиданно произносились ребенком. Но кроме этих гласных выражений, какое множество искр сознания освещает молчаливый взгляд детей! И как часто эти малыши отводят свой взгляд от взрослых, точно бы оберегая какую-то решительную мысль, которую, по мнению детей, старшие все равно не поймут.

Вот этот прозорливый ум ребенка и нужно занять именно сейчас самыми светлыми мыслями. Не пустыми надеждами, ибо идеализм, повторяю, не в туманной пустоте, но в том непреложном, что может быть доказано историками, как самая точная математическая задача.

Разве не время именно сейчас в школах, начиная от низших классов, прийти с увлекающей и вдохновляющей вестью о подвигах человечества, о полезнейших открытиях и о всем светлом Благе, которое, конечно, суждено и лишь по неосмотрительности не подобрано.

Мы начали с упоминания о Нью-Йорке, пораженные последним газетным сообщением, что в, казалось бы, богатейшем городе городскому управлению неотложно нужны десятки миллионов, чтобы предотвратить голод. Повторяем это газетное сообщение, ибо оно не только недалеко от истины, но, по существу, оно даже не выражает всю истину. Сообщенное о Нью-Йорке, конечно, относится и ко всем городам, и не только Америки, но всего мира. Часто эти сведения закрыты или условными ограничениями, или беспросветною пылью извержений. Сейчас пишут из Южной Америки, приводя отчет аэропланов, посланных в пораженные катаклизмом местности, – “ничего не видно”. Действительно, из многих мест земного шара “ничего не видно”. А когда мгла извержения рассеивается, то мы видим еще большее смятение духа человеческого.

Тот, кто усматривает сейчас несомненность кризиса, вовсе не есть Кассандра в зловещих пророчествах (которые в случае Кассандры оправдались). Подающий сигнал о кризисе сейчас просто подобен тому стрелочнику на железной дороге, который, усмотрев неминуемость крушения, подымает флаг предупреждения машинистам, всем сердцем надеясь, что они бодрствуют и увидят эти сигналы. Уподобимся этому стрелочнику.

Поднимем Знамя Охранения Культуры! Вспомним о предложенном еще в прошлом году Всемирном Дне Культуры, о школьном дне, когда сказания о лучших достижениях человечества, вместо обычных уроков, светлую вестью могут зачать молодые сердца. Если в прошлом году мы мыслили о Лиге Молодежи и хотя бы об одном Дне, выявляющем Сад Прекрасный человечества, то теперь мы видим, что спешность этого выявления лишь умножилась. Один день уже не укрепит все то сознание, которое расшатано общественными и семейными невзгодами. Чаще нужно говорить о спасительном, творящем, вдохновляющем начале.

Воспитать – это не значит только дать ряд механических сведений. Воспитание, формирование мирознания достигается синтезом, и не синтезом невзгод, но синтезом радости совершенствования и творчества. Если же мы пресечем всякий приток этого радостного осветления жизни, то какие же мы будем воспитатели? Какое же образование может дать педагог, распространяющий вокруг себя печаль и отчаяние? Но недалеко от отчаяния подделка под радость, и потому всякая насильственная улыбка недаром называется улыбкою черепа. Значит, и нам самим нужно убедиться в том, насколько нужна и жизненна программа Культуры как оздоровляющее начало, как жизнедатель.

Из медицинского мира мы знаем, что так называемые лекарства-жизнедатели не могут действовать скоропостижно. Даже для самого лучшего жизнедателя нужно время, чтобы он мог проникнуть во все нервные центры и не только механически возбудить их (ведь каждое возбуждение влечет реакцию), но должен действительно укрепить и оздоровить нервное вещество. Если мы видим на всех примерах жизни нужность известного времени для процесса оздоровления, то как же неотложно нужно подумывать и начать действовать под знаком, подобным Красному Кресту Культуры.

Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого

до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как тяжелораненым светло горит знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть знак культуры.

Время ли препятствовать, протестовать, не соглашаться и привязываться к мелочам? Когда по улице следует повозка Красного Креста, то для нее останавливают все движение. Так же и для неотложного знака культуры нужно хоть немного поступиться привычками обыденности, вульгарными осадками и всеми теми пыльными условностями невежества, от которых все равно, рано или поздно, придется очищаться.

Людям, не прикасавшимся близко к вопросам воспитания, знак культуры может показаться интересным опытом; конечно, не скрою, что этим самым такие люди покажут лишь свое недостаточное историческое образование. Но если кому-то это покажется опытом, согласимся и на том, ибо никто не скажет, что этот опыт может быть разрушительным или разлагающим. Созидательность мышления о культуре настолько очевидна, что смешно говорить об этом.

Во время серьезной опасности на корабле следует команда: “действовать по способности”.

Вот и сейчас, мысля о культуре, нужно сказать и друзьям и врагам: будем действовать по способности, то есть положим все силы наши во славу неотложного в своей живоносности творческого понятия культуры.

“и светво тьме светит и тьме его не объять”.

Пусть светит Знамя охранения всего Прекрасного. Пусть сияет Знамя Мира!

Динозавры

Герберт Уэллс в недавней беседе высказался, что в многовековой истории век высоких скоростей – творение, “подобное динозаврам, динотериям и т. д., которые господствовали на земном шаре и исчезли”. Они исчезли, потому что условия переменились, и они оказались неспособны приспособить себя к иному времени.

Имеет ли человек, спрашивал мистер Уэллс, какую-нибудь надежду спастись от подобной гибели? С точки зрения мистера Уэллса, имеет. Благодаря умственным способностям. “Он способен думать и предвосхищать события. Он может учиться и изменять себя, на что не способно ни одно развитое животное”. И Уэллс характеризует изменения, к которым человеческая раса должна себя приспособлять, а именно: 1) исчезновение расстояний благодаря современным методам связи; 2) невероятное возрастание материального могущества; 3) путь развития, при котором малоквалифицированные “рабы” и работники, занимающиеся тяжелым трудом, “могут быть еще при жизни в значительной степени заменены роботами”. Он увидел в качестве общего знаменателя для решения проблем мирового сообщества, что “правительства всего мира должны отказаться от своих верховных притязаний на применение экономической или политической агрессии против других”. И он усиленно подчеркивает, что “те, кто ратует за принципиальную сдержанность, более многочисленны, нежели те, кто готов использовать мощь взаимного уничтожения”.

В последние годы мы убедились: не только все известные войны угрожают уникальным творениям человеческого духа, но незаметно подкрадывающиеся варварство и дикость угрожают, может быть, в большей степени лучшим памятникам творения.

Приходят они не в образе пещерных людей, но в смокингах и подобию “джентльменов”, позорно твердящих: “К черту культуру!”; безнаказанность этих разрушителей невежественна и высокомерна.

Имя им Геростраты! Мы унизились до произнесения имени этого безумца лишь для того, чтобы показать позорное пятно, но отнюдь не главное содержание истории. Преступный дикарь, ставший именем нарицательным, – и совершенные творения. Невежество всегда пытается обезобразить великое – в этом проявляется отвратительная печать тьмы.

Истинно, наиболее насущной и всеобщей потребностью является упорядочение и

возрождение традиций культуры. Укрепим же надежду в наших сердцах, что Всемирный Союз культуры у порога новой и благодетельной жизни поистине прольет всеобщий свет на злобное, сбивающее с толку, омрачающее сердца.

Преступная власть, нацеленная на злодеяние, проникает всюду, отравляя сердце и мозг. Но с раннего детства следовало бы учить дома и в школе, в чем ложь, а в чем истина и духовные ценности. И, как представляется, причина тупикового развития народов Китая и Египта куда в большей степени, чем мы представляем, заложена именно в этом.

Только недавно мы узнали об уничтожении произведений Гойи в Испании и об опасности, грозящей драгоценной библиотеке в Шанхае, и о многих других проявлениях варварства. Люди объясняют это национальным сумасшествием. Но кому же в голову придет объяснять подобное некими благородными мотивами? Позор! Стремление отмечать “Дни культуры” в целом мире находят широкий отклик. Это хорошо.

И власть варварства, которая желает лишить каждого его законного права на Свет, Красоту, Знание, падет перед ликом Творений Чудесного.

В одной беседе утвердим ли значение Красоты и Знания? Это не трюизм. Ведь все безобразное денно и ночью умаляет утвержденные основы культуры. И вместо пиршества труда, торжества созидания может получиться ночное пожарище разрушителей. Вы и сами видите, что в злобе и всеобщие “Олимпийские игры”, в отличие от древних игр, порою заканчиваются с первой же борьбой.

Если все имеющиеся лиги, учреждения, музеи, светские учреждения, общественные организации, институты, конференции, конвенции будут и дальше расти и развиваться, то все меньше места останется ужасу невежества и темноты.

“Если вы строите воздушные замки, такая работа не бессмысленна. Воздушные замки могут воплотиться в реальность. Только сразу же закладываете для этого основу”.

Генри Дэвид Торей.

Великие Облики

Когда великие облики доходят до вас из глубокой древности, они воспринимаются как-то особенно легко. Даже облекаясь в мифы и легенды, они становятся легко убедительными. За завесой времени – все возможно. Писатели и художники всех веков будут посвящать этим далеким обликам свои лучшие вдохновения. Целые поколения будут вдохновительно водимы этими далекими героями и героинями. Никто им не завидует, никто не думает о том, как достигались эти подвиги – остаются лишь памятные вехи человеческого восхождения.

Не так-то бывает в близком прошлом, уже не говоря о настоящем. Возьмите описания недавно прошедших больших людей. Сколько в них будет отмечено ненужного, нехарактерного, которое лишь покажет, что окончательная сущность их бытия еще не взвешена и не оценена. Непременно будут вводимы самые сомнительные, самые малодоказанные подробности, из которых будут сделаны если не вполне отрицательные, то по возможности умаляющие выводы.

В веках, конечно, весы прошлого уравниваются. Народный суд уберет многое, что сорило глаза ближайших зрителей. Суду веков ведь не нужно непременно умалять. Даже на расстоянии каких-то ста лет мы видим, что очень многое самосильно приходит в равновесие. Еще не истлели печатные листы, на которых большие личности были засоряемы и оплеваны. Не только в памяти дедов, но воочию можно видеть, насколько жестоко и несправедливо издевались люди над теми явлениями, которыми уже через неполное столетие их же страна, да и весь мир, справедливо гордились.

Не будем называть тех писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей и вождей, имена которых и весь их облик преобразились в общественном понимании за самое короткое время. У каждого имеется в запасе множество таких примеров. Современные нам люди называют невежественных оценщиков самыми тяжкими именами, но подчас сами же они недалеки от таких же деяний. Не раз указывалось, что словари и энциклопедии, в каждом своем издании,

должны менять свои оценки. Можно бы назвать ряд великих имен, которые, в оценках энциклопедий, от шарлатанов и смутьянов дошли до самых почетных отзывов. Такие метаморфозы можно наблюдать даже в течение одного поколения. Разве это не замечательно для истории человеческого мышления?

Трудно сказать, по каким причинам происходит это несомненное явление. По злобе ли, по зависти, по невежеству или по какой-то непростительной тупости и лени? Кто-то даже выдумал престранную пословицу “брань на ворота не виснет”. Думается, что выдумал это странное речение, наверное, какой-то ругатель, чем и хотел как бы оправдать свои особенности.

Иногда доходят до таких нелепостей, что каждая попытка дать доброжелательное суждение, хотя бы и обоснованное, уже является чем-то несовременным и недопустимым. В то же время всякая, хотя бы клеветническая критика и извращения будут заслушаны спокойно и даже с внутренним одобрением.

Между тем, сколько прекрасных, истинно великих обликов проходят в поучение человечеству вовсе не в каких-то седых веках, но тут, совсем близко. Казалось бы, эти облики всею осязаемостью и реальностью должны бы еще более воодушевлять многих. Но это случается так редко.

И не только в каких-то официальных, представительных должностях, но в скрытой жизни сияют незабываемые, вдохновляющие облики. И лишь немногие понимают все их глубокое значение для человечества. Когда-то и как-то и эти весы справедливости придут в равновесие, но все же странно, что люди сравнительно так мало пользуются тем, что уже им представлено, щедро дано и могло бы быть широко использовано.

Проходят прекрасные женские и мужские облики – истинные создатели культуры и, казалось бы, ценно их знать уже теперь же, без непостижимого и ненужного откладывания в архивы и скрины для нарастаний в народном воображении.

Вот в жизни проходит замечательный, великий женский облик. От малых лет девочка тайком уносит к себе тяжелое, огромное издание. Склоняясь под тяжестью непомерной ноши, она украдкой от больших уносит к себе сокровище, чтобы посмотреть картины и, научась самоучкою, уже читать. Из тех же отцовских шкафов, не по времени рано, уносятся философские сочинения, и среди шумного, казалось бы, развлекательного обихода самосоздается глубокое, словно бы давно уже законченное мирозерцание. Правда, справедливость, постоянный поиск истины и любовь к творческому труду преобразуют всю жизнь вокруг молодого, сильного духа. И весь дом, и вся семья – все строится по тем же самым благодатным началам.

Все трудности и опасности переносятся под тем же несокрушимым водительством. Накопленное знание и стремление к совершенству дают непобедимое решение задач, ведущее всех окружающих по единому светлому пути. Болезненно ощущается всякое невежество, темнота и злоба. Где только возможно, происходят целения и физические, и духовные. Жизнь становится от раннего утра и до вечера истинно трудовой, – и все на пользу человечества. Ведется обширнейшая корреспонденция, пишутся книги, переводятся многотомные труды – и все это в удивительной неутомимости духа. Даже наитруднейшие обстоятельства побеждаются истинною верою, которая уже делается прямым чувствознанием. А ведь для такого знания нужны были удивительные накопления. Такую неустанно трудовую жизнь, в подвиге каждого дня, в доброжелательстве и строительстве, нужно иметь перед собою всей молодежи.

Когда известны все трудности, среди которых протекает такая вдохновенная работа, тогда молодежи особенно ценно знать об этих неустанных продвижениях. Ведь часто кто-то думает, что нечто уже непобедимо, что добром зла не перешибешь. Вот до каких заблуждений иногда доходит смущение человеческое. Но тут-то и важны действительно жизненные примеры. Можно радоваться, когда такие примеры имеются и ободряют всех начинающих строителей жизни. Лишь бы знать все это. Лишь бы вместо сомнений, отрицаний и отступлений идти вдохновенно в труде ободряющем. Кто-то удаленный и заброшенный, как он о себе думает, может узнать, как через препятствия, через все препоны тьмы тут же, недалеко от него, была пронесима чаша нерасплесканная. Сколько новых сил, а вместе с ними и новых возможностей притечет. Сколько темного ночного безумья сменится мыслями о творчестве, о строительстве, которое возможно во всех фазах жизни. Разве непременно нужно быть сожженной, подобно Жанне д'Арк, разве непременно нужны эшафоты там,

где ценно именно движущее, ведущее слово и пример труда. Рано или поздно человечеству все-таки придется отучиться от всего задерживающего, мешающего и огрубляющего. Тот, кто сумеет найти наибольшее количество добрых знаков, тот выполнит наибогороднейший марафон. Истинный марафон не в стоянии на одной ноге, но именно в нахождении наибольшего количества добрых, строительных знаков. В этих знаках будет найден и тот настоящий мир, о котором неустанно молятся во всех церквях.

Для собирания этого истинного мира нужно много бережливости, заботливости и доброжелательства. Неужели твердить о доброжелательстве будет лишь чем-то отвлеченным и неприложимым? Неужели же какие-то дико звериные сердца все-таки восстанут против каждого строительного благожелательства? Не может этого быть. В каждом, живущем в сердце, должен же быть какой-то общечеловеческий, добрый подход. В подходе добром различатся и великие, добрые облики, и оценятся дела по справедливости.

Царство Культуры

- В какой стране предпочтете жить?
- Конечно, в стране Культуры!
- Ваши лучшие помыслы чему вы принесете?
- Культуре.
- Чему вы посвятите ваши просвещенные труды?
- Конечно, Культуре.
- Чем вы обновите ваше сознание?
- Победным светом Культуры.
- Не потрясатели ли вы?
- В постоянных трудах мы не имеем времени для потрясений. Мы строим. В положительном утверждении и познании мы стремимся улучшить и украсить жизнь земную.

Так скажут светоносцы Культуры на все вопросы со стороны и просто незнающих или в основе невежественных, или завидующих о Свете. Познающий священные устои Культуры оценивает и великий единый Свет. Убеждается в Иерархии Блага, вне которой нет созидательного пути.

Служащий Культуре перестает быть мечтателем, но делается воплощением высочайшей и светлейшей мечты в жизни. Ибо что же может быть светлее и величественнее, как не служение и осознание светлых элементов, под сенью которых создались великие народы. Всячески нужно укрепить сознание, что мысли о Культуре не отвлеченность, но созидательное утверждение. Понявший положительные красоты Культуры не останется во сне, не останется бездеятельным вне созидания. Нет, этот познавший без промедления внесет свою лепту стройного сознательного труда.

Работник Культуры поймет истинное сотрудничество, ту живую доброжелательную кооперацию, которой даже малые дела растут. Расширивший свое сознание понятием Культуры поймет и сотрудников своих, ибо не подавлять, но мудро применять будет он сокровища человеческого опыта. И неустрашим будет познавший Культуру, ибо, взглянувши глазом верхним и добрым, он увидит, что страх есть принадлежность тьмы. Вне суеверий и предрассудков служитель Культуры понимает, что единственная радость мыслящего человека в непрестанном труде, в творении, ибо все сущее может быть творимо прекрасно. Познающий ценность Культуры начинает ценить качество мысли и научается мудро применять эту величайшую творческую мощь. Из обихода светоносца Культуры уходит осуждение, клеветнические пересуды и говорение о том, чего не знаешь!

Какой это страшный бич невежественности – говорить о том, чего не знаешь. И как многие, казалось бы, цивилизованные люди грешат этим. Носитель Культуры ясно почувствует всю разницу между основами духовной культурности и наносной материалистической цивилизацией.

Оценивая светлые накопления народов, служитель Культуры разберется в случайном преходящем и истинно живущем. Понимая великую ответственность Бытия человеческого, светоносец Культуры вносит как в мысли свои, так и в деятельность высокое качество работы. Он разумно испытует чудесные силы природы, памятуя, что решительно все существующее может быть целебно приложено во Благо. Во имя этого Блага и Света вы найдете в себе тот драгоценный язык сердца, словарь которого гораздо полнее и прекраснее словарей нашего языка. Какую убедительность вносит с собою язык сердца, и как перед его победными заветами распадаются самые мрачные врата лжи и невежественности. Действительно убеждаемся, что ложь глупа и недействительна, ибо в духе никакая ложь не скроется. Мудрость в явном, от которого ни в каком духовном и телесном состоянии мы не откажемся. И не солгать в державе Культуры. Нельзя стоять на одной точке; можно лишь идти вперед или отступать. Но знамена истинной Культуры не знают отступления. Не знают светоносцы разочарования, ибо магнит Света велик.

Великие народы, во имя чье вы собирались, под знаком которых будете изучать их творческие наследия, в истории своих великих передвижений дают нам поучительные примеры. Встретимся и с героизмом, и с самоотречением, и с мученичеством за Свет, и с благородными подвигами созидания. Эти открытия не отяготят изучающих, наоборот, они вдохновят их к такому же неустанному труду. Великие переселения народов не случайность. Не может быть случайностей в мировых постоянных явлениях. Эту особенность закаляются наиболее живые силы народов. В соприкосновении с новыми соседями расширяется сознание и куются формы новых рас. Потому живая передвигаемость есть один из признаков мудрости.

В глубинах Азии – этой колыбели всех духовных и созидательных движений – в давние времена передвижение рассматривалось как завершение образования. Еще и теперь мы встречаем остатки преданий о том же просвещенном начале. В тех же далеких краях подарок книгой или священными предметами считается высшим признаком благородного духа. Великие переселенцы уносили с собою такие же замечательные заветы и на пути своем создавали великие стили искусства и жизни. Вспомним хотя бы об аланских наследиях и о прекрасном романском стиле. Вспомним характер монастырей, как в славянских землях, так и азиатских окраин. Без удивления вспомним, что рукояти мечей Гималайских нагорий и фибулы их находятся как на Кавказе, так и в южнорусских степях и рассеяны по Европе. На фибулах, на нагрудных пряжках этих встречаем многие изображения, ставшие символами целых народностей. Пусть и на нашей нагрудной фибуле будет написано слово Культура. Теми же общепонятными зовущими знаками. И каждый светоносец Культуры пусть помнит о всех светлых наследиях и о высокой ответственности за качество его творческой работы. Не будем думать о роскоши. Культура и Красота – в Знании. Не нужны чрезмерные богатства для того, чтобы обмениваться и взаимно укрепляться языком сердца.

Верю в несокрушимость общих созиданий наших. Во имя Света и Сердца, во имя Красоты и Знания, во имя живых устоев эволюции приветствую вас от белоснежных высот Гималаев.

Цивилизация

Как гордимся мы нашей Культурой! В каких возвышенных выражениях мы восхваляем нашу цивилизацию! С каким упоением смотрим мы в будущее!

Между тем разум говорит нам, что культура существует при условии расширения сознания; цивилизация же расцветает в том случае, если ее корни пущены в здоровую почву.

Лучшее будущее базируется на самоусовершенствовании.

В былые времена эволюционными представлялись усилия в сопротивлении власти предрержащим. Сегодня, с одной стороны, человечество тратит усилия на овладение энергией мысли, с другой – на собственное удушение с помощью ядовитых газов и бомб, на отравление удушливым дымом фабрик и заводов. В некоторых последних очерках, посвященных теме угрозы для окружающей среды, В.Татаринов выдвигает требование уделять должное внимание множеству болезней, которыми в части ответственности за общественное благоденствие до сих пор пренебрегали. Жители городов систематически подвергаются отравлению, абсолютно вне поля зрения качество их пищи, которая может быть или хорошей, или плохой; опасность, по-видимому, исходит и от воздушной

среды. Уже на протяжении длительного времени, в доме ли, на улице мы дышим смертельным газом, окисью углерода, газом без цвета и запаха, представляющим все более грозную опасность. Этот газ, источником которого является наше печное отопление, часто используют самоубийцы, тот же самый газ, когда он скапливается в большом количестве в подземных шахтах рудников, является причиной взрывов и, как следствие, гибели шахтеров. Существует целый ряд отраслей – химическая, металлургическая, стекольная и т. д., которые особенно страдают от этого; на предприятиях всех перечисленных отраслей превышение содержания в воздухе окиси углерода 1 к 90000 уже опасно для жизни работающих.

Переносные печи, печи с медленным сгоранием и нагревательные приборы на газе или керосине в наших ваннах комнатах – все это является источником угрозы для здоровья и требует внимательной эксплуатации.

По мнению профессора Пьяво, производившего специальное исследование данного вопроса, при тщательном осмотре центрального отопления во всех домах, где оно эксплуатируется выше 15 лет, всякий бы убедился во вредном воздействии газа на здоровье жильцов.

Доктор Фезанге представил два случая таинственных заболеваний, при которых потерпевшие настойчиво жалуются на головную боль, слабость, астению, причем лечение в обоих случаях результатов не принесло. Затем доктор вызвал архитектора для переустройства центрального отопления, после чего пациенты быстро поправились. Закрытый автомобиль, на который сегодня всеобщая мода, тоже представляет реальную опасность. Как бы совершенна ни была его конструкция, невозможно полностью исключить попадание газа в салон, сей факт подтверждают чаще женщины, поскольку они более чувствительны, чем мужчины, и чаще жалуются на головную боль, тошноту, слабость.

Опасности, однако, как большие, так и малые, подстерегают и за дверьми: дым из городских дымоходов смешивается с выхлопными газами транспортных средств, а если улицы узки и дома высоки, то результат для жителей пагубен. Анализ воздуха в оживленных кварталах Нью-Йорка показывает, что окись углерода присутствует в пропорции 1 к 10000, что в пять раз больше, чем допустимая с точки зрения гигиены норма. И что в результате? Для жителей таких районов велика опасность того, что систематические отравления в конечном счете скажутся на здоровье. Прежде всего это общая тенденция к заболеваемости, что само по себе может вызвать резкое обострение таких болезней, которые в нормальной среде обитания себя не проявляют. Тех, кто страдает от расстройства пищеварения, начинает рвать. Люди, время от времени мучающиеся бессонницей, вскоре замечают, что недуг этот становится хроническим, а болеющие ревматизмом – что боли усиливаются. Одно из поразительных явлений – увеличение желудка, это указывает на то, что организм самостоятельно борется с жировыми отложениями. Следствие этого может быть различным, но всегда чревато неприятностями, если мы не обращаем внимание на первопричины, которые, как правило, лежат в плохо работающем печном отоплении.

Систематическое отравление окисью углерода влечет очень серьезные последствия, такие, как, например, всеобщая анемия и грудная жаба; во Франции и Германии все чаще обнаруживаются случаи заболевания ими.

В декабре 1930 года вся Северо-Западная Европа, от Финляндии до Дуная и от Нидерландов до Центральной Франции, была, как коконом, окутана непроницаемым смогом в виде смеси морского воздуха и холодных, низко простирающихся над континентом облаков. Радио не работало, видимость не превышала пяти метров, и все суда были вынуждены оставаться в портах.

В мирной долине Мейса, около Льежа, ситуация сложилась трагическая. Крестьяне заметили над полями надвигающуюся на них плотную стену черного дыма, вскоре многие ощутили боль в горле и начали сильно кашлять.

Зрелище этой гигантской дымовой стены наводило ужас, люди бросались к своему жилью и многие погибли, задыхаясь в страшных мучениях. Население охватила паника, те, кто остались дома, заделывали окна с помощью подушек и тюфяков. Медицинская помощь организовала доставку по домам кислородных баллонов и раздачу противогазов.

После того как смог рассеялся, настал черед специалистов, при содействии работников местных магистратов началось расследование. Подобный феномен уже

наблюдался около Льежа в 1911 и 1913 годах, когда смерть унесла некоторых наиболее пожилых шахтеров, также погибли многие домашние животные.

В пасмурный весенний день 1925 года в районе Випперфьюза, в Рейнеланде, образовался густой черный смог, температура внезапно понизилась и “ароматы” сульфата и хлорида наполнили пространство. Множество народу мучилось от спазм, а двое, отравленные газом еще во время войны, скончались. Погибли множество птиц, тысячи рыб, всплыв кверху брюхом, плыли по реке.

Все многочисленные гипотезы, пытаюсь объяснить происшедшее, исходили из одного – астма. Некоторые склонялись к тому, что во всем повинно воспаление легких, хотя подобных массовых эпидемий не было известно. Другие утверждали, что все объясняется злокачественным бронхиальным заболеванием, принесенным пылевой бурей из Сахары. Были люди, которые полагали, что первопричина происшедшего – отравляющий газ, выпущенный чьей-то злонамеренной рукой.

Всякий знает, что атмосферное давление или температура сами по себе не могут вызвать гибель, но в специфических случаях их определенное сочетание может привести к смешиванию в атмосфере ядовитых миазмов от сотен металлургических и химических предприятий, расположенных в долине Мейса.

Как правило, такие газы летучи и распылены в атмосфере. Но в случае резкого понижения температуры – на это указывают очевидцы – возникают условия для их выпадения в осадках, что, правда, предотвращает возникновение смога из окиси цинка, серы и их гибридов.

Отравленные испарения над долиной Мейса ничуть не более ядовиты, чем такие же испарения над индустриальной зоной Лондона, но над Лондоном атмосфера, как правило, прогревается и тепловые течения уносят вредоносные газы прочь.

Разумеется, случай в долине Мейса исключителен по своей тяжести, но несчастные жители больших городов живут в столь отвратительных условиях, что это если и не приводит к фатальным последствиям, как в долине Мейса, то уж непременно к очень и очень вредным для здоровья.

“Опасность витает в воздухе” – есть, увы, печальная действительность и очень реальная угроза. Пятна на солнце не так повинны в несчастьях, как крапинки на человеческой совести. Опытный учитель внушает вам не давать опасных игрушек детям, то же самое можно сказать о ядовитых газах и опасных энергиях, с которыми мы обращаемся крайне безответственно.

Эти предостережения – не порождение консервативно и реакционно настроенных умов, но тех, кто считает, что истинный прогресс заключается в улучшении состояния человечества.

Целые города разрушаются сегодня без каких-либо объявлений военных действий. В своей недавней заметке Иден говорит, что приближается время, когда люди загонят себя в условия, сильно смахивающие на пещеры троглодитов. Ведь они сейчас предпочитают, чтобы охраной музеев и соборов занимались песчаные дюны, хоронящие их под песками. Но этот путь ведет человечество к гибели.

Люди часто сравнивают исчезнувшее искусство с закопанными сокровищами; во времена, когда люди были примитивными, сокровища зарывали в землю. Несмотря на весь наш так называемый современный прогресс, изумительно то, что мы возвращаемся в условия пещерного человека и дни напролет зарываем сокровища. Что вероятнее всего произойдет с цивилизацией? Кто негодует на злодеяния прошлого, когда такая же отвратительная практика процветает в наши дни?

“Опасность витает в воздухе” – в этом не стоит сомневаться!

“Опасность исходит из каменных сердец” – и в этом тоже. Но где наша Леди Цивилизация? Почему она молчит, почему она столь терпима ко всему этому ужасу и разрушению? Мы не можем винить пятна на солнце, человеческая совесть представляет в этом смысле куда большую опасность. “Скорее, скорее” – через тернии к звездам – вот где путь к вратам Культуры.

Один из наших весьма одаренных сотрудников писал: “Самое важное, стараюсь любить все горести и препятствия, с которыми сталкивается человеческая

природа, ибо они преумножают духовные силы, выводя на светлый путь и давая толчок для нашего максимального развития. Вокруг нас множится ужас и так много зловещих знаков, что я вынужден воскликнуть: “Быстрее”. А все большее бессилие духа рождает неудовлетворенность, хотя я не уверен, к лучшему это или к худшему”. Его широкий взгляд на вещи позволяет увидеть все имеющиеся на протяжении истории духовные накопления, которые человечество душило еще в самом зародыше. И ему хочется ускорить ход вещей. Он говорит нам: “Болезни множатся, и зубных врачей буквально застал врасплох целый ряд пациентов, страдающих воспалением. А выпадение над Парижем, в конце мая, и над Токио небывалого града, величиной с двухшиллинговую монету. Простой крестьянин когда-то посоветовал моему товарищу: “уезжайте за границу”, – его интуиция подсказала, что неизбежно придется уезжать”. Всюду сегодня царит смущение. И не только дантисты, но и специалисты по глазам, горлу, легким говорят о разрастании целого ряда воспалительных заболеваний, кроме того среди народа достаточное количество больных, страдающих сердцем и общим переутомлением.

Наш сотрудник подчеркивает: неужели мы предпочитаем ту истину, которая содержится в книге Апокалипсиса. Конечно, мы не видим всей полноты картины, но то, что имеет место сегодня, в высшей степени напоминает Апокалипсис.

Все, что печатается в повседневной прессе, с которой мы знакомимся регулярно, напоминает нам о знаках Апокалипсиса.

Только тот, кто слеп и глух, не способен реально прочувствовать все напряжение времени, если даже простой крестьянин советует эмигрировать. Сознание этого заставляет не только менять место пребывания, но и является побудительным мотивом к тому, чтобы продвигаться быстрее по пути всеобщего благосостояния.

Эти люди реалисты и сознают, что без постановки высочайших целей злокачественную опухоль, которой страдает человечество, не победить, в противном случае зараза будет распространяться вширь, пока в конце концов не захватит весь организм.

Хирург из практического опыта знает, когда он обнаруживает, что организму угрожает опасность инфекции, с операцией желательно поторопиться: начавшийся распад тканей сводит на нет все усилия.

Если простодушный настаивает отказаться от плодов цивилизации, вы можете быть уверены, что примерно то же самое, но уже во время депрессии им будет преподнесено совершенно по-другому. Много есть желающих именно так и поступать – бросить все, но наш сотрудник, чья натура по природе своей творческая, совсем не собирается лишаться накопленного человечеством, он начинает работу по восстановлению цивилизации так основательно, как только возможно.

Действовать повсюду и добиваться поставленной цели – с этим мы уже можем размышлять о будущем, прилагая усилия к тому, чтобы охранить цивилизацию от любых угроз.

Когда люди встречаются с опасностью, то по реакции они делятся на две категории. Одни пугаются грома и молнии. Сначала затыкают уши, а после удара молнии стараются куда-нибудь от этого великолепного зрелища спрятаться. Другие, наоборот, крайне веселы и восхищаются красотой грозовой стихии. Они с интересом наблюдают, попадет в них грозовой разряд или нет, тогда как те, кто старается спрятаться, крайне обеспокоены за сохранность своей “драгоценной жизни”.

Воображением этого сорта людей целиком овладевает картина разыгравшейся стихии, и в проявлении их воли вы можете обнаружить всегда одинаковую уклончивость. Они стремятся укрыться за спинами более смелых, они не склонны к приключениям и не способны вовремя принять единственно правильное решение, подвергая себя тем самым опасностям. Они никогда не успевают вовремя и, это факт, всегда находят причины для проволочек и уклонений от свершения великих целей.

Но уклончивые жизненные пути нередко минуют и все хорошее, что есть в жизни, в частности, те священные жизненные принципы, которые непреходящи. Как безумец показывает экстраординарную находчивость и выносливость, а лунатик способен пересечь бездонную пропасть по узкой жердочке, так и страх

заставляет людей проявлять еще большие способности. Подобные люди едва ли станут восклицать: “Быстрее, еще быстрее”, напротив, они приложат все усилия для отлагательства уже неотложного. Поистине, они никогда не раскроют своих истинных побудительных мотивов, но при всем том выдумывают любые оправдания собственным поступкам и даже готовы клеветать на тех, кто призывает к “ускорению”, на тех, кто не боится молнии.

Таковы люди. Это может быть обусловлено их природным характером, который либо есть результат далекого прошлого, либо того, что слабевольные характеры формируются на основании какого-то личного опыта в продолжении жизни. Возможно, их родители были когда-то напуганы грозой или еще детьми они были свидетелями грозового удара и ужас от воспоминаний остался на всю жизнь. Подобный кошмар, пережитый в детстве, может повлиять на дальнейшую жизнь, запав в сокровенные складки души, и если в ней нет примеров отваги, доблести и справедливости – естественного противовеса этой тенденции, то в таком случае душа может поддаться всему тому, что есть в ней отрицательного.

Все это, вроде бы, мелочи, но они формируют скверные черты характера.

Воспитание может быть направлено, кроме всего прочего, к искоренению отвратительных черт, и в этом большую помощь может оказать такая мелочь, как личный пример. Нередко пусть и второстепенные, но плохие черты проистекают из серьезных заблуждений, но ежедневный пример может удалить семя упадка и даже нездоровый организм может быть излечен.

В последние годы Пушкин с благодарностью вспоминал свою старую няню за замечательные сказания, которые она ему передавала. Ее сказки увлекали будущего поэта атмосферой приключений и странствий, будили чувства, сметая на их пути все преграды.

Когда вам говорят: “Не сожалеете о препятствиях”, тем самым как бы подразумевается, что любое препятствие для вас лишь кажущееся и не имеет в действительности никакого реального значения. В препятствиях не может быть вреда, если мы желаем ускорить все то, что направлено к всеобщему благу. Мы должны помнить, что не только лишь мы одни сталкиваемся с трудностями и что постоянная бдительность должна быть нашим девизом, ибо исключительно бдительность дарует нам ощущение радости, которое способно превозмочь все темные стороны жизни.

Когда кто-то восклицает: “Быстрее, быстрее”, повторяя это вопреки всем трудностям, стоящим на его пути, такой человек предан всеобщему благу.

Он восклицает не от отчаяния, он не походит на овцу, над которой занесен нож, скорее уж такой человек подобен льву, издающему рык во время достижения цели. Стремление воскликнуть: “Быстрее, быстрее” – это песня песней, песня сердца, которой на земле, как и в небесах, созвучен все тот же высокий зов дерзновения и подвига.

Почтой доставлены газеты за август 1927 года. На первой странице напечатано сообщение агентства Рейтер “Япония применила отравляющий газ”. Китайский посол информировал лорда Галифакса, что Япония использовала отравляющий газ на Кьюкьянском фронте и 22 августа уничтожила два китайских батальона.

Итак, после всех конференций и обращений по этому вопросу мы опять имеем отравляющий газ и варварство во всей своей низости. Но не только вандалы ответственны, все, кто робко взирает на происходящее, из этой же когорты.

Леди Цивилизация! Если это возможно, значит, отравляющий газ дозволен в твоих владениях?

Hridaya

Corazon, Kokoro, Sin, Al-kulub, Del,

Cor, Nying, Dzuruhe, Sirds, Kardia.

Точно бы заклинание. Но о сердце так зывают народы. Испания, Индия, Япония, Китай и Аравия. Персия, Италия, Тибет, Монголия, Латвия, Греция...

Heart, Coeur, Herz.

Сердце.

Всеми начертаниями народы хранят память и кричат и шепчут друг другу драгоценное слово о сердце.

Триста языков Индии, да столько же в остальной Азии, да столько же в русских просторах. Да столько же в Америках, да в Африке, да по всем островам, как грянут то же слово огня и любви и подвига. Слов нет перечесть, сколько мерзости развелось на земле. Замарались колеса жизни. А все-таки через все ямы, через все ухабы и падения по миру звучит слово, которое означает сердце, хранилище Света.

Люди дожили до сердечных болей. Люди запылили сердца и обрастили их шерстью. Скорчили сердца в страхе и ужасе. И все-таки не забыли слово, которое напомним о сердце, о средоточии жизни.

Уж, кажется, испоганили люди все сокровища. Солгали на все самое священное. Умалили все высокое, но не забыли сердца, колыбели любви.

Отемнились люди всею тьмою. Очернили язык самым черным предательством. Разбили сосуды самые ценные. Удушились мерзостью самую тяжкою. Но сохранили память о сердце, как о последнем прибежище.

* * *

“Приходя в новую страну, прежде всего спрашивайте, как зовется там сердце? Встречаясь с новыми людьми, если даже не узнали, в каком звуке они выражают свое сосредоточие, укажите им от своего сердца к их сердцу. Почти все воспримут это свидетельство искренности, лишь немногие удивятся и, может быть, застыдятся, и совсем немногие вознегодуют. Имейте в виду, что эти вознегодовавшие окажутся и в делах людьми темными. Не ждите от них дружбы и благоволения, они уже смердят”.

* * *

Все-таки еще нет институтов сердца. Есть целые огромные учреждения, посвященные борьбе со всякими бичами человечества, но особых институтов сердца, изучающих этот важнейший двигатель жизни, все-таки нет. Постепенно производятся очень значительные опыты над сердцем. Только что пишут, что в Италии удалось вернуть к жизни сердце, переставшее биться. Сообщается из Милана от 22 февраля: “Человек, смерть которого была вполне засвидетельствована всем присутствующим медицинским персоналом, в Миланском госпитале, вчера был возвращен к жизни впрыскиванием адреналина. Этому отдается сегодня много места во всех городских газетах”.

Пациент страдал тяжелой формой болезни сердца и подвергался лечению всеми способами, доступными науке. Но, несмотря на все принятые меры, все-таки скончался. Хотя врачи вполне удостоверились в наступившей смерти, но один из них сделал впрыскивание адреналина в виде опыта. Через 30 минут сердце начало слабо биться. Через несколько часов оно уже работало нормально так, что врачи сейчас утверждают, что человек уже находится вне опасности.

Приблизительно подобные же действия адреналина были известны и ранее, остается также исследовать, как отзывается этот сам по себе сильный яд на дальнейшие функции организма. Известно много случаев, где фатальный конец предвосхищается впрыскиванием адреналина, принося лишь краткую отсрочку кончины. При этом замечены, в данном случае я говорю о детях, признаки усиления нервности, даже какой-то необузданности. Конечно, может быть, это происходит от совсем других причин, но только что приведенный случай особенно заставляет подумать о значении такого радикального средства.

Из народной медицины иногда передаются эпизоды неожиданных излечений самыми непредвиденными средствами. При этом обычно эти непредвиденные, и даже странные, средства остаются без должного исследования и погибают в области анекдотов.

Припоминаю, как в семье одного священника от крупа, в удушении, скончался ребенок. После смерти потрясенный священник схватил ребенка и бросился в церковь к алтарю, молясь в полном исступлении. Как-то случилось, что ребенок оказался вниз головой, и отец, сам того не замечая, держа его за

ноги, неистово встряхнул его. Сгусток затвердевшей мокроты вдруг выскочил, ребенок кашлянул и начал дышать. Сердце постепенно вернулось к деятельности.

Значит, сколько же всяких разнообразных проявлений кажущейся кончины может быть предусмотрено. История полна сообщений о пробудившихся мертвецах. Различные виды летаргии наблюдаются и, в конце концов, не поддаются окончательному исследованию. Почему останавливаются функции жизни? Почему опять они возвращаются, даже в таких, казалось бы, невозможных условиях, после погребения? Конечно, этому существуют многие объяснения. Но пока мир сердца не будет исследован полностью, до тех пор все это будут лишь счастливые или прискорбные случайности.

Конечно, глубокая жизнь сердца, может быть, труднее всего укладывается в словесных формулах. Именно сердце должно быть изучаемо не только в болях и терзаниях, но и в здоровом состоянии. Если нервная система растений реагирует на малейшее изменение температуры, на дальние облачка, на самые слабые прикосновения, то сколько же прекрасных и замечательных звучаний и биений происходит в сердце! Кроме того, трудно утверждать, что такое – здоровое и что такое – больное сердце. Известно, что многие быстро кончаются от сердечных припадков при так называемом здоровом сердце; а другие, давно приговоренные к сердечной катастрофе, живут очень, очень долго.

Пульс ведь не только в количестве ударов проявляет себя, но прежде всего в качестве своем, и это качество сердечных биений еще так мало наблюдалось и объяснено. Когда говорят – берегите сердце, это прежде всего будет значить – не раздражайтесь, не злобствуйте; а с другой стороны – не огорчайтесь, не впадайте в уныние.

Каждая малейшая подробность жизни отзвучит прежде всего не в мозгу, но в сердце. Именно сердце познает и отвечает даже на самые удаленные землетрясения, как лучший сейсмограф. Но ведь не принято советоваться с сердцем своим. Не принято через него внимать Высочайшему. Когда же люди читают прямые советы о насущности таких обращений, они осуждают их как нечто отвлеченное, изобретенное какими-то далекими пустынноиками и неприложимое. А ведь оно приложимо всегда происходящему в сердце, лишь бы только откровенно и чистосердечно прислушаться.

Человек, который уверяет, что он не замечает многих совершенно реальных явлений, прежде всего и не хочет их замечать. Он уже предполагает в надменности своей, что ничего не будет, он ничего не услышит и ничто не нарушит его покой. Ведь именно самомнение мешает человеку воспринимать действительность. Иногда сердце, как молотом, пытается стучаться в поддельное сознание... Человек готов излить на это сердце всевозможные яды, чтобы заглушить его. Но не подумаем, от чего бы такого так возбуждено сердце? Что худого или хорошего случилось, какая польза или какой вред постучался?

От малейшего и до величайшего вмещает в себя сердце. Звучит оно обо всем сущем. Трогательны и мудры древние напоминания о великом значении сердца.

* * *

“Дух, который в сердце моем, меньше зерна риса, меньше зерна ячменного, меньше зерна горчичного, меньше малейшего проса. Тот же дух, который в сердце моем, больше всей земли, больше пространства, больше небес, больше всех миров!”

“Посланник всего действия, всего желанья, всего восприятия, обоняния, вкуса, всеобнимающий, молчаливый, далекий – таков дух, который в моем сердце. Это Брахман сам. Тот – который говорит: “Выходящего от всего мира я сопровожу”. Поистине, нет для него никакого сомнения”.

Так говорит Чандогия Упанишад.

Молодежь

Много нападают на молодежь. “Она поглощена спортом”. “Она отшатнулась от гуманитарных предметов и погрузилась в условные техникумы”. “Она не бережет чистоту языка и наполняет его всякими нелепыми, выдуманскими выражениями”.

“Она уходит от семьи”. “Она предпочитает джаз”. “Она избегает лекций”. “Она не любит книги и не хочет читать”. Мало ли что говорят про молодежь. В каждом случае, наверное, были какие-то поводы высказать одно из приведенных тяжких обвинений. Даже в ежедневной прессе постоянно можно встречать факты, как бы подтверждающие сказанное. Допустим, что все это так и есть. Но если мы посмотрим в причины происходящего, то ведь прежде обвинения молодежи нужно призвать к ответу старшее поколение.

Много ли сердечности в семье? Притягательна ли домашняя обстановка? Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности? Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудной домашней обстановке? Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам? Кем указана дорога к материализму? Кто прокурил дом свой? Молодежь ли наполнила домашнее местелище спиртными напитками? Хотят ли в семье говорить с молодежью? Устремлена ли семья к будущему? Где именно рождается равнодушие к добру и злу? Где начинается рассадник клеветы? Где впервые услышала молодежь анекдоты кощунственные? Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного? Потому, вместо осуждения молодежи, посмотрим, так ли она плоха, как часто досужие языки болтают?

Спросим себя: “Знаем ли мы молодежь, истинно трудящуюся?” – Конечно, знаем. “Знаем ли мы молодежь, несущую в семью все свои заработки?” – Конечно, знаем. “Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?” – Конечно, знаем. “Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?” – Конечно, знаем. “Знаем ли мы молодежь, которая умеет жить в согласии?” – Конечно, знаем. “Знаем ли мы молодежь, устремленную к поискам прекрасным?” – Конечно, знаем. И так, мысленно перебирая все лучшие высоты человеческие, мы на каждой из них найдем и прекрасное выражение молодежи. Эти труды молодежи не будут относиться лишь к одной какой-то стране. Они символизируют нашу эпоху по всему миру.

Привет всем юным сотрудникам! Мы радуемся, видя много просвещеннейших ассоциаций молодежи, которые напряженными усилиями продвигаются к Свету. С радостью вспоминаешь, как в Париже сходятся просвещенные молодые труженики. Как глубоко устремлены они именно к высоким человеческим задачам. Мы знаем, как им безмерно трудно, знаем, как им приходится преобороть и условия страны и домашнего быта, и тем не менее они находят в себе неисчерпаемые силы идти путями верхними. Находят в себе неутомимость утверждать добрые вехи. И все это благо творится среди несказуемых трудностей. И все-таки благо творится, и все-таки, когда вы хотите вспомнить о чем-то радостном, – вы вспоминаете о таких утверждениях молодого поколения.

Вспоминаем и другое, где содружества молодежи нередки. Тоже все трудящиеся, добывающие хлеб упорной и тяжелой работой, а по вечерам ободренные и приодетые, слетаются они, чтобы омыться в живой воде философии, науки, искусства. Они так привыкают жить общими стремлениями, что даже пробуют селиться вместе маленькими общинами.

Помнятся три комнаты. Живут в них восемь девушек. Все трудящиеся. Кто продавщица, кто секретарь, кто стенографирует или работает на фабрике. Спрашиваем:

- Давно ли живете вместе?
- Три года.
- А много ли раз ссорились? – Смеются...
- Не приходилось.

Разве это по нынешним временам не чудо, чтобы люди могли собраться из разных областей. Могли бы после трудной работы, утомленные, сходитьсь вместе и не только не ссориться, но и оживлять и обогащать друг друга высокими возможностями! А сколько вдохновенных и убежденных суждений можно слышать именно от молодежи. А кто же так сердечно встает за правду и возмущается несправедливостью, как не молодые сердца!

Как только осмотримся без предубеждений, так сейчас же найдутся во множестве прекрасные знаки и самоотвержения, и стремления к познанию, и любви к прекрасному. Тем, кто вообще осуждает молодежь, нужно оберечься от брюзжания. Наверное, они видят, что во многих областях современная жизнь

мятется и безобразится непониманием. Но когда осудители начинают искать виновных, то очень часто они устремляются по случайно ближайшему пути. Они видят только последствия, но избегают помыслить о причине. И причины не так уж страшны, если их осознать и общественно начать изживать эти пыльные наросты.

Если каждый непредубежденный обозреватель найдет так много прекраснейших и трогательных примеров среди молодого поколения, то не так уж трудно подтягивать общественное мнение именно к этим проявлениям настоящего блага. Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят темным силам, то как же бережно нужно поддержать их тем, кто считает себя уже умудренным. А поддержать можно лишь примерами жизни. Никакие разглагольствования отвлеченные не дадут жатвы. Только действия в делах, пример жизни, могут быть убедительными.

Если молодежь сама познает радость труда и вдохновительного общения, то ведь уже умудренные жизнью должны прежде всего ободрять именно эту радость. Невозможно осудительствовать там, где столько прекрасных примеров находимо. Если по условиям времени всем трудно, то нужно думать лишь о том, чем преобразить эти трудности в радость. Молодые сердца знают это. Потому всячески поможем молодым сердцам встречаться на путях блага и вдохновения.

Можно равняться по худшему, и такое равнение будет деградацией. Всякое же равнение по лучшему будет ростом. Разными народами хранилась легенда о том, что даже ради одного праведника был сохранен целый город. Эта легенда, так многообразна и прекрасно заповеданная, указывает, что во всем важно качество, а не количество. Потому каждый добрый пример покрывает собою множества отрицательных показаний.

Ценно, что печать века творится многими народами, и потому тем легче собрать добрые знаки. В разных наречиях, в различных обычаях эти иероглифы добра особенно вдохновительны.

* * *

Малыш тянется опустить в почтовый ящик письмо. Прохожий хочет помочь ему и видит на домодельном конверте каракули: “Николе Чудотворцу”. Спрашивает:

– Что это?

– Мама помирает, а никто не хочет помочь.

И таким путем сердце малыша молит Николу Чудотворца, который и помог. Так юное и молодое находит путь к Высшему.

Шовинизм

Шовинизм – очень опасная эпидемия. К прискорбию нужно сказать, что и в наш цивилизованный век эта болезнь распространяется по миру яростно. Постоянно вы можете слышать из самых различных стран, что национализм понимается в виде шовинизма. Все – доброе и худое – прежде всего отстукивается в области культуры. Так и в данном случае, национализм, понимаемый в виде шовинизма, прежде всего отражается в искусстве и в науке и приносит с собою не рост, но разложение.

Постоянно приходится слышать о том, что в той или другой стране должна быть какая-то своя культура, отличная от всех прочих, должно быть какое-то свое ограничительное искусство и какая-то своя особенная наука. Точно бы искусство и наука могут отойти от всечеловечности и замкнуться в предreshенные узкие рамки. Спрашивается, кто же такой будет брать на себя эти предreshения. Кто же во имя какой-то мертвой схоластики может лишать искусство и науку их живых неограниченных путей. Как русский я могу говорить о России. В России как в прошлом, так и в наши дни шовинизм не существовал и не существует. У русских всегда было много недоброжелателей. А между тем именно в области шовинизма Русь могла бы дать много прекрасных примеров как из прошлого, так и из ближайшего времени. Вспомним, как доброжелательно впитывала иноземные достижения Киевская Русь, затем Москва и все послепетровское время. В Московской Третьяковской галерее имеется и иностранный отдел. Эрмитаж, обладающий превосходной коллекцией старых европейских мастеров, – одна из сокровищниц мира. Собрания Щукина, Морозова, Терещенко, княгини Тенишевой и всей блестящей плеяды русских

коллекционеров имели превосходные произведения иностранного искусства. Никто не сетовал на них за это, наоборот, все радовались, что таким путем молодые поколения даже и в пределах своей родины имеют возможность знакомиться с лучшими иностранными достижениями. Было больше восточных и западных коллекций – и это только увеличивало широту кругозора молодежи. При этом можно было видеть, что русскость нашего искусства вовсе не страдала от такого обилия иноземных образцов.

Там, где сильна сущность народа, там нечего беспокоиться об угрозе подражания или обезличивания. Там, где живет строительство, там все примеры и все пособия будут лишь желанною помощью. Здоровый организм переварит все новое и даст свое выражение души своего народа. Шовинизм будет лишь знаком позорной боязливости или зависти.

Кроме прискорбных знаков шовинизма сейчас замечается и эпидемия переименований. Только что исчез Сиам и появился для удлинения Маунг-Тай. При этом указывается, что “Сиам” есть слово иностранное и потому должно быть заменено.

Не знаем, на каком именно иностранном языке слово “Сиам” имело свое значение. Может быть, в наименовании Маунг-Тай скрыты какие-то магические созвучия, и они помогут быстрому и прекрасному росту этой древней страны.

В таком случае, мы даже перестанем жалеть всех школьников, которым по неизвестным для них причинам приходится переучивать многие названия. А географические карты по нынешним временам должны перепечатываться почти ежегодно. Кто знает, может быть, и Греция задумает переименоваться в Элладу. Если такое переименование обнаружит в Греции философов и художников, равных ее классическим прообразам, тогда пусть вместо Греции будет Эллада. А школьники могут поднатужиться и заучить и это переименование. Если переименования происходят от какого-то своеобразного шовинизма, тогда они были бы одним из самых грустных явлений нашего века. Конечно, при римлянах Париж назывался Лотецией, и многие английские города имели римские названия. Но нельзя же себе представить, что, в силу каких-то желаний, Париж исчезнет и заменится или древнегалльским словом, или каким-то неожиданно современным.

Не будем думать, что эпидемия переименований тоже является каким-то особым видом опаснейшей болезни человечества. По счастью, слово “шовинизм” никогда не было почетным. Так же точно алкоголизм или наркотизм и всякие другие измы не произносятся с восторгом, а если и говорятся, то с каким-то явным или тайным устыжением. Интересно бы припомнить, при каких именно обстоятельствах и кем именно изобретено слово “шовинизм”. Мы слышали, что и гильотина была изобретена ради милосердия. Неужели и шовинизм был изобретен ради торжества мировой культуры?!

Опасные болезни

– Врач, если во мне образовались привычки, трудно ли превозмочь их?

– Полагаю, это вполне достижимо, если вы приложите всю волю. Пословица говорит: “Ничего нет трудного в этом мире, кроме страха неискреннего сердца”. Так заповедует китайская госпитальная книга.

Знаменательно видеть, что даже современная госпитальная книга заканчивается на таком мудром изречении. Истинно, изгоните страх и неискренность, и сердце ваше восстановится. Сколько опаснейших болезней порождены невежеством и его исчадьями: страхом, завистью, корыстью и злобою. От них происходит и ползучая ехидна – клевета.

Клевета есть передача лжи. Все равно, будет ли ложь передаваема по легкомыслию, или по злобности, или по невежественности – семя ее будет одинаково вредоносно. Опять вспоминаю замечательный ответ Куинджи, который сам так не терпел всякую ложь. Куинджи находился в плохих отношениях с Дягилевым. Один художник, зная это и, вероятно, предполагая, что Куинджи понравится дурное сведение о Дягилеве, рассказал какую-то мерзкую сплетню. Куинджи слушал, слушал и затем прервал рассказчика громовым восклицанием: “Вы клеветник!” Передатчик сплетен, потерпев такое неожиданное для него поражение, пытался оправдаться тем, что не он сочинил эту сплетню, но он лишь передал ее, даже “без умысла, только для сведения”. Но Куинджи был неумолим, он продолжал сурово смотреть на злосчастного передатчика и

повторял: “Вы принесли эту гадость мне, значит, вы и есть клеветник”.

Сколько таких самооправдывающихся клеветников нарушают строительную атмосферу. Они разбрасывают самые ядовитые зерна и пытаются прикрывать какой-то своей непричастностью. Они-де и не думали о каких-либо последствиях. Они-де сообщали лишь для сведения, точно бы каждая клевета или ложь не сообщается именно “для сведения”.

Недостаточно говорится о том, что клевета, ложь – безобразны. Не указывается, что этими осколками тьмы загромаждаются и отравляются пространства. Вот уже, казалось бы, достаточно знают о том, насколько гнев и раздражение отравляют организм, но ведь и каждый лжец и клеветник в какой-либо степени погружается в ядовитую ненависть и прежде всего отравляет и самого себя. Ненависть живет и около зависти, и около невежества, и около той испорченности мыслительного аппарата, излечение от которой очень трудно.

Ребенок может быть нелюдимым, своеобразным, подозрительным, но он не рождается ненавидящим, это темное свойство уже приобретается на многих примерах старших.

“Клеветите, клеветите, всегда что-нибудь останется”. Какая в этом заключена забота, чтобы что-то злобное осталось. Таким образом, некоторые люди более заботятся о сохранении чего-то злобного, нежели доброго. Доброе в какой-то степени всегда будет заключать отсутствие самости, но злое, прежде всего, эгоистично. И если человек станет уверять, что он совершил нечто злое для добра, не верьте ему, наверное, он этим хотел защитить и свою самость или эгоистично перед кем-то выслужиться! Сколько раз приходится изумляться, насколько слабы законы, карающие клевету! В некоторых странах преследование клеветы даже почти невозможно. Можно убеждаться лишь в том, что не законами, карающими уже совершенную клевету, но именно предупреждающими мерами можно значительно ослабить эту вредную ехидну. Это можно достичь и в школе, но еще больше это произойдет в семье. Исключите из семейного быта маленькие сплетни, и вы спасете младшее поколение от творения большой клеветы. Если ребенок от раннего возраста не будет слышать в быту взаимных осуждений и всех зародышей сплетен и клеветы, он, попросту говоря, будет далек от этого времяпрепровождения. Если дома нет карточной игры, то первые основы характера сложатся и без надобности такого убийства ценнейшего времени. От самих старших зависит очень многое в будущем семейном строении. Может быть, именно сейчас приходится вспоминать о потомственных возможностях семьи, ибо очень часто вместо привлекающего начала в семьях творится начало отталкивающее. А там, где одно отталкивание, там за отсутствием тяготения уже есть начало хаоса.

Сплетни и клевета, какая это мерзость!

Много эпидемий существует. Постепенно выясняется, что не только общепринятые бичи, как чума, холера и прочие заразные болезни, но и постепенно выясняется заразительность многих других заболеваний. А вдруг клевета тоже представляет собою явление заразное и к тому же эпидемическое? Мало ли есть форм психоза очень заразительных. В истории постоянно упоминается о массовом психозе, который временами принимал прямо угрожающие размеры.

Если рассмотреть очаги клеветы, то, несомненно, будет замечено, что в чистой, достойной, в культурной атмосфере клевета не порождается. Проследите домашнюю и общественную атмосферу заведомых клеветников, и вы обнаружите настоящие очаги этого вредного психоза. Да и всякая ложь не везде произносится. Существуют такие места на свете и такие люди, в присутствии которых клеветник и лжец чувствует себя настолько неудобно, что не дерзнет на свое излюбленное злоизвержение. Но там, где клевета произносится особенно легко, там ищите как бы нажитость клеветы. Бациллы клеветы там чувствуют себя особенно усиленными всем окружающим.

Не будем изумляться, если среди работ по психическим заболеваниям появятся настоящие врачебные трактаты о клевете, о причинах ее зарождения, о способах распространения и, будем надеяться, о мерах пресечения.

Ясно одно, если жизнь нуждается в обновленно-прочных устоях, то прежде всего всякие губительные эпидемии должны быть одолены. Среди этих бичей человечества будет обращено внимание на многообразные формы психоза.

Излечивая пьяниц, наркоманов, воров и всяких преступников половых извращений, наверное, подойдут и к излечению одного из мерзейших извращений, а именно порока клеветы.

При этом будет замечено, насколько различные извращения проявляются одновременно. Если вы будете наблюдать клеветника и заведомого лжеца, вы найдете, что и остальная его жизнь нечистая. Наверное, он будет подвержен и еще каким-то порокам. В будущих государственных лечебницах, наряду с палатами для наркоманов, пьяниц, воров и прочих порочных элементов, будет одним из самых опасно-заразительных отделений палата клеветников.

Старое английское законодательство именно для клеветников оставляет порку. Впрочем, предоставим психиатрам решать, какая именно мера воздействия более уместна при таком опасном и мерзостном заболевании.

Когда вы знакомитесь с Пастеровским Институтом, наверное, вам будет предложено не задерживаться в одной из лабораторий. Вас предупредят: “Здесь особо опасные бактерии”. В будущих психиатрических лечебницах посетителям предложат поскорее выйти из некоей палаты, скажут: “Бактерии клеветы очень заразительны”.

Похвала врагам

В американском ежемесячнике “Вдохновение” появилась статья под будоражащим мысли заголовком “Своей карьерой я обязан моим врагам”. Автор рассказывает о том, что настоящий успех в жизни пришел к нему благодаря врагам. Рассказ начинается так:

“Вы когда-нибудь замечали, как противодействующая сила влияет на людей? Как враги порой содействуют продвижению человека вместо его уничтожения? Я являюсь президентом процветающей компании, занимающейся офисным оборудованием, главным образом благодаря заботам некоторых из моих конкурентов, договорившихся убрать меня со своего пути и спустить под откос. Теперь, сидя в кресле президента, приятно рассуждать о минувших событиях несчастливого для меня времени, но тогда, когда я был почти их жертвой, возгласов радости не было. В течение нескольких месяцев я находился в полубезумном состоянии, беспомощно трепыхаясь, как форель, попавшая на крючок с приманкой в виде жирной разноцветной мухи. Прекрасное сравнение! Для этого мои враги хорошо поработали. Они брали реванш у меня во всем на протяжении нескольких лет, но зато теперь, спокойно сидя в кресле, я спрашиваю: “Где же вы?” Они добились того, чего хотели, но это нечто оказалось совершенно иным, чем предполагалось, в то время, как я извлек из их нападок больший урок, чем надеялся”.

Автор завершает свой поучительный рассказ словами: “Я смотрю на своих врагов как на шахматистов в жизненной игре, которые, пытаясь нанести мне полное поражение, остались далеко позади. Благодаря им я отточил свой ум и использовал их подлость для продвижения вперед. Я абсолютно убежден, что вражда и неминуемое бедствие часто открывают в человеке качества, о которых он и не догадывается; и порой, когда я смотрю на моего шестнадцатилетнего сына и испытываю желание защитить его от проблем и врагов, я думаю, а не будет ли это грубой ошибкой? Повсюду в природе мы видим, как противодействие способствует развитию определенных качеств, не сомневаюсь, что человек не является исключением из этих правил. С глубоким убеждением я говорю: “Благодарю тебя, Господи, за врагов моих; они великодушно помогли мне сделать такую головокружительную карьеру, что теперь я стою намного выше их”.

И такое случается повсеместно. Так вот и побеседуем. Вы будете препятствовать, а мы будем строить. Вы будете задерживать строение, а мы будем изодрать. Вы будете направлять все ваши стрелы, а мы достанем все наши щиты. Вы сочините сложную стратегию, а мы займем новое место. И там, где нам будет один путь, вам придется в преследовании испробовать сто. И подкопы ваши лишь укажут нам горные пути. И когда мы подсчитаем движения наши, то вам придется составить изрядный том отрицаний, а нас не затруднит этот подсчет. Право, невесело высчитывать все, что не по нашим правилам сделано. Измочалятся пальцы ваши, загибая все случаи запрещений и отрицаний.

В конце же всех действий силы останутся за нами. Ибо мы изгнали страх и обучились терпению. И разочаровать нас уже нельзя. И каждую вашу уловку,

ужимку, умолчание покроем улыбкой. И не потому, чтобы мы были какие-то особенные, а просто мы не любим отрицательных словарей. И каждый бой принимаем лишь в планах созидательных.

И в сотый раз мы, улыбаясь, говорим: “Спасибо вам, враги и преследователи. Вы научили нас искусству находчивости и неутомимости. Благодаря вам мы нашли такие прекрасные горы, где залежи руд неисчерпаемы. По вашей ярости подковы коней наших подбиты чистым серебром, не достигаемым в преследовании. Благодаря вам шатры наши светятся синим огнем”.

Вам очень хочется узнать, кто же мы такие на самом деле? Где живем? Кто идет с нами? Ведь вы сочинили о нас столько лжи, что даже сами теряетесь, где же граница. В то же время некоторые неглупые люди утверждают, что с нами идти полезно и выгодно. И никто из шедших с нами ничего не утратил, но получил новые возможности.

Где мы живем? Местожительств у нас много, в разных странах. И неусыпные друзья охраняют дома наши. Имена их мы не скажем, также как не будем расспрашивать вас о местожительстве ваших друзей. И считать ваших друзей тоже не собираемся. И привлекать их тоже не будем.

Многие идут с нами. И во всех частях света на высотах горят дружеские огни. Около них доброжелательный путник всегда найдет себе место. И, правда, спешат эти путники. Ведь кроме печатного и почтового слова, есть всякие сообщения без проводов. Быстрее ветра. В едином вздохе переносящие по миру и радость, и скорбь, и помощь. И как пламенная ограда, стоит охрана друзей. Такое уж теперь время особенное.

Не надейтесь привлечь к себе многих из молодежи. Она теперь тоже особенная. Тоже в самых разных странах об одном мыслит. И легко находит ключ от тайны. Тайна эта влечет молодежь к прекрасному Жар-Цвету. И наша молодежь знает, что самые жестокие будни могут быть превращены в праздник труда и находений. Есть в ней мужественное сознание того, что суждено ей нечто светлое и большое. И у этого большого огня никто не отринут.

Знаем этих тихо приходящих после трудовых часов спросить, как же жить? И покрасневшие от работы пальцы нервно перебирают какую-то вереницу несказанных, нужных вопросов. Этим рукам нельзя подать камень вместо хлеба знания.

Помним, как они приходили в сумерках и просили не уезжать. И нельзя было сказать этим молодым друзьям, что не от них уехать надо, но для них надо ехать. Чтобы им привезти ларец.

Вот вы, отрицатели, опять спрашиваете, как мы можем понимать друг друга без ссор? По одному сознанию, что друг приносит только самое нужное. Друг не теряет время. И спор заменяется обсуждением. Самое примитивное чувство ритма и меры вносит дисциплину свободы. И понимание единения, вне сомнений, лишь в светлых поисках – преображает всю жизнь. И потом, есть еще нечто, что так хотелось бы вам услышать, но что вы можете найти лишь сами, сознательно и непреклонно и благостно устремившись.

Вот вы не прочь стать важными и окутаться высокомерием, а упускаете, что “важность” есть верный признак вульгарности.

Вот вы говорите о науке, а каждый новый опыт вам кажется подозрительным.

Вот вы часто сердитесь и “выходите из себя”. Между тем это последнее надо применять как раз наоборот.

Вот вы осуждаете и сплетничаете. И тем самым наполняете воздух “бумерангами”, которые потом щелкают ваш собственный лоб. “Бедный Макар” жалуется на шишки, больно его бьющие, но ведь он сам их раскидал.

Вот вы смеетесь над “уединением”, а сами не знаете наиболее практического применения лаборатории жизни. Сами же вы стремитесь скорей выйти из слишком накуренной комнаты.

Вот вы часто притаиваетесь и опасаетесь. И боитесь. А между тем страх есть худшая отравка, изобретенная самыми злыми существами.

Вот вы сомневаетесь и предательствуете, а того не хотите знать, что оба эти ничтожества происходят из легкомыслия. И не детям свойственно легкомыслие. Наоборот, именно с годами оно разрастается в очень безобразный огород.

Вот вы ужасаетесь, если вас обвинить в предрассудках. А между тем вы наполнили ими всю вашу жизнь. И не поступите ни одной из ваших условных привычек, которые затемняют самые простые, жизненные понятия.

Вы настолько боитесь показаться смешными, что заставляете улыбнуться. И вы ужасаетесь призыву “будьте новыми”, “будьте новыми не на сцене, но в вашей собственной жизни”.

Вы не любите разговоров о “смерти”, ибо для вас она еще существует. И вы отвели под кладбища изрядную часть мира. И тщательно вырабатываете ритуал похоронных процессий, точно этот предмет заслуживает малейшего внимания.

И вы избегаете слова “подвиг”, ибо для вас оно сопряжено или со схимой или с красным крестом. По-вашему, в жизни странно и неуместно заниматься этими понятиями.

Не будем даже упоминать о вашем глубоком уважении к денежным вопросам. Не необходимость, но культ для вас заключается в этих расписках срама современного мира. И мечтаете вы позолотить ваш заржавленный щит.

Когда же вы призовете самого разрушительного Шиву, мы обратимся к творящей Лакшми. Сейчас ведь Сатурн молчит, а звезда Матери Мира окружает Землю своими лучами будущих созиданий. Вы обвиняете нас в заоблачной неосновательности, но, оказывается, именно мы заняты самыми жизненными опытами. И как неслыханно трудятся наши друзья, изыскивая способы новых опытов блага.

В раздражении вы называли наши находения “барсовыми прыжками”. Вы были готовы судить о нас, совершенно не зная, что именно мы делаем. А ведь вы будто бы осуждаете тех, кто говорит о том, чего не знает. Зачем же сами именно так и поступаете? Где же ваша “справедливость”, для которой вы сшили такие неуклюжие, театральные тоги?

Когда же вы будете думать, что мы вам на радость исчезли, это будет значить, что мы уже снова приближаемся новым путем.

Впрочем, не будем ссориться. Даже похвалить вас надо. Ваша деятельность нам полезна. И все ваши самые хитрые выдумки дают нам возможность продолжить поучительную шахматную игру.

И даже если вы, похваляемые враги, будете содействовать доброжелательному строительству, пусть так и будет, лишь бы это принесло пользу.

Свет да победит тьму!

Молох

Осенью 1929 г. в Америке наблюдалось жуткое зрелище. После нескольких лет процветания и стабильности цены высоко подскочили, и толпы людей, как стадо, бросились к Молоху фондовой биржи. Вся денежная структура рухнула, и отголоски катастрофы прокатились по многим странам.

Ежедневно люди теряли миллионы; прокатилась волна самоубийств, господствовала атмосфера безумий.

Наш институт имел миллионные пожертвования, но после случившегося один из жертвователей воскликнул: “У нас осталось лишь 150 долларов!”

Подобные катастрофы происходят в Америке приблизительно каждые семь лет, и можно представить, как они влияют на характер людей.

Странно, но люди не извлекают из них уроков. И если “Пляска Смерти” повторится, они вновь понесут свои жертвы Молоху.

Мы были вынуждены продать коллекцию работ старых мастеров, хранившуюся в музее. В ней были отличные примитивы, один из которых попал в Чикагский музей, а также работы Рубенса, Ван Дейка и Брюгеля-старшего.

Мне кажется, что в жизни можно привыкнуть к самому страшному и даже к этому жуткому зрелищу, охватившему всю страну и ведущему ее к разложению из-за возникшего массового безумия и из-за тех, чьи волчьи аппетиты порождают подобные бедствия.

Что же станет с культурой и цивилизацией? Стихийные мятежи и восстания заставят пересмотреть ценности, чтобы осознать смысл происходящего.

Нам остается только сожалеть о тех наивных жертвах, которые за грехи своих отцов погружаются в геенну огненную. Можно представить, как бушует Армагеддон и как действуют враги. Много страшных дел совершается на земле, но дело о тридцати сребренниках наихудшее из всех.

Рассказывают, что когда Рокфеллера поблагодарили за филантропический подарок, он ответил: "Если вы благодарите за деньги, то не велика цена такой благодарности".

Не многие сказали бы так. Мало кто понимает, что доллар не король, что есть иная мера ценностей – истина.

Будем надеяться, что после Армагеддона все молоховые беды отойдут.

Продажа душ

Сколько несчастия творится сегодня в мире. Отовсюду приходят вести о разрушениях, гонениях и бедствиях, содеянных руками людей; но и это не все, поскольку многообразно зло в современной цивилизации, которую едва ли назовешь цивилизацией культуры.

Много постыдного совершается под личиной прекрасных названий. Мы слышим об "объединении границ", о создании "союзов", обо всем, кроме "присоединения". Подо всем этим кроется торговля человеческими душами.

Редко произносится слово "война", зато вместо него с притворством и лицемерием используется термин "миротворчество" для сокрытия агрессивного характера действий и торговли человеческими душами. Представим себе трагическое положение гражданина, которому внезапно сообщают о его принадлежности к другой национальности, и что если он желает спастись, то должен отказаться от своего происхождения и традиций и принять чуждый ему образ жизни. Ему объяснят, что страны его больше не существует и что отныне он подвластен чужеземным завоевателям. Будут утверждать, что подобное происходит постоянно, что захваты неизбежны; люди готовы осудить варварство прошлых веков, но рассуждать о современной эпохе, как если бы она была эпохой цивилизации и культуры.

Вам скажут, что под влиянием философии человеческая природа наконец-то стала утонченнее, что наихудшие виды преступлений невозможны и что мы больше не живем по закону джунглей. Это не значит, что так оно и есть на самом деле, ибо современные люди готовы извратить научные открытия с целью убийства и порабощения. Люди научились летать, но что они возьмут с собой и для чего строят могучий воздушный флот? Ради прогресса или преступлений?

Сомневаться не приходится: ускоренное производство бомб и ядовитых газов предназначено не для взаимопонимания.

Лицемерно говорить сегодня о дикарях и не назвать этим словом тех, кто не носит крахмальных воротничков. Если душу цивилизованного человека сравнить с душой так называемого дикаря, мы пришли бы в недоумение.

За хитрыми методами скрывается самая настоящая торговля человеческими душами, и если так будет продолжаться, то нам придется признать, что цивилизованные страны занимаются работоторговлей. Поначалу это может показаться преувеличением, но так ли это? Разве человечество отвергло насилие? Нет, оно лишь умалчивает о нем или дает лицемерные объяснения таким вторжениям. При уличном происшествии многие отстранятся, некоторые проявят любопытство и лишь немногие поспешат на помощь. Так мы наблюдаем за гибелью ценных сокровищ, ужасами кровопролитий и нищетой тысяч людей и... молчим.

Газеты воздерживаются от комментариев, оправдываясь тем, что если они будут

возражать, то дела пойдут еще хуже. Человек приобрел крылья слишком рано, и они понесли его к насилию и позору быстрее, чем к прозрению. Много было написано томов, разоблачающих рабство, и если в любом собрании спросить, кто же выступает в его защиту, ответа не последует. Даже повинные в нем в настоящее время не признаются, ведь торговля душами еще хуже, чем открытая торговля рабами. Тысяча обществ создана для содействия миру; среди их членов вы найдете и владельцев военных заводов, которые, хотя и говорят много о мире и добрососедстве, не питают отвращения к торговле человеческими душами. Острыми когтями они отмечают на картах новые границы, пренебрегая интересами человечества.

Научные исследования, так же как и бескорыстные усилия людей, направлены на лучшее будущее, а не на работоторговлю. Часто приходится слышать об эволюции, прозрении и новой жизни, но всего этого не достичь разменом душ. Старики, молодежь, люди зрелого возраста и подрастающее поколение уже начинают понимать, что они стали объектом такого насилия. Они напишут об этом, и их потомки многое узнают обо всех пережитых ужасах.

Под лицемерными фразами продолжается торговля человеческими душами. Может ли быть зло большее, чем это?

Стойкость

Встает передо мной нечто незабываемое из моей первой выставки в Америке. В одном из больших городов местный богач и любитель искусства приветствовал меня большим, парадным обедом. Все было и обширно, и роскошно, присутствовали лучшие люди города. Как всегда, говорились речи. Хозяин и хозяйка, оба уже седые, радушно и сердечно беседовали с гостями. Во всем была полная чаша, и хозяйка обратила мое внимание, что все комнаты убраны в синих и лиловых цветах, и добавила:

“Именно эти тона я так люблю в Ваших картинах”.

После обеда одна из присутствовавших дам сказала мне:

“Это очень замечательный прием, – и пояснила, – Вероятно, это последний обед в этом доме”.

Я посмотрел на мою собеседницу с изумлением, а она, понизив голос, пояснила:

“Разве Вы не знаете, что хозяин совершенно разорен и не дальше как вчера потерял последние три миллиона”.

Естественно я ужаснулся. Собеседница же добавила:

“Конечно, это тяжело ему, особенно принимая во внимание годы. Ведь ему уже семьдесят четыре”.

Такое несоответствие услышанного со всею видимостью, а главное, с видимым спокойствием хозяев, было поразительным. С тех пор я стал интересоваться особенно их судьбою. Оказалось, через три месяца после этого обеда они уже жили в своем гараже. Казалось бы, все было потеряно, а через три года этот же деятель был опять в миллионах и жил в прежнем своем доме-дворце.

Когда я говорил его знакомым о моем удивлении, почему многочисленные друзья и, наконец, город, которому он пожертвовал так много, не помогли ему, мне сказали: “Во-первых, он не принял бы помощи, а во-вторых, такие бури жизни ему не впервые”.

Этот последний разговор происходил в большом клубе, где в спокойных креслах около окон сидело много почтенных людей, читая газеты и беседуя. Мой собеседник, указывая на них, сказал:

“Все это миллионеры. Спросите их, сколько раз каждый из них переставал быть миллионером и вновь им делался. Вряд ли догадаешься, кто из них в настоящее время на вершине волны, а кто близок к краху”.

А члены клуба продолжали спокойно читать и весело беседовать, как будто бы никогда никакие житейские бури не проносились над ними. Я спросил моего приятеля, как он объясняет себе это явление? Он пожал плечами и ответил

одним словом:

“Стойкость”.

Действительно, это понятие стойкости должно быть отмечено среди других основ, нужных в жизни. Мужество – одно, доброжелательство и дружелюбие – другое. Трудолюбие – третье. Неустанность и неисчерпаемость – четвертое. Энтузиазм и оптимизм – пятое. Но среди всех этих основ и многих других, так нужных, приводящих светлых утверждений, стойкость будет оставаться, как нечто отдельное, незаменимое и дающее крепкое основание преуспеянию.

Стойкость вытекает из большого равновесия. Это равновесие не будет ни холодным расчетом, ни презрением к окружающему, ни самомнением, ни себялюбием. Стойкость всегда будет иметь некоторое отношение к понятию ответственности и долга. Стойкость не увлечется, не поскользнется, не зашатается. В тех, кто шел твердо до последнего часа, всегда была стойкость.

В наши дни смущений, многих разочарований, узких недоверий должно быть особенно благословенно основное качество стойкости. Когда люди так легко впадают в самую непристойную панику, именно стойкий человек внесет здравые понимания и удержит многих от ужаса падения в хаос. Когда люди сами себя стараются убедить во всевозможных древних небывальщинах, именно стойкий человек поймет в сердце своем, где есть безопасный выход. Когда люди впадают в такое безумие, что даже краткий шквал им уже кажется нескончаемой бурей, именно стойкость напомнит и о соизмеримости.

Может быть, скажут, что стойкость есть не что иное, как благоразумие. Но будет вернее сказать, что из благоразумия порождается также и стойкость. Ведь в понятии стойкости уже есть совершенно реальное выражение. Стойкость нужна именно здесь, на земном плане, где так много обстоятельств, от которых нужно устоять. Потому-то так полезно среди множества понятий благоволения, сотрудничества и преуспеяния усмотреть смысл и ценность стойкости. Недаром люди с особенным уважением всегда подчеркивают, как стойко человек выдерживал то или иное нападение, напряжение или неожиданные удары. Подчеркивается в таких случаях и зоркость, и находчивость, но всегда будет отмечена и стойкость, как нечто положительное, прочно стоящее на чем-то осознанном. Как пример стойкости и выдержки, вспоминается одна боль из Сан-Франциско.

Приехал иностранец. По-видимому, был богат. Был принят всюду в обществе. Приобрел много друзей. Укрепилась за ним репутация хорошего, доброго и богатого приятеля. Тогда он поехал к особо выказавшимся новым друзьям с просьбой одолжить ему десять тысяч долларов на новое дело. Произошло нечто любопытное, хотя и очень обычное. У всех его друзей нашелся достаточный предлог, чтобы отказать или уклониться от этой просьбы. Мало того, в обществе сразу пробежало отчуждение и холодное отношение к нему. Тогда иностранец поехал к некоему человеку, который с самого начала относился к нему довольно холодно. Объяснил ему дело и просил десять тысяч. На этот раз была вынута немедленно чековая книжка и написана сумма. На следующий день иностранец вновь приезжает к тому же лицу. Тот спрашивает:

– Разве что-нибудь случилось, или Вы неверно вычислили цифру; может быть, она мала?

Но иностранец достал из кармана вчерашний чек, отдал его хозяину и сказал:

– Деньги мне не нужны. Я лишь искал компаньона, которым и предлагаю Вам быть.

И они основали компанию, которая превратилась в процветающую.

Всем же остальным так называемым друзьям, которые опять обернулись к нему, он сказал:

– Вы меня кормили обедами; помните: мой стол всегда накрыт для Вас. Д-р Дж. Л. помнит эту историю.

Сколько поучительных страниц дает сама жизнь. Воображение есть не что иное, как припоминание.

Вандалы

Не прочно стало на земле. И всегда-то земля была не очень тверда. Но сейчас особенно сгустились всякие сведения о разрушениях. Из Парижа один из наших друзей пишет: “Сегодня был просмотр фильма, снятого в Испании. Показаны, между прочим, разрушения, произведенные бомбардировками в Барселоне. Эти снимки производят гнетущее впечатление. Огромные дома, срезанные, как ножом, на две половины: одна превращена в щепы, а другая еще стоит, видны комнаты, уют и всюду трупы, трупы... Или школа: десятки убитых детей и на полуразрушенной кафедре труп учителя. Испанское правительство устроило здесь выставку, показывающую разрушения художественных и исторических сокровищ, а также меры, принимаемые к их спасению. Меры эти, впрочем, сводятся к вывозу, насколько позволяют обстоятельства, портативных вещей за границу и в покрытие зданий мешками с песком. Вероятно, вы читали о проекте “женевских убежищ” для детей, стариков и т. д., но в общем это все паллиативы. На днях состоялся банкет в Институте высших международных исследований; все считают, что наш Пакт по своему моральному и культурному уровню во много раз превосходит все обсуждающиеся сейчас предложения, но в то же время все говорят, что эвентуальные противники, которых мы теперь знаем по их деяниям в Испании, и в Китае, и в Эфиопии, заведомо будут нарушать и Пакт о защите памятников и Женевскую конвенцию Красного Креста. В краснокрестных кругах, в частности, в этом уверены”. Итак, человечество настолько отступило от основ культуры и цивилизации, что уже и знак Красного Креста теряет свое значение.

А вот еще одно письмо: “Действительно, все эти странные довольно рассуждения не имеют ничего общего с нашим Пактом. Мы говорим именно о международном культурном соглашении, о введении гуманитарного международного принципа, а они говорят о мешках с песком. Идея обложения высоких соборов мешками с песком так же нелепа, как если бы кто-то предложил уничтожить Красный крест и вместо того каждого солдата обвязать мешками с песком. Так же странно звучит и идея подземного захоронения кладов, которая в древние времена имела место. Еще недавно один из английских министров м-р Иден сказал, что, по-видимому, в недалеком будущем терроризированным гражданам придется разбежаться по пещерам, подобно троглодитам. Итак, пусть “житейские мудрецы” думают о песочных мешках и о захоронении кладов – чего доброго, может быть, вернуться и к древнейшим закланиям кладов. Все это настолько далеко от принципа нашего Пакта, что Вам тем легче не только подчеркнуть наш приоритет, но и доказать всю несравнимость этих подходов к мыслям о всечеловеческих творческих сокровищах. Для карикатуристов неиссякаема тема изобразить высочайшие соборы, обложенные мешками с песком доверху, сверх шпица, как иллюстрация библейского предостережения: “Не стройте на песке”. Действительно, плохо положение человечества, если оно должно надеяться на пески и должно отставить всякие помыслы о гуманитарных основах. Все происходящее дает Вам и нашим друзьям право очень громко заговорить об истинной охране всенародных сокровищ. Говорят, что страус, чувствуя опасность, засовывает голову под крыло или в песок. Поистине, естественная история дает множество примеров. Конечно, людям следовало бы многому поучиться и у муравьев и у пчел, которые обладают прекрасной организацией”.

В каждом из получаемых журналов имеются потрясающие снимки со всевозможных варварских разрушений. Только подумать, что все эти документы останутся на срам и позор всего современного человечества. На это могут сказать, что ведь не все человечество занимается разрушениями. Правда, но делаются эти вандализмы у всех на глазах. Когда же мы подсчитаем процент возмущающихся против происходящего варварства, то, увы, этот процент во всем мире не будет уже таким подавляющим. При каждом уличном происшествии можно наблюдать любопытнейшее деление психологии. Одни чистосердечно спешат на помощь, другие приближаются из пустого любопытства, третьи отступают в постыдном небрежении и страхе, а четвертые еще и злорадствуют! При каждом вандализме можно наблюдать именно такое же деление. Но ведь не все ли равно, будут ли вандалы активными или пассивными, в существе своем они остаются теми же некультурными разрушителями. Попустительство мало чем отличается от самого преступления.

Вот об этих пассивных вандалах человечеству тоже пора подумать. На их глазах совершаются всевозможные непоправимые разрушения. В одном случае они произойдут от бомб и так называемой тоталитарной войны, а в других – они совершаются и без бомб, на глазах у всех посредством яда человеческого. Еще большой вопрос, который яд опустошительнее, – будет ли это газовая атака

или будет преднамеренное злостное разрушение культуры. В так называемых мирных действиях сейчас происходят немалые антикультурные деяния, а “народ безмолвствует”, и толпы так же, как в каждом уличном происшествии, разделяются на четыре разряда. При этом – увы! – число стремящихся к обороне культуры весьма мало, но зато толпа любопытствующих и злорадствующих весьма велика.

Каждый из любопытствующих и злорадствующих находит или, вернее, старается найти причины своего бесстыдного поведения, но они не желают подумать, что в таком образе действия они причисляют себя к вандалам и участвуют в непоправимых разрушениях. Каждый уклоняющийся от содействия обороне культуры уже навсегда сопричтется к пассивным вандалам. Ведь в каждой пассивности имеется своего рода активность, и такая “активность” может быть еще страшнее и отвратительнее. Последствия ее отзовутся на разложении всей нации. Пусть пассивный вандал не думает, что его промолчание не отзовется где-то актуально. Наоборот, история отыщет не только вандалов активных, но и всех тех, которые попустительствовали и бесстыдно глазели, как при них совершались мучительства и опустошения. Как бессердечны, как жестоки эти молчание, притворяющиеся глухими, когда человек возопить должен!

Мы говорили об обороне всего ценного для прогресса человечества. Одно – оборона, но совершенно иное – агрессия. Мы звали не обложиться мешками с песком, но противопоставить мощь мысли о культуре, которая должна предотвратить непоправимые разрушения. Истребляют, разбивают и рассеивают памятники культуры, а человечество не только попустительствует, но оно складывает страницу истории: и какая это будет мрачная страница! В ней будут запечатлены озверелые мучители и разрушители, а наряду с ними будет сказано, как огромнейшая часть человечества своим бессердечием потворствовала и способствовала вандализму.

Много есть способов участия в таких преступлениях. Необязательно самолично сбрасывать бомбу с аэроплана, ведь существуют и те, кто производят бомбы, изобретают оружие и средства разрушения. Можно противодействовать культурным начинаниям, можно разрушать или искажать созидательные мысли и тем способствовать одичанию. Из преднамеренных преступных замыслов может возникнуть рассеяние, расчленение и уничтожение целых объединенных накоплений. Каждый, кто делом или мыслью будет способствовать таким опустошениям, навсегда сопричислится к вандалам, опустошавшим дух человеческий.

Страшные дела творятся в мире. Самые истребительные войны уже не называются войнами; непоправимые разрушения называются “переменою политики”, и вандалы спесиво изобретают себе новые мундиры и одеяния, считая себя вершителями судеб. Не все ли равно, каким именно шагом человечество будет спешить к самоистреблению и к братоубийству? Может быть, будет изобретен и особый бег, чтобы поспешить к преступному вандализму. Но неужели же огромное большинство любопытствующих и злорадствующих, этот гнусный “терциус гауденс”, не может понять, что они-то и способствуют всевозможным видам вандализма. Попустительство есть соучастие в преступлении. Возопить должен человек против вандализма.

Жутко быть свидетелем того, как наследники Гете и Шиллера превращаются в грубых вандалов.

Terror Antiquus

“...Ибо, что блокада не могла отрезать и что было даже проталкиваемо врагом – это были вести, мертвящие, каждодневные, деморализующие слухи, доносящиеся об оргии святотатства и вандализма в Риме, о бешенстве фанатического иконоборчества, о том, что собор Святого Петра обращен в конюшню и ландскнехты ставят своих коней в Станцах Рафаэля в Ватикане, об извержении из гробницы тела Папы Юлия, об отрубании голов Апостолов, о шествии лютеран с копьем Святого Лонгина, о святотатстве над платом Святой Вероники, о вторжении в Свята Святых, о ночных бесчеловечных жестокостях, о кардинале в шутовском погребении и воскресении в своем гробе, об убиении аббата за отказ отслужить мессу мулу; весть за вестью, доходящие до трещины в куполе и проверенные ежедневно своими глазами на процессиях священнослужителей, проходящих по улицам к местам их продажи и кульминирующихся в ночном конклаве пьяных ландскнехтов, под стенами самого замка кошуновывавших над мессой...” Так рассказывает историк о разграблении Рима испанцами и ландскнехтами при Папе Клименте.

Другой очевидец добавляет: “Голод и чума следовали за вторжением. Город был истощен, и армии грабили уже не из-за золота, но для хлеба, разыскивая его даже в постелях больных. Молчание, пустынность, зараза, трупы, разбросанные здесь и там, потрясали меня ужасом. Дома были открыты, двери выломаны, лавки пусты, и на опустелых улицах я видел лишь фигуры озверелых солдат”.

Приводим строки из описания именно этого очередного разграбления Рима, ибо о нем, сравнительно с другими вторжениями, обычно рассказывается мало. Обычно в школах знают, что Папа Климент должен был провести некоторое время в замке Св. Ангела, но действительные ужасы вандализма и святотатства не упоминаются. При этом и император, и прочие короли не считали это даже войной. Если мы вспомним другие документы этого же злосчастия, то увидим, что при некоторых дворах это отмечалось как печальный, непредвиденный эпизод. Когда же прибыли испанские уполномоченные для урегулирования положения, то и они, совместно с генералами грабившей армии, не могли сразу овладеть положением; до такой степени вандализм, озверелость и кощунство овладели испанцами и ландскнехтами.

Откуда же могло произойти такое ярое кощунство и жестокость? Оно, конечно, произошло от жестокосердия вообще. Но откуда же вдруг могло вспыхнуть такое неслыханное жестокосердие? Разгорелось оно, конечно, от ежедневной грубости. Мы все знаем, как незаметно вторгается в жизнь зараза грубости. Начало хаоса проявляется всюду, где, хотя бы на минуту, забыто продвижение. Нельзя же на мгновение оставаться в прежнем положении, – или вниз, или вверх. Много написано в литературе, драмах и трагедиях о природе грубости и жестокости. О нравах ландскнехтов и других военных наемников достаточно написано литературных произведений и накоплено всяких хроник. Вот из этой повседневной грубости, питаемой и дозволенной, и вспыхивает безобразнейшее кощунство, святотатства, всякие вандализмы и всякие ужасные проявления невежества.

Пароксизмы невежества, уже не раз отмечалось, прежде всего устремлены на все самое высокое. Невежеству нужно что-то истребить, нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренить жизнь и оставить “место пусто”. Вот идеал невежества. Оно приветствует безграмотность, оно улыбаются порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью. Ведь где кончается одно и начинается другое и наоборот, отмерить очень трудно. И вообще меры весов невежества неисповедимы.

Если жестокосердие порождается каждодневную вульгарностью и грубостью, то как же заботливо нужно искоренять из каждого дня всякое огрубение. Как трудолюбиво нужно изъять эти, хотя бы маленькие, огрубения из всякого быта. Ведь всякая грубость совершенно не нужна. Даже дикие животные не укрощаются грубостью. При всяком воспитании грубость уже давно осуждена как не дающая никаких полезных результатов и только продолжающая поколения грубиянов.

Когда мы читаем исторические примеры всяких несчастий, происшедших, в конце концов, от повседневного огрубения, когда мы видим, что эти несчастья продолжаются и до сего времени, то разве не нужны спешные меры, чтобы и в школьном, и в семейном быту предохранить молодежь! Непроявленному хаосу чувствований нетрудно заразиться всякою грубостью. Очень легко вводятся в обиход грубые, непристойные слова. Называются они нелитературными. Иначе говоря, такими, которые недопустимы в очищенном языке.

В противовес очищенному языку, очевидно, будет какой-то грязный язык. Если люди сами говорят, что многие выражения нелитературны, и тем самым считают их грязными, то спрашивается, зачем же они вводят их в обиход? Ведь хозяйка или хозяин не выльют среди комнаты ведро помоев или отбросов. Если же это и случится, то даже в самом примитивном жилье это будет названо гадостью. Но разве сквернословие не есть то же ведро помоев и отбросов? Разве сквернословие не есть просто дурная привычка? Детей наказывают за дурные привычки, а взрослых не только не наказывают, но ухмыляются всякому их грязному выражению. Где же тут справедливость?

Привычка грубостей, сквернословий и кощунства развита до такой степени широко, что ее даже попросту не замечают. Если люди вспомнят все существующие кощунственные анекдоты, вызывающие такой потрясающий хохот, то не покажется ли странным, что сегодня эти же люди идут во храм, якобы для молитвы, а на завтра лишь ухищряют свое потрясающее сквернословие?

Никто не будет отрицать, что грубость вторгается очень незаметно. Давно сказано: “Вчера маленький компромисс, сегодня маленький компромисс, а завтра большой подлец”. Всякая грубость потрясает не только своей жестокостью, но и бессмысленностью. Невозможно представить себе ничто более бессмысленное, нежели сквернословие.

Часто люди фарисействуют, будто бы болея о потере чистоты языка, но разве сами они не потворствуют подчас именно этим нелитературным отбросам и загромождениям? Среди всякого сора – заразительная грязь грубости порождает ужасные микробы, и они разражаются целыми губительнейшими эпидемиями.

Утверждают, что красота спасет мир. Недавно мы прочли прекрасную книгу латвийского поэта Рихарда Рудзитиса “Осознание красоты спасет”. Действительно, каждый согласится с этим горячим призывом. Но каждое понятие красоты подразумевает введение культуры в каждодневность. Не бессмысленная роскошь, но утонченная красота подразумевается. И такая утонченная красота не зависит от материального богатства. И прежде всего такое утончение не должно быть осквернено никакой формой грубости.

Мы говорим о защите культурных ценностей. И для реализации этой аксиомы каждый должен освободиться от грубого отношения к высшим идеалам. Кроме того, всегда будем помнить, что, защищая сокровища культуры, мы не должны забывать их создателей, отдавая должное существующим памятникам культуры.

Так, помня ужасы и жестокости, сосредоточимся на Любви и Красоте как на благословенной созидательной силе.

Миссия женщин

Война тяжела, но еще тяжелее послевоенное восстановление. Когда основы культуры подвергаются опасности, когда тело и дух человека в тревоге и страдают от кровавых ран, тогда над всем снова поднимается некая мирная чудодейственная сила, цель которой – исцелить человека, утомленного диссонансами и безумиями, и вести его к разуму сердца нежными прикосновениями духовности. Эта сила есть Вечное Женское Начало. Когда в доме трудно, мы обращаемся к женщине, которая сама была крещена в огне страданий. Когда миру тяжело, мы обращаемся к женщине, чье сердце болит от ран, наносимых культуре и духу.

Когда мы говорим о культуре, разве мы не имеем в виду прежде всего женщину, которая неудержно, широко понесет Знамя утонченной, возвышенной культуры во все концы, от колыбели до трона.

Действительно, от домашнего очага до правительства женщина вносит основы культуры. В той или иной форме ребенок от матери слышит первое слово о культуре... Далекая от эгоизма, без личных эгоистических принципов, женщина вносит культурные основы повсюду – от своей маленькой семьи и до нации.

С древности женщины носили на голове венок. С ним произносились самые священные заклинания. Этот венок – не венок ли Единения? И благое Единение не есть ли наивысшая ответственная и прекрасная миссия Женщины? Женщины указывают необходимость разоружения, но не военных машин и орудий, а наших душ. От кого услышит молодое поколение первый зов о Единении? Только от матери.

И на Востоке и на Западе лик Великой Матери-женщины есть мост полного Единения.

Радж-Раджесвари – Всемогущая Мать. Тебе поет индус древности и индус наших дней. Тебе женщины приносят золотые цветы и у ног Твоих освящают плоды, укрепляя ими очаг дома. И, помянув изображение Твое, его опускают в воду, дабы ничье нечистое дыхание не коснулось Красоты Мира. Тебе, Мать, называют место на Великой Белой Горе, никем не превзойденное. Ведь там встанешь, когда придет час крайней нужды, когда поднимешь Десницу Твою во спасение мира. И, окружая всеми вихрями и всем светом, станешь как столб пространства, призывая все силы далеких миров.

И когда Запад говорит о Сторучице православной церкви, то она есть иной аспект образа многорукой, всепомогающей Гуаньинь. Когда Запад говорит с почитанием о золототканом платье итальянской Мадонны и чувствует глубокое

проникновение картин Фра-Анжелико, а мы вспомнили о символах Всеокой, Всезнающей Дуккар. Вспомнили о Всескорбящей. Вспомнили о многообразных образах Всепомогающей и Вседающей. Вспомнили, как метко вырабатывала народная психология иконографию символов и какие большие знания остались сейчас нечеткими под омертвелой чертою. Там, где ушло предубеждение и забылся рассудок, там появилась и улыбка!

Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали, Препоблагой Дуккар, Иштар, Гуаньинь, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука – все эти благие образы, все эти жертвовательницы собирались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Сказала, что пришло время Матери Мира. В улыбке единения все стало простым. Ореолы Мадонны, такие одиозные для предубежденных, сделались научными физическими излучениями, давным-давно известными человечеству аурами.

Осужденные рационализмом современности символы из сверхъестественного вдруг сделались доступными исследованию испытателя. И в этом чуде простоты и познания намечалось дуновение эволюции Истины. Современный индус, прошедший многие университеты, обращается так к Великой Матери, самой Радж-Раджесвари с глубочайшим почтением. В то же время на другом конце мира поют: “Возвеличим Матерь Света!”

А старые библиотеки Китая и древнесреднеазиатских центров хранят с далеких времен гимны той же Матери Мира.

На всем Востоке и на всем Западе живет образ Матери Мира, и глубокозначительные обращения посвящены этому Высокому Облику.

Слишком часто сокровища человеческого духа подвергаются опасности разрушения, и не только во время войны, но и во времена различных внутренних волнений. Велика миссия женщин. Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце. Истинно, когда злоба измельчает решение разума, только сердце находит спасительные исходы. А где же то сердце, которое заменит сердце женское? Где же то мужество сердечного огня, которое сравнится с мужеством женщины у края безысходности? Какая же рука заменит успокоительное прикосновение убедительности женского сердца? И какой же глаз, впитав всю боль страдания, ответит и самоотверженно, и во Благо?

Среди этих великих миссий водительства женщин подобна алмазному Культурная Миссия для утверждения и распространения творчества человечества. Поддерживая творческие мысли, сознание продвигается к истинному прогрессу.

Это вы, дочери Великой Матери Мира, в чьих руках Знамя Мира, развернутое во имя самого Прекрасного.

Кто же, как не женщина, должна сейчас восстать и объединиться во имя Культуры и Прекрасного? Ведь именно женщине было суждено первой благовестить о Воскресении.

Под многоразличными покровами человеческая мудрость слагает все тот же единый облик Красоты, Самоотверженности и Терпения. И опять на новую Гору должна идти женщина, толкая близким своим о вечных путях.

Сестры! Вы безбоязненно станете на страже улучшения жизни. Вы зажжете у каждого очага огонь прекрасный, творящий и ободряющий. Вы скажете детям первое слово о красоте. Вы научите их благословенной иерархии знания. Вы скажете малым о творчестве мысли. Вы можете уберечь их от разложения и с первых дней жизни вложить понятие героизма и подвига. Вы первые скажете малым о преимуществе духовных ценностей. Вы произнесете священное слово Культуры.

Великое и прекрасное дело заповедано вам, женщинам!

Дорогие сестры! Несите и не страшитесь! Тагор сказал: “Буду молиться не о том, чтобы уберечься от опасностей, но о том, чтобы быть бесстрашным в столкновении с ними. Буду молить не об успокоении боли, но о том, чтобы

сердце победило ее. Не буду искать союзников в жизни, но буду уповать на свою силу”.

Культурное единение

Наше время достаточно трудное из-за смятений, непониманий и нападков тьмы. Недавно в журнале напечатали фотографии, на которых было запечатлено аутодафе драгоценных книг, происходящее на улицах города. Трудно понять, как это могло случиться в нашем веке на планете, существующей уже миллионы лет. Возможно, что такое напряжение страстей послужит импульсом к гуманности через все невзгоды и пропасти, к мирному строительству и взаимоуважению. Каким эпохальным событием стал бы день, если бы над всеми странами, всеми духовными центрами, центрами красоты и знания развернулось бы Знамя Культуры! Оно бы всех призвало к почитанию сокровищ человеческого гения, к уважению культуры и заставило бы по-новому взглянуть на труд, как единственное мерило истинных ценностей. С детства люди узнают, что существует не только символ охраны здоровья человека, но и знак охраны мира и культуры во имя здоровья духа. Этот символ, развернутый над всеми сокровищами человеческого гения, провозгласит: “Здесь охраняются сокровища человечества; здесь, поверх всяких мелких раздоров и иллюзорных границ вражды и ненависти возвышается пламенная твердыня любви, труда и прогрессивного творчества”.

Человеческое сердце жаждет подлинного мира, подлинного объединения. Оно активно и созидательно стремится к труду. Для него труд – источник радости. Оно хочет любить и расширяться, постигая Возвышенную Красоту. В высочайшей заповеди о Красоте и Знании исчезают все условные разделения. Сердце говорит на своем языке; оно хочет радоваться всему объединяющему, все возвысить и повести к светлому будущему. Во всех символах и летописях человечества всегда присутствует единая сокровенная молитва о Мире и Единении.

Поистине прекрасно, что среди суматохи жизни, среди моря нерешенных социальных проблем мы еще можем держать перед собой зажженные в веках факелы мира. Прекрасно через неиссякаемый источник любви и терпения понять великие сдвиги, благодаря которым высочайшее знание соединилось с тончайшим вдохновением. Поэтому, изучая и восхищаясь, мы становимся истинными сотрудниками эволюции и в сверкающих лучах Высшей Благодати можем получить озарение истинного знания. Знания, опирающегося на реальное понимание и терпение. Из этого источника исходит великое взаимопонимание, высшая Красота, просвещенность и вдохновение для объединения. Современная жизнь быстро меняется, знаки новой эволюции стучатся во все двери. В науке, чуждой условностей, мы угадываем большую ответственность перед грядущими поколениями. Мы постепенно начинаем понимать вред всего негативного. В милосердном терпении мы учимся ценить просвещенный позитивизм и конструктивизм и сможем осчастливить будущие поколения, превращая смутные абстракции в благую реальность.

На скрижалях заветов начертано, что духовный сад нуждается в ежедневной поливке, как и цветник. Если мы до сих пор считаем обычные цветы подлинным украшением нашей жизни, то насколько большее значение мы должны придавать творчеству духа, как ведущему началу нашего бытия. С неутомимой чуткостью и благожелательностью будем отмечать деятельность работников культуры; будем стремиться всеми возможными средствами облегчить тернистый путь героических достижений.

Найдем место в нашей жизни великим людям, помня, что их имена больше не принадлежат одной личности, а стали достоянием всей общечеловеческой культуры и должны быть окружены заботами в самых благоприятных условиях.

Продолжим их самоотверженный труд и будем ухаживать за их творческими посевами, которые часто бывают покрыты грязью непонимания и семенами невежества.

Как заботливый садовник, истинный носитель культуры, не будем насильно вырывать те цветы, которые выросли не у главной дороги, если они принадлежат к тем же прекрасным сортам, которые он охраняет. Проявления культуры порой столь же многообразны, что и проявления бесконечных форм жизни. Они облагораживают бытие. Они ветви одного священного дерева, чьи корни держат мир.

Если вас спросят, в какой стране вам бы хотелось жить и о каком будущем государственном устройстве вы мечтаете, с достоинством вы можете ответить: “Мы хотели бы жить в стране великой культуры”. И тогда вы поймете, что мир будет там, где почитание красоты и знания.

Все созданное враждебностью губительно для употребления. Человеческая история дала нам замечательные примеры того, как необходимо было мирное созидание для прогресса. Меч утомляет руку, но рука творца при мощной поддержке духа неутомима и непобедима. Мечом не разрушить культурное наследие. Сознание человека может временно отходить от первоисточников, но в нужный час ему вновь придется обратиться к ним за духовным обновлением.

Мир и Культура делают человека непобедимым, и, познавая законы духа, он становится терпимым и всевещающим. Проявление нетерпения есть признак слабости. Если бы мы только осознали, что любая ложь, любая ошибка станут явными! И потому ложь глупа и бесполезна. Что же скрывать тому, кто посвятил себя миру и культуре? Помогая ближнему, он способствует общему благу, что ценилось во все века. Устремляясь к миру, он становится опорой прогресса. Не клевета на ближнего, мы увеличиваем благо. Не ссорясь, мы показываем знание основ. Не теряя попусту время, мы доказываем, что являемся истинными сотрудниками на ниве культуры. Испытывая радость в каждодневном труде, мы понимаем, что нам не чуждо понятие Беспредельности. Не вредя другим, мы не вредим себе, бесконечно отдавая – получаем. И такое благословенное получение не сродни тайным сокровищам скупца. Мы сознаем, сколь созидательно утверждение и разрушительно отрицание. Среди главных понятий, понятия Мира и Культуры не подлежат нападкам даже со стороны полного невежды. Значит там, где культура, там и мир. Там, где верное решение трудных социальных проблем, там и достижение. Культура – это апофеоз высшего Счастья, высшей Красоты, высшего Знания.

Мы устали от разрушений и отрицаний. Позитивное творчество – основное качество человеческого духа. Поприветствуем всех, кто, преодолевая личные трудности, отвергает мелочный эгоизм, направляет духовные силы на защиту культуры, утверждая светлое будущее. Нам не надо бояться вдохновения. Только невежда и слабый духом стал бы насмехаться над этим благородным чувством. Такая насмешка – лишь повод для вдохновения целого легиона Благородных рыцарей. Ничто не может отвратить нас от служения Culture, и, веря в это, отдадим ей наши самые огненные мысли.

Отбросьте сомнения! Только в гармонии с эволюцией возможно восхождение! И ничто не может разрушить самоотверженность и горение – крылья вдохновения!

Единение! Единение! Единение!

V. Новая Эра

Панацея

Знаком красоты открываются врата запечатанные. С песней подходят к дикому яку, чтобы он, оставив свирепость, поделился молоком своим. Песней укрощают коней. Песне змеи внимают. Знаменательно наблюдать, как целительно и возвышающе каждое красоты прикосновение.

Уже много раз приходилось писать о значении так называемых прикладных искусств. Много раз сопоставлялось так называемое высокое искусство с не менее значительным выявлением всех отраслей художественной промышленности. Даже страшно еще раз повторять о том, что пуговица, созданная Бенвенуто Челлини, не только не ниже, но несомненно выше множества посредственных картин и кладбищенской скульптуры. Стары эти сравнения, казалось бы, уже не нужны эти напоминания, но сама жизнь показывает как раз обратное.

Во всех областях жизни по-прежнему остро отделена от общего понятия Искусства сфера “прикладного искусства”, остро заклеенного каким-то стыдным понятием “коммерческого искусства”. Вместо того чтобы постепенно осознать единство существа творчества, человечество как бы стремится еще более разграничиться и взаимно унижить друг друга. Казалось бы, совершенно ясно, что стиль жизни создается не только крупнейшими единичными творцами, но и всею массой художников прикладного искусства. Не всегда исключительные творцы создают характер костюмов, не всегда их рука протягивается к афише или к ювелирному изделию. По необъяснимой странности керамическое производство почему-то считается ниже скульптуры из мрамора, хотя

очаровательные Танагры дали достаточный пример благородного народного творчества. По-прежнему вы можете услышать скорбное восклицание многих молодых людей: “Не могу существовать искусством, должен идти в коммерческие изделия”. Точно этим самым художник обрекает себя на неизбежную гибель, которая будто бы должна сопровождать всякое участие в жизненном искусстве. Какой же материал, какие же такие условия могут отнять у художника его сущность? Какие же такие требования могут заставить сделать что-либо нехудожественно, в любом проявлении жизни? Какой же такой предприниматель может истребить творческий огонь, неудержимо пробивающийся через все материалы? Для каждого предпринимателя, даже самого рудиментарно-нехудожественного, важно, чтобы его изделие было четко, ярко, убедительно и легко входило бы в обиход масс. В конце концов, которое же из этих условий отвратительно? Ведь и Рафаэль, получая свои заказы, тоже был руководим прежде всего условием убедительности. Именно условие убедительности вовсе не противоречит истинной художественности. Гоген из желания самовыражения расписывал двери и внутренность жилища своего на Таити. Врубель выражал свою “Царевну-Лебедь” на блюде. Бесчисленно множество примеров, когда самые разнообразные художники искали выражения в самых неожиданных материалах. Как мы уже говорили, сам материал, само изысканное качество его дает особую убедительность вещи. Зачем повторять те же самые примеры, которые были так многократно твердимы при разных случаях? Не рассуждение, но действия должны укрепить мысль, так нужную для культуры. Если мы приходим к выражению объединенности искусств, то тем самым мы утверждаем и необходимость теснейшего сочетания всех отраслей искусства в разных его материалах. Трудно, да и не к чему указывать последовательность необходимости этих мастерских, идущих рука об руку и с эскизным, и с этюдным, натурным классом. Эту последовательность нужно предоставить самой жизни. В каждой стране, в каждом городе, больше того, в каждой части города есть свои особые запечатления жизни. На эти запросы и нужно ответить прежде всего. Около большой фабрики тканей нужно прежде всего дать рисунки и изучение техники этого производства. Около керамической и фаянсовой фабрики нужно помочь сочетать в тесном соседстве всякие жизненные выявления, подсказанные потребностями ближайшими. Между прочим, не нужно упускать из вида, что само физическое соседство этих мастерских будет несомненно помогать обоюдно, в своих неожиданных комбинациях, подсказывая новые увлекательные решения. Открытый, не стесненный предрассудками ум преподавателя и широкая потребность к творчеству среди учеников дадут ту живую вибрацию, которая, не застывая в монотонности, даст мастерским бесконечное жизненное разнообразие и убедительность.

Еще одно благодетельное свойство имеет жизненное разнообразие выявлений. Оно закаляет дух и освобождает от ограниченности, которая так часто образует обитель страха. Но именно от страха должно прежде всего излечиться каждое творчество. В страхе оно не будет свободным, оно ограничит себя всякими цепями и забудет о благородной и победоносной дисциплине духа.

Давно повторено: от страха нужно лечиться! Нужно принимать сознательные меры, чтобы освободиться от всякого страха мелких потемок, низких призраков, при которых упавший с неба, небесным огнем пропылавший камень тускнеет. Потускнел он, закрылся, но ведь он может для всех быть прозрачным и сверкающим, этот Бэтил Света!

Египтяне называли художников, ваятелей – “сеенех”, то есть “оживитель”, “воскреситель”. В этом наименовании явлено глубокое понятие сущности искусства. Как же безмерно расширится оно, когда мы перенесем его во все проявления жизни, когда признаем в каждом украшателе обихода “художника жизни”. И сам он, этот истинный “оживитель” будней, восхитится силою новою, исполняясь творческим духом в облагораживании каждого предмета обихода. Уйдет из употребления стыдное, уродливое в самом себе понятие “коммерческого” искусства. “Художник жизни”, так назовем каждого благородного украшателя. Он должен знать жизнь, он должен чувствовать законы пропорций. Он создатель потребной формы, он ценитель ритма жизненного. Для него число, соотношение не есть знак мертвый, но есть формула Бытия.

Пифагор вычисляет и творит, в ритме воспевает, в ритме молится, ибо в числах, в ритме не только земная, но и небесная музыка – “музыка сфер”. Пифагору – математику вторит Св. Августин, богослов: “*Principium est pulchrum*” – “Числом пленяет красота”. Этот магнит чисел, пропорций, соотношений и технических созвучий, необходимый каждому украшателю жизни, исключает всякое унижение или раздробление великих творческих понятий.

Не будем страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты. Бережное, возвышенное выражение будет щитом всему жизненному искусству, часто загнанному в потемки подвалов. Страна, мыслящая о будущем, пусть бережет от мала до велика всех тех, кому она будет обязана оправданием своим на великом судбище культуры. Облегчая судьбу этих строителей жизни, страна культуры исполняет лишь основную заповедь Прекрасного, так красиво выраженную античным поэтом:

“Os homine sublimē dedit coelūgue tueri”. “чело человеку высокое дал, да горнее узрит”.

Высоким заветом утверждает Бхагавад Гита многообразие творчества. “На каком бы пути ни приблизился ко Мне человек, на том пути и благословляю его”.

Платон заповедал в трактатах о государственности:

“Трудно представить себе лучший метод воспитания, чем тот, который открыт и проверен опытом веков; он может быть выражен в двух положениях: гимнастика для тела и музыка для души”. “Ввиду этого воспитание в музыке надо считать самым главным; благодаря ему Ритм и Гармония глубоко внедряются в душу, овладевают ею, наполняют ее красотой и делают человека прекрасномыслящим... Он будет упиваться и восхищаться прекрасным, с радостью воспринимать его, насыщаться им и согласовывать с ним свой быт”.

Конечно, слово музыка, в данном случае, мы не должны понимать в качестве общепринятого теперь музыкального образования в тесном значении. У афинян музыка, как служение всем музам, имела гораздо более глубокое и обширное значение, нежели у нас. Это понятие обнимало не только гармонию тонов, но и всю поэзию, всю область высокого чувства, высокой формы и творчества вообще в лучшем смысле.

Служение Музам было настоящим воспитанием вкуса, который во всем познает прекрасное. Вот к этому действительно прекрасному нам и придется опять вернуться, если только идеи высокого строительства не отринуты человечеством.

Гиппиас Майор (красота) диалога Платона не есть облачная отвлеченность, но поистине живущее благородное понятие. Прекрасное в себе! Ощутительное и познаваемое. В этой познаваемости заключается вдохновляющее, поощряющее напутствие к изучению и внедрению всех заветов прекрасного. “Философская мораль” Платона одухотворена чувством прекрасного. И разве сам Платон, проданный в рабство ненавистью тирана Дионисия, а затем живущий, восстановленный в садах Академии, не доказал примером своим жизненность прекрасного пути?

Конечно, и гимнастика Платона вовсе не современный нам футбол или кулачное антикультурное разбитие носов. Гимнастика Платона – это тоже врата к Прекрасному, дисциплина гармонии и возвышение тела в сферы одухотворенные.

Мы говорили о введении в школах предмета этики жизни, курса искусства мыслить. Без воспитания общего познания прекрасного, конечно, и два названных курса опять останутся мертвою буквою. Опять в течение всего нескольких лет высокие живые понятия этики обратятся в мертвенную догму, если не будут напитаны прекрасным.

Многие живые понятия древнего мира приобрели в нашем обиходе вместо, казалось бы, заслуженного расширения, наоборот, умаление и обеднение. Так обширное и высокое служение музам обратилось в узкое понятие игры на одном инструменте. Ведь когда вы слышите сейчас слово музыка, вы себе прежде всего представляете урок музыки, со всеми наслоившимися ограничениями. Когда вы слышите слово Музей, вы понимаете его как складочное место тех или иных редких предметов. И, как всякое складочное место, это понятие вызывает в вас некоторую долю мертвенности. И это ограниченное понятие музея-хранилища, складочного места так глубоко вошло в наше понимание, что когда вы произносите понятие в первоначальном его значении, а именно Музейон, то никто уже не понимает, что вы хотите этим сказать. Между тем каждый эллин вовсе даже не самого высокого образования понял бы, что Музейон есть прежде всего Дом Муз.

Прежде всего Музейон есть Обитель всех родов Прекрасного, и вовсе не в

смысле лишь сохранения тех или иных образцов, но в смысле жизненного и творящего применения их. Потому часто вы можете слышать, что люди не могут понять, каким образом Музей как таковой может заниматься всеми родами Искусств, может заниматься воспитанием вкуса и распространением чувства Прекрасного в существе.

В данном случае мы вспомнили Заветы Платона. Так же точно мы могли бы вспомнить и Пифагора с его Законами о Прекрасном, с его незыблемыми основами светлых мировых утверждений. Древние эллины дошли до того утончения, что возглавили свой Пантеон Алтарем неведомому Богу. В этом возвышении Духа они приблизились к утонченно-несказуемому понятию древних индусов, которые, произнося “Не ти, Не ти”, вовсе не хотели этим сказать какое-либо отрицание; наоборот, говоря “не То, не То”, они лишь указывали несказуемое величие неизносимого Понятия.

При этом эти великие понятия не были чем-то отвлеченным, чем-то живущим лишь в разуме и рассудке, нет, они жили в самом сердце как нечто живое, живоносное, неотъемлемое и неистребимое. В сердце пылал тот же огонь священный, который слагал огненные Заветы и Синаитских отшельников. Тот же огонь сложил драгоценные облики Св. Терезы, Св. Франциска, Св. Сергия и отцов Добротолюбия, много знавших и в конце концов мало понятых.

Мы говорим о воспитании вкуса как об акте действительно государственного значения. Когда мы говорим о живой этике, которая должна стать любимым часом каждого ребенка, тогда мы и взываем к современному сердцу, прося его расширяться, хотя бы до размеров Заветов Древности.

Разве можно считать естественным фактом, что понятие, ярко выраженное уже во времена Пифагора и Платона, могло бы так сузиться и потерять истинное значение после всех веков так называемого развития. Пифагор уже в пятом веке символизировал собою целую стройную “жизнь Пифагорейскую”. Пифагор утвердил музыку и астрономию как сестер в науке. Пифагор, названный ханжами шарлатаном, должен ужасаться, видя, как вместо стройного развития разбита и искривлена наша современная жизнь, не знающая прекрасного гимна солнцу – свету.

В наши дни даже в печати иногда сообщаются странные формулы, как, например, недавно сказанная формула о том, что расцвет интеллектуальности является признаком вырождения. Формула очень странная, если только автор не придает слову интеллектуальность какое-то особо суженное понятие. Если, конечно, мы возьмем интеллектуальность лишь как выражение одного условного засушенного рассудка, то, конечно, эта формула справедлива. Но опасно одно, а именно: не считает ли автор интеллектуальность как интеллигентность, которая должна быть связана прежде всего с воспитанием вкуса как действенного в жизни начала.

На наших глазах создалось на Западе новое перенятое слово – “Интеллигенция”. Сперва на этого новопришельца несколько косились, но затем оно вошло в литературу. Является вопрос, предполагается ли это понятие как выражение интеллекта или же оно по древним Заветам символизирует вообще сознательное воспитание вкуса?

Если оно есть символ сознания и утонченного, и расширенного, то будем приветствовать всякое такое нововведение, которое, может быть, еще раз напомнит нам о древних прекрасных корнях.

В письме о “синтезе” вспоминались различия понятий Культуры и цивилизации. Оба эти понятия достаточно обособлены даже в обычных словарях. Потому не будем возвращаться к этим двум последовательным понятиям, даже если бы кто-то и удовлетворялся одним низшим понятием цивилизации, не мечтая о Culture.

Но, вспомнив про интеллигенцию, позволительно будет спросить, принадлежит ли это понятие к цивилизации, как к выражению интеллекта, или же оно захватывает и высшую ступень, а именно входит уже в состояние Culture, в которой действуют уже сердце, дух. Конечно, если бы мы предположили, что слово Интеллигенция должно относиться лишь к стадии рассудка, то его не стоило бы вводить в новый обиход. Можно допустить нововведение там, где оно действительно вносит что-то новое или, по крайней мере, достаточно обновляет древние Заветы в рамках современности.

Конечно, всякий согласится, что интеллигенция, эта аристократия Духа, плоть от плоти неотделима от культуры, лишь она единственная могла приветствовать это новое литературное понятие.

В таком случае воспитание вкуса, конечно, принадлежит прежде всего интеллигенции, и не только принадлежит, но является ее обязанностью, не выполняя которую интеллигенция не имеет права на существование и сама себя осуждает на одичание.

Воспитание же вкуса не может быть чем-то отвлеченным. Прежде всего это есть действительный подвиг во всех областях жизни, ибо где же может быть граница служению Музам древних эллинов? Если древние понимали во всем действенном объеме это служение и приложения в жизнь этих прекрасных начал, то нам-то разве не будет стыдно, если мы в предрассудках и в ханжестве обрежем все лучезарные крылья огненно сверкающих ангелов.

Когда мы предлагаем этику как школьный предмет, как предмет наиболее увлекательный, обширный, полный созидающих начал, мы тем самым предполагаем и преобразование вкуса, как защиту от безобразия.

Андромеда говорит: “И я принесла тебе Огонь”. И древний эллин вслед за Эврипидом понимает, какой этот Огонь и почему он так драгоценен. Мы же в большинстве случаев будем твердить эти вдохновляющие, ведущие слова как фосфорную спичку. Мы наклеили высокое понятие Фосфора – носителя Света на спичку и зажигаем ею наш охлаждающий очаг, чтобы сварить похлебку на сегодня. А где же оно завтра, это светлое, чудное Завтра?

Мы забыли о нем. Мы забыли, потому что мы утратили поиски, утратили утонченный вкус, который устремляет нас к улучшению, к мечтам, к сознанию. Мечты для нас сделались снами преходящими, но ведь неумеющий мечтать и не принадлежащий к жизни будущей, не принадлежит к роду человеческому с высоким образом.

Даже та простая истина, что мечта о будущем есть первое отличие человека от животного, уже превратилась в трюизм. Но сам трюизм сделался не общепринятой истиной, как должно было бы быть, но стал синонимом истины, о которой не следует думать. Тем не менее, несмотря ни на что, даже во время самых больших трудностей не отложим мысль о воспитании вкуса, не отложим мысль о предмете живоносной этики. Не забудем об искусстве мышления и будем помнить о сокровище сердца.

“Некий отшельник оставил свое уединение и вышел с вестью, говоря каждому встречному: “Имеешь сердце”. Когда же его спросили, отчего он не говорит о милосердии, о терпении, о преданности, о любви и всех благих основах жизни, он отвечал: “Лишь бы не забыли о сердце, остальное приложится”. Действительно, можем ли обратиться к любви, если ей негде пребывать? Или где поместится терпение, если обитель его закрыта? Так, чтобы не терзаться непреложными благами, нужно создать для них сад, который откроется среди осознания сердца. Станем же твердо на основе сердца и поймем, что без сердца мы шелуха погибшая”. Так заповедуют Мудрые. Так заповедует Агни Йога. Так и примем, и приложим.

Без неустанного познания прекрасного, без неутомимого утончения сердца и сознания мы сделаем и законы земного существования и жестокими, и омертвельми в человеконенавистничестве. Иначе говоря, будем способствовать самой низменной гибели.

Сказано!

Римляне говорили: “Sub praetextu juris summum jus saepe summa injuria; suaviter in modo fortiter in re”. “Под предлогом правосудия строгое применение закона часто являет самую ужасную несправедливость. Будь мягок в определении меры наказания, но суров в исполнении”.

Свободно и уверенно воспримем Красоту!

Нам предстоит сохранить все традиции искусства и ввести их в обыденную жизнь. Откуда же еще возьмется благородство духа? Из чего же еще произрастет человеческое достоинство? Откуда же еще снизойдет понимание широкого сотрудничества и взаимного доверия? Из того же самого неисчерпаемого источника блистательного благословенного творчества. Жизнь

преобразуется достижениями культуры. Как это и бывает в периоды узкого материализма, мы с трудом постигаем, что именно эти достижения станут движущей силой человечества. Свет истины един и врата, ведущие к нему, поистине интернациональны и доступны для всех ищущих его. Темнота допустима лишь на время сна, а не для того, чтобы человечество находилось в спячке и не совершенствовалось на протяжении миллионов лет.

Это не трюизм мыслить и взывать о помощи к культуре. Всеми средствами без ограничения следует вносить накопления наших сердец в чашу культуры. Сказано, что мы приближаемся к эпохе огня. Сколько удивительного принесет эта стихия, если сумеем осознать ее и применить благожелательно. Зажигая факел духа, разве не прекрасно думать, что и в других странах сияют такие же факелы? Такое понимание сотрудничества усилит и возвысит наши искания. Еще неизвестно, что более ценно, видеть друзей обычным зрением или ощущать их в духе сердцем. Но очень важно понять, что Чаша Грааля, Чаша Культуры, пополняется бесконечно и что, сердечно сотрудничая, наши друзья вносят в нее свои лучшие духовные достижения.

Леонардо заповедал:

“Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать внучка Природы. Все, что есть, родилось от Природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка Природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит Природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явления Природы! Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением Природы”.

В истории записаны разнообразные замечательные достижения Леонардо да Винчи во всех областях жизни. Он оставил поразительные математические записи, исследовал природу полета, проводил медицинские исследования и слыл выдающимся анатомистом. Он изобретал музыкальные инструменты, изучал химические составы красок, любил чудеса естествознания. Он украшал города прекрасными зданиями, дворцами, школами, библиотеками; он строил огромные военные казармы, создал один из лучших портов на Адриатике и проложил глубокие фарватеры, основал крепкие форты, конструировал военную технику, разрабатывал военные планы. Его деятельность была многогранной.

Но, несмотря на все эти замечательные достижения, он остался в памяти всего человечества как художник – великий художник. Разве это не истинная победа искусства?

“Воистину, воистину, Красота есть Брахман! Искусство – Брахман. Наука – Брахман. Все Славное, все Значительное, все Великое есть Брахман”.

Так воскликнул индусский святой, выходя из великой Самадхи. Придет новое понимание красоты и мудрости.

Великий Свами Вивекананда говорил так: “Разве вы не видите, что кроме всего прочего я – поэт? Кто не способен чувствовать красоту и величие искусства, того не назовешь истинно религиозным человеком”. “Неуважение к искусству – сродни сорнякам невежества”.

С давних времен, возможно с XV века, в Россию пришла легенда, в которой Христос провозглашается высочайшим хранителем красоты. Перед вознесением Христа на небеса несколько трубадуров приблизились к нему и спросили:

“Господь наш Христос, на кого покидаешь нас? Как мы будем жить без Тебя?”

И Христос ответил им:

“Дети мои, я дам вам золотые горы, серебряные реки и прекрасные сады, и вы будете насыщены и счастливы”.

Но приблизившись к Христу, святой Иоанн сказал:

“О Господи, не давай им золотые горы и серебряные реки, ибо не знают они,

как уберечь их. И если кто-то богатый и сильный нападет на них, то отнимет золотые горы. Дай им только имя Свое и прекрасную песнь Твою и заповедай, что перед каждым, кто примет песни, позаботится и охранит певцов, откроются врата Рая”.

И ответил Христос: “Так и быть, я оставлю им не золотые горы, а песни мои; и тот, кто примет их, найдет врата в Рай открытыми”.

Рабиндранат Тагор завершает книгу “что такое искусство?” следующими словами:

“В искусстве наша внутренняя сущность шлет свой отклик наивысшему, который являет себя нам в мире беспредельной красоты, поверх бесцветного мира фактов”.

И нет другого пути, мои друзья, разбросанные по странам мира. Возможно, мой зов достигнет вас и соединит нас невидимыми нитями красоты. Я обращаюсь к вам, я призываю вас; во имя красоты и мудрости объединимся для борьбы и труда.

В дни Армагеддона помыслим о вечных ценностях – краеугольных камнях эволюции.

Книжный шкаф

Когда Армагеддон гремит,

Когда столько стрел ненависти, разделения, разрушения, разложения пронзят пространство, разве тогда мы не должны беречь каждую искру дружелюбия?

Когда в невежестве поносятся самые высокие понятия, разве не должны мы собрать к очагу духа все священные лампы?

Когда ложь и суеверие пытаются загрязнить все самое чистое, лишь бы увеличить поле хаоса, разве не должны мы в лучших летописях искать свидетельства истинного сотрудничества?

В древнейшей хронике говорится как высшая похвала киевскому князю Ярославу: “И книгам прилежана и почитаема часто в ноши и в дне, списаша книги многи; с же населя книжными словеса сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина”.

Так мыслила хроника древних. Действительно, одно дело допустить книгу и совершенно другое полюбить книгу в полной преданности к просвещению.

Вспоминается. В приемном кабинете некоего президента двое ожидающих. Стены старинной комнаты обставлены массивными дубовыми книжными шкафами. Из-за зеркальных стекол заманчиво поблескивают корешки богатых переплетов. Хоть и не старинный переплет, но густо золоченый. Видимо, любитель книг. И как хорошо, что во главе предприятия стоит такой собиратель, не пощадивший денег на заманчивые переплеты.

Один из ждущих не удерживается от соблазна хотя бы перелистать книгу, хотя бы подержать в руках это сокровище духа. Шкаф оказывается незапертым, и, подняв руку, любитель пытается вынуть один из томов, но, о ужас, вся полка валится ему на голову и оказывается фальшивыми корешками без всякого признака книги. Оскорбленный в своем лучшем желании, любитель книг дрожащими руками ставит на место эту недостойную подделку и шепчет: “Уйдем поскорее, от такого шута разве можно ожидать что-нибудь путное!”. Другой посетитель усмехается: “Вот мы и наказаны за пристрастие к книгам. Ведь вам не только прочесть ее, но подержать в руке – и то уже счастье”.

Сколько же таких фальшивых библиотек рассеяно по миру! Строители их, кого они обманывают – друзей своих или самих себя? В этой подделке скрыто какое-то необыкновенно утонченное презрение к знанию и какая-то изысканная оскорбительность к книге, как к свидетельству человеческого преуспевания. И не только само содержание книги отрицается, но в таких подделках, как вещественных, так и словесных, отрицается само значение произведения духа как такового.

“Назови мне твоих врагов, и я скажу, кто ты есть”.

Одно из самых утомительных занятий есть отыскание новой квартиры. Но среди этого невольного вторжения в десятки разнообразных жилищ вы выносите несомненные наблюдения о фактах жизни. Вы проходите целый ряд сравнительно зажиточных помещений, еще наполненных обстановкою. Где же он, книжный шкаф? Где же он, письменный рабочий стол? Почему же комнаты заставлены иногда такими странными уродливыми предметами, но этих двух друзей существования – письменного стола и шкафа для книг – не видно? Есть ли место поставить их? Оказывается на поверку, что небольшой стол еще можно вдвинуть, но все стены вычислены так, что места для книжного шкафа не оказывается.

Хозяйка квартиры, заметив ваше огорчение, указывает на маленький внутренний стенной шкафчик, с сожалительной улыбкой снисходя к вашей требовательности, и говорит: “Если у вас много книг, то вы сможете отнять этот шкаф от других домашних вещей”. При этом вы видите, что крошечные размеры шкафа кажутся царственными для такой роскоши, как книги.

В этом сожалительном снисходительном отношении к книге как таковой вам вспоминаются те ценнейшие библиотеки, которые оказывались выброшенными на толкучий рынок. И вы еще раз с горечью вспоминаете все рассказы о том, как селедки и огурцы оказывались завернутыми в ценнейшие листы, вырванные из редчайших изданий. Когда же вы смотрите на крошечный шкаф, вам предлагаемый, и соображаете, что в нем даже сотня томов с трудом поместится, то опять житейские мудрецы вам скажут – зачем же держать дома такое множество книг? И при этом они почти повторяют слова знаменитого мусульманского завоевателя, который приказал уничтожить ценнейшие библиотеки по причине их бесполезности, ибо в одном Коране все сказано, что нужно для человека.

Отсутствие письменного стола объясняется совершенно основательно, указывая, что письменный стол стоит в конторе. При этом мелькает ясный намек, что, кроме конторы, никаких умственных занятий не бывает. А вечерний досуг существует для веселого времени, которое не должно обременять мозги. И тем самым так называемый досуг, который должен бы являться ценнейшими часами накопления и утончения сознания, рассыпается, как жемчуг, в пыли улицы.

И так книга в современном обиходе становится предметом какой-то роскоши. Библиофилов, таких роскошествующих маньяков, “здравый рассудок” сожалеет. Среднее сознание вообще разучивается читать, в чем иногда совершенно добродушно даже признается. “Не могу читать длинных книг”, “Не могу сосредоточиться”, “Не хватает времени”, – говорит человек, отправляющийся созерцать кулачный бой, или чтобы бросать шарики в пространство, или просто занятый пережевыванием костей ближнего.

И время есть, и деньги есть, чтобы иметь дома сокровища знания, но мысль об этих сокровищах просто уходит из обихода. Чем люди живы? Многими предметами, но познание как таковое и сама прелесть книги как творения уходит из жизни.

Так же точно вы можете наблюдать характер и сущность приятелей по состоянию данных им книг на прочтение. Правда, иногда вы встречаетесь с самым заботливым, с самым честным отношением к книге, и иногда вы понимаете, почему некоторые тома благополучно дожили от XII и XV столетия, но, к сожалению, чаще всего книга возвращается в таком неизгладимом поврежденном виде, что болеет душа за оскверненного автора. Закапать книгу чем-то, завернуть страницу, может быть, – оборвать угол, а иногда даже вырезать понравившуюся иллюстрацию грехом не считается. Каждый библиотекарь расскажет вам свои горести не только о пропавших книгах, но об искалеченных навсегда изданиях.

Уничтожающий книгу доказывает низкое состояние своего сознания. Пусть это будет трюизм, но кто-то прочтет его еще раз и поопасается испачкать или изорвать книгу. И то уже хорошо. Среди мировых кризисов, и материальных и духовных, отношение к книге будет одним из убедительных показаний. Вот когда мы вновь научимся самоотверженно полюбить книгу, так же как и произведение искусства, и сердечно оберегать ее, тогда и некоторые из труднейших жизненных проблем будут решаться сами собою. Без дискуссий, без злоречий и столкновений. И в жилье нашем найдется место и для книжного шкафа, и для рабочего стола, так же как и для священных Изображений, напоминающих присутствием своим о Высшем, о Прекрасном, о Бесконечном.

Кто-то скажет: это я давно знаю, это для меня не ново. Как хорошо, если он так скажет; быть может, он в силу этого прочтет еще одну книгу и еще бережнее отнесется к этим истинным друзьям каждого дома, и, в свою очередь, скажет это, так знакомое ему, и еще кому-нибудь. Ведь люди так часто говорят именно о том, что они не исполняют: “Я давно об этом знаю”, и им опять приходится сказать – тем хуже для вас.

Книги последних изданий сделались очень маленькими, стали крошечными как размером, так и удельным содержанием. Автор как бы боится, не утомить бы, не наскучить бы, ибо издатель твердит ему во все уши о странных требованиях читателя.

И вдруг вы узнаете, что большинство книг читается бедняками и желание истинного познания живет в людях, с трудом зарабатывающих себе хлеб завтрашнего дня. Когда вы перелистываете Ежегодник мировых сведений, вы с крайним интересом следите за статистикой грамотности и за количеством томов в публичных библиотеках мира. Как несоответственно со многими официальными представлениями распределяется количество книг в этих Народных Хранилищах! Не буду приводить этих поучительных цифр, ибо Уорлд Альманах Ежегодник вполне доступен для желающих ознакомиться с последовательностью этих накоплений. Для многих в них будут заключаться большие неожиданности.

Кроме того, не забудем, что грамотность, которая является несомненно ступенью к культуре, сама по себе еще не обеспечивает чтения и разумно-культурного потребления книг. Если бы взяли другую статистику, а именно статистику, много ли из грамотных людей книг не читают, то результаты были бы очень поучительны. Если же из числа читающих выделить и чтецов бульварных романов, то мы увидим, что вся сумма серьезных книг и изданий ложится на сравнительно очень небольшое число людей из всего населения мира.

Это обстоятельство тем более вопиет о бережливом отношении не только к серьезным изданиям, но и к тем людям, которые делают из них разумное и надлежащее употребление.

Не забываются трогательные эпизоды любовного обращения с книгами. Незабываем рассказ одного небогатого литератора о том, как он желал подарить невесте своей, как свадебный подарок, как нечто наиболее ценное в его представлении, книгу-монографию о творчестве наиболее вдохновляющего его художника. Незабываемо также, когда трогательная любовь к книге самостоятельно вспыхивает в самом детском возрасте. Маленькая девочка, в барских хоромах, с трудом несет непомерную для детских сил книгу Библии с иллюстрациями Дорэ; не позволена ей эта книга, но она пользуется отсутствием старших не для проказ и шалостей, но чтобы еще раз воспользоваться минутой свободы и приобщиться к великим образам.

Дороги нам эти дети, носители лучших образов, которые по сердцу своему самостоятельно приходят к книжному шкафу и знают этого неизменного друга истинного счастья. Ведь самостоятельно пришел к книжному шкафу Эдисон и сизмальства понял, чем он может благодетельствовать человечество. В инстинкте к приобщению к газетному делу выразилось сердечное устремление к распространению полезного.

Вспомним также великого мыслителя Рескина, с такою же трогательностью отдавшего свои первые устремления и вдохновения великой библейской Эпопее. Вспомним многих славных. Уже давно говорилось о мощи мысли, говорилось об искусстве мышления. Но ведь каждое искусство нужно развивать и питать, и не будет ли очаг этого священного искусства именно около книжного шкафа?

Обернемся к книжному шкафу не только как к утешителю и охранителю, но как и к водителю и жизнедателю. Не от него ли происходит устойчивый творческий ум великих мыслителей? Не от него ли долголетие, не от него ли противостояние всем злым и всем неслыханным, казалось бы, препятствиям существования? И не от него ли творческая радость?

Вехи

Сколько вех встречается на каждом пути, и как мало мы уделяем им внимания. Одна знакомая жаловалась моему другу: “Всю жизнь жду я знака. Посылаю лучшие мысли и не имею ответа. Справедливо ли?”

Друг мой попросил рассказать ему ее жизнь. Оказалось следующее: “Я была очень богата, и это давало мне возможность помогать людям и поддерживать очень многих. Затем не по моей вине пришло разорение. Правда, я еще не голодаю, но уже лишена возможности приносить прежнюю помощь. И в этом мое постоянное горе. И я не могу понять, зачем нужно было лишать меня средств и тем самым поставить меня в вечную жалобу на невозможность помочь?”

Мой друг разъяснил ей: “Видите, жданный вами ответ уже состоялся. Но Вы не поняли его. Вы приняли совет блага за несчастье. Ведь Вы, к сожалению, вообразили, что помощь может быть лишь денежной. Тем самым Вы уничтожили самое ценное сознание о том, что духовная помощь может достигать гораздо больших результатов, нежели просто денежная. Сознайтесь, что Вам было приятно давать от избытка, не подвергая себя ни лишениям, ни опасностям, ни затруднениям. Вот и сейчас, ведь вовсе не все от Вас отнято. Вы далеко не голодаете. И казалось бы, могли еще больше помогать людям Вашим жизненным опытом, Вашим состраданием. Сколько новых полезных советов Вы могли бы давать. На собственном опыте Вы могли бы указать на ничтожность материальных средств, если они так легко разрушаются. Но если Вы будете считать Ваше положение несчастьем, то какой же дальнейший ответ Вы можете ожидать? Только, когда Вы осознаете полезность Вашего теперешнего состояния, когда поймете, что деньги как таковые были извращены в Вашем прошлом представлении, тогда придет и дальнейшее”.

Тот же друг мой рассказал и другой случай. Ему было указано показать одной особе в Чикаго известный портрет. Особа эта необыкновенно взволновалась при виде портрета и сказала: “Откуда Вы знаете о драме жизни моей? Однажды в Париже мы были с нашими американскими друзьями и сидели в маленьком кафе. Вошел тот самый, портрет которого Вы мне показали, и, сев около двери, начал пристально смотреть на меня. Я поняла моим сердцем, что должна подойти к нему, и в этом будет заключаться цель моей жизни. Но, с другой стороны, условности приличия шептали мне, что было бы недопустимо на глазах моих друзей подойти к незнакомцу. Большая борьба происходила во мне, а он продолжал смотреть, ожидая, как я решу судьбу мою. Прошло еще некоторое время, условные приличия приковали меня к месту, а незнакомец встал и вышел. Я поняла, что не сумела ответить на зов и решила судьбу свою по условным приличиям. В этом драма моей жизни”.

Другой мой друг рассказал мне еще одну примечательную веку. Ему было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможностей к тому он решил переговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидиться утром в местном музее. Придя туда “в ожидании”, мой друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ним гобелена: “Они знали стиль жизни, а мы утеряли его”. Мой друг ответил незнакомцу соответственно, а тот предложил сесть на ближайшую скамью и, приложив палец к его лбу (причем толпа посетителей – это был воскресный день – не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: “Вы пришли сюда говорить об известном Вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев ничего не может быть сделано в этом направлении. Потом все придет к Вам само”.

Затем незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами “хорошего счастья” и вышел. Конечно, мой друг воспользовался его советом. Ничего не сказал о деле приехавшей затем знакомой, а через три месяца совершилось все, как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о котором более никогда не слышал и не встретил его. Но, именно, так и бывает.

Еще века. Приятель художник рассказывал, что во время его выставки в одном приморском городе ему безотлагательно нужна была определенная сумма денег. Но при всем внешнем успехе выставки продажа не продвигалась. Казалось, чем внутренне больше желает мой приятель, тем затруднительнее становилось положение. Тем более что ему не хотелось оповещать нужду в деньгах. Точно бы всевозможные, непредвиденные обстоятельства ополчились, кто-то заболел, кто-то уехал или еще не вернулся. Выставка шла к концу, и приятель находился в очень огорченном состоянии. За несколько дней до закрытия, утром, еще не было и восьми часов, раздался телефон, и молодой женский голос спешно и нервно сказал: “У меня всего пятнадцать минут времени до отхода парохода. Я нахожусь у дверей Вашей выставки и во что бы то ни стало

должна иметь Вашу картину. Будьте добры, приезжайте немедленно посоветовать мне выбор”. Нечего и говорить, что мой друг поспешил приехать и нашел у входа очень милую барышню из Гонолулу, которая с чеком ожидала решения о картине. Решив покупку, она тут же сняла картину со стены и, несмотря на протест заведующего выставкой, устремилась к ожидавшему ее автомобилю. Конечно, Вы не сомневаетесь, что чек оказался именно на сумму, нужную моему приятелю. Так же Вы не сомневайтесь и в том, что эта молодая особа не знала и не могла знать, какая именно сумма нужна моему другу. Именно так и бывает.

Помню и другой многозначительный эпизод. Мои друзья собрались ехать в одну страну, тогда как им была указана именно совсем другая часть света. Из добрых намерений друзья мои, тем не менее, упорствовали и даже уже озаботились билетами в желанную им страну. Но все же указание должно было быть выполнено; и произошло нечто необычайное. Все приготовленные для поездки средства самыми странными способами в течении двух-трех дней растворились и исчезли. И, таким образом, моим друзьям ничего не оставалось, как выполнить указание. Такая вежа очень определенно показывает, какие меры иногда должны быть принимаемы, чтобы охранить предуказанное.

И еще вежа. Один из моих друзей должен был повидать человека, чрезвычайно для него опасного. Конечно, все помыслы были к тому, чтобы по возможности избежать это роковое свидание. Станным образом, несколько раз это свидание не состоялось – появлялись какие-то неожиданные препятствия. Но, в конце концов, по-видимому, избежать этот опасный час было уже невозможно. Видимо, сила посылаемой мысли уже не могла помочь. Итак, мой друг, явившийся в назначенное место, ожидал. Время уже настало. Опасный человек еще не появился. Вдруг поднялось какое-то волнение, и оказалось, что этот злобный человек все-таки не доехал – сердце лопнуло. И такие меры бывают, когда уже нельзя иначе предотвратить.

А вот еще вежа долгой памяти. Тетка моей жены, с мужем и с сыном, в зимнюю стужу ехали в дальнее поместье. Заблудились. Настала ночь. Вьюга усилилась. Нужно было думать о каком-либо ночлеге. Вдруг замечают какую-то незнакомую усадьбу. Подъехали. Оказалось, что владельцы давно не живут, но сторож согласился отпереть дом для ночлега. Как только сани остановились у крыльца, приехавшая, никогда не видавшая этого места, воскликнула в ужасе: “Я ни за что не войду сюда. Здесь произошли страшные дела”. Когда же муж и сын стали ее убеждать, она сказала: “Войдите и убедитесь”. И затем она описала им внутреннее устройство дома и точно указала об одной комнате, где должен был висеть большой портрет женщины в белом платье. Когда встревоженные путники прошли в дом, они в трепете узнали все описанное, а когда дошли до конца комнаты с портретом, то и сами, потрясенные, спешно оставили это несчастливое жилище. И таких веж бывает много, если только мы находим достаточно внимательности в себе, чтобы рассмотреть их.

И еще вежа ответа. Наши друзья переезжали в новый дом. Вещи уже были перевезены. Среди них старинные, испорченные, никогда не заводившиеся часы. Хозяйка нового жилья задумалась, долго ли придется прожить на этом месте? И вдруг, никем не заведенные, испорченные часы звонко пробили десять раз. Это было число лет, прожитых в этом доме. А ведь многие и не обратили бы внимания на какой-то бой часов.

Еще вежа. Было указание о том, что получится очень ценная посылка. Время прошло. Друзья наши уже как бы забыли об этом обстоятельстве, приехав в Париж. Однажды из банка “Бенкерс Трест” приносят оповещение о получении пакета. Оказалось, что этим обычнейшим путем была доставлена самая необычная посылка. Как видите, и так бывает.

А сколько писем, неизвестно откуда присланных, а сколько книг нужных и как бы случайно указанных, а сколько сроков очень примечательных может быть услышано внимательным ухом. Сколько добрых знаков подается в жизни. Если знаки эти ведут к добру, если их единственное назначение помощь человечеству, то это уже будут, истинно, добрые знаки. Некоторые недомыслящие люди опасаются, как им рассмотреть, добро ли? Но посмотрите в увеличительное стекло будущего и послушайте в мегафоне грядущего, и вы ясно увидите, каково назначение этих знаков блага.

Если знак подается для возвышения сердца, для исцеления, для приобретения трудностей, для веры и восхищения, значит полезен такой знак и его нужно

уметь рассмотреть. И опять повторим, что не нужно ждать лишь тех знаков, которые ждали бы по самости, по эгоизму ограниченному, ибо всякий эгоизм уже туп и ограничен. Следует найти в себе достаточно благовместимости, чтобы воспринять знак в той форме, в том выражении, в котором он Свыше признан наилучшим.

Когда люди молятся об охране от ночных призраков, это будет одним из очень насущных молений. Действительно, нужно охраниться от всяких темных признаков, от всего погружающего во тьму, а прежде всего, охраниться от невежества. Нежелание знать, нехотение воспринять, ведь это уже будет подпадение под власть темных призраков. Человек, уходящий от земли и не помысливший о будущем, ведь это будет подобно получившему в дар прекрасную книгу и не раскрывшему ее ради переплета.

Внимательность в жизни не будет какой-то условной и мрачной отвлеченностью. Наоборот, чем внимательнее человек, тем больше красоты для него откроется. Каждую минуту сосредоточения и молчания он признает как бы еще одно погружение в высь прекрасную. Он одумает и уложит бережнее накопленное им ранее. И накопленное не призрачно, но в духе нетленном.

Помню один морской рассказ достоверный. Некий капитан корабля впал в неизлечимую болезнь и должен был быть помещен в лечебницу, навсегда оставив любимое им судно. Новый капитан, тоже хорошо знавший дело, проходя не в далеке от одного каменистого острова, прилег отдохнуть. В это время, сквозь дремоту, он слышит голос: "Право на борт". Но он все же не поднялся. Тогда второй раз он слышит тот же приказ. И, наконец, оглушительно он слышит его в третий раз. Тогда капитан вскочил и выбежал на рубку, повторяя приказ: "Право на борт". И было время, ибо судно шло прямо на буруны береговых рифов. В то же время, в далекой больнице, бывший капитан корабля выбросился из окна с тем же самым приказом на устах. Адмирал Т. подтвердит этот подлинный эпизод.

Некоторые люди называют всякие такие вехи святочными рассказами или не заслуживающими внимания совпадениями. Большинство из этих, якобы скептиков, очень боязливы сами и потому опасаются даже подумать о том, что помимо их повседневности, помимо их лопуха огородного, существует еще нечто, что мощно заставляет помыслить и отнестись внимательнее к жизни. Спазматические обращения к вере или к урывочному чтению соответственных книг помогают мало, ибо для всего требуется упорное, бережное и зоркое устремление. Еще ничего не значит, если человек иногда допускает некоторую внимательность со своей стороны. Нужно уметь быть внимательным всегда. Нужно вчитываться в окружающие обстоятельства, как в глубокую, прекрасную книгу, данную для повседневного приложения. Опять-таки некоторые неразумцы назовут этот образ мышления отвлеченной философией. Ведь они понимают это высокое слово в каком-то обиходном, не жизненном смысле. Но ведь из любви к здравому размышлению складываются самые твердые, непреоборимые факты. Это же мышление упасет и от жестокости и от грубости. Ведь утончение и возвышение сознания могут идти лишь рука об руку.

Какое чудное впечатление оставляет человек, в котором можно быть уверенным, что он не допустит ни жестокости, ни грубости. К тому же, однажды достигнутое, утонченное сознание уже спасает от опасного одичания. Если вы встречаете человека опустившегося, одичавшего, то можно быть уверенным, что ранее он не потрудился ни над общей пользой, ни над самим собой.

На засыпанной снегом равнине иногда торчат жалкие веточки, кем-то установленные для показания скрытой дороги. Иногда путник зорко усмотрит их и направит коня по этим вехам. Но бываю и самомнительные проезжие, которые, удивляясь неразгаданным изгибам пути, отправляются, не приняв этих указаний в соображение. Сколько неожиданных затруднений и опасностей они могут навлечь на себя среди скрытых бугров и лощин! Опытный ящик, увидав потом след, отбившийся от заботливо указанного пути, сожалительно машет рукой: "Эх, их понесла нелегкая!"

Именно темная сила, именно невежество и самомнительность отвлекают неразумных от вех, заботливо для них сбереженных. Уроки внимательности будут и опытами благожелательства, и на этих путях уже приуготовлена верная охрана. По этим вехам пройдут путники.

Крик пространства

Недавно сообщалось о том, что в одном европейском городе построили мощную радиостанцию и она заглушила все остальные. Может показаться, что в этом нет ничего необычного, поскольку радиостанции могут принадлежать различным структурам власти. На деле же, это очень важное сообщение, означающее, что мы столкнулись с новым способом ведения войны в эфире. Человечество использовало новейшие достижения главным образом с целью убийств. Голос радио может звучать по всему миру и привлекать внимание ко всевозможным жестокостям, направленным против человечества. Но кому-то хочется задушить пространственные стоны. Очевидно, кто-то пытается захватить пространство силой и воспрепятствовать распространению нежелательных для себя новостей. К такому насилию над эфиром следует относиться серьезно. Трудно представить, что произойдет, если человечество привыкнет к нему. Глупцы будут утверждать, что против одной мощной радиостанции можно построить другую, еще мощнее, но тогда где же предел этому марафону взаимной вражды? Было бы неправильно думать, что энергия пространства неисчерпаема. Но и никто не может утверждать, что запасы ее конечны. Просто более сильные энергии поглощают более слабые. Расширим эту мысль и окажемся свидетелями войны в эфире. Невозможно предвидеть ее последствий. Никто не знает, на какое расстояние можно осквернить и отравить пространство. Ясно одно, что взаимная людская ненависть может вызвать самые сильные разрушительные энергии. Если сразу же не вспыхнул мощный взрыв и губительные эпидемии, это не значит, что они не возникнут позже. Люди вновь клянут пятна на солнце, считая их причиной всех своих собственных глупостей. Но наука идет впереди человеческой психологии. Она уже погрузилась в изучение океана новых опасностей, возникающих от злоупотребления энергиями. Легкомысленные люди пытаются отравить и осквернить жизненное пространство. К чему же приведет такой прогресс?

Во времена Акбара Великого под суровой угрозой наказания запрещалось продавать нестойкие краски. Также и древние Шастры настаивали на их высоком качестве. Казалось бы, что с тех пор мировая цивилизация должна была улучшить качество материалов. Но, вероятно, она преследует совсем иные цели. Позабыты гуманитарные науки, отвергнута забота о прочности материалов. Странно, но справедливо звучит мысль о том, что некоторые из современных механизмов уступают в прочности своим предшественникам. Говоря о художественных материалах, следует отметить, что у них множество врагов, порожденных все той же "цивилизацией". Так, например, многие краски не выносят серу, влагу и другие химические элементы, которыми насыщена атмосфера современных городов. Вместо защиты здоровья можно засвидетельствовать его недопустимое расточительство. На парижских аллеях от бензиновых паров погibli некоторые сорта деревьев. Можно представить, как подобные газообразные вещества отрицательно влияют на здоровье и предметы, созданные человеком, и в особенности на хрупкие произведения искусства. Король Франции Луи обессмертил себя циничным высказыванием: "После нас хоть потоп". К сожалению, этот принцип применяется во многих областях современной жизни. С притворной скромностью вам могут сказать: "Не нам тревожиться о прочности наших творений. Пусть время им будет судьей". Даже те, кто говорят это, хорошо понимают, что материал плохого качества лишает наследия будущие поколения. Не из эгоистических побуждений, а во имя мудрости следует позаботиться о сбережении того, что по праву принадлежит молодежи, ведь мы работаем на будущее. Археология дает замечательные примеры прочности материалов. Мы признательны незнакомым строителям, оставившим прекрасное наследство, которым сквозь тысячелетия восхищается человечество. Могут говорить о неизвестных сроках существования нашей планеты. Среди астрономических и космических расчетов не нашлось места вопросу о долговечности земных материалов. Но до тех пор, пока существует наша старая планета Земля, необходимо думать об улучшении их качества и запретить отравлять пространство.

Следы мысли

В газете сообщается:

"Двум профессорам Кембриджского университета удалось произвести кинематографический снимок человеческой мысли. Это профессор физиологии Адриан, один из видных членов королевского ученого общества и проф. Метиус. Адриан, посвятивший всю свою жизнь изучению тайн нервной системы; в 1932 году он получил премию Нобеля, а всего несколько дней назад был награжден золотой медалью Королевского ученого общества".

"Когда человек сидит спокойно в кресле с закрытыми глазами и мысль его не

занята ничем серьезным, тогда его мозговое вещество производит регулярные электрические разряды со скоростью приблизительно десяти разрядов в секунду. При помощи весьма сложных и хитроумных аппаратов и фотоэлектрической камеры проф. Адриану удалось зарегистрировать на кинематографической пленке эти разряды. Он же обнаружил, что лишь только его пациент откроет глаза и начнет сосредоточивать на чем-либо свое внимание, как частота электрических разрядов значительно возрастает и обычно достигает 2000 в секунду”.

“Ритмические импульсы продолжают и во время глубокого сна, а равным образом, когда человек (или животное) находится под наркозом. Профессор экспериментальным путем установил тождество колебаний у разных лиц при виде одного и того же предмета или явления. Разные мысли, возникающие в зависимости от зрительных нервов, дают разные изображения на пленке”.

“Свои опыты проф. Адриан главным образом сосредоточил на той области человеческого мозга, которая ведаёт зрением. Он установил, что эта область поразительно мала. Да и вообще проф. Адриану удалось при помощи его аппаратов доказать, что большая часть человеческого мозга совершенно не участвует ни в каком умственном процессе”.

“Свои опыты проф. Адриан довел уже до такой степени совершенства, что он легко теперь превращает фотографический снимок мысли в звуковой и может передавать его во всеулышание по радио. Во время публичной демонстрации аудитория слышала самые различные звуки в зависимости от того, что появилось перед глазами пациента, сидевшего на эстраде и открывавшего глаза лишь по указаниям профессора”.

Итак, нечто вполне естественное и, может быть, давно известное запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами. Задолго до этих механических начертаний замечательный ученый Индии Сэр Джагадис Боше в таких же путях исследований запечатлел пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на экране отмечалась вся судорога смерти растения, отравленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими мертвыми отростками.

В движении иглы, отмечающей пульс растения, можно наблюдать и воздействие человеческой энергии мысли. Мысль добрая, мысль сочувствия могла ограждать растение от действий яда. Так же точно мысль злобная усилила смертельное воздействие. Если бы поскорей, как можно скорей, даже в непросвещенных массах человечества зародилось сознание о значении и мощи мысли! Смешно и унижительно подвергать высокие наблюдения над мыслью действию грубых механических аппаратов. Но для сознания грубого нужны такие же меры воздействия. Одно осознание значения мысли уже значительно преобразит земное существование.

В области телевидения чисто внешне механически происходят крупные усовершенствования. Только что было сообщено, что даже в течение наступившего года эта передача зримости на расстоянии получит новые возможности. Вполне вероятно, ибо раз произошло вступление в этом направлении, то следствия несомненно будут накапливаться в кратчайшие сроки. Постепенно и на телевидении будет наблюдено отражение качества мысли, если это касалось человеческих изображений.

Даже некоторые наблюдательные фотографы отмечают, что разница в снимках зависит не только от чисто внешних условий, но и от каких-то внутренних состояний объекта. И в этом случае мы так же точно подходим к рассуждению об отражении мысли.

Рассуждения о гипнотизме и внушении, то есть о тренированных способах воздействия, уже становятся общим местом. Но ограниченное сознание все-таки слабо допускает, что не только в тренированных мысленных воздействиях, но решительно во всем, при более или менее ясном мышлении, происходят мощные воздействия на окружающее.

Это соображение еще раз напомнит и об идее ответственности, о которой мы имели и в недавнем прошлом несколько напоминаний. Какая величавая красота заключается в идее ответственности и служения. И нет такой точки в мире,

Перих Н.К. Химават filosoff.org
где бы человек не подлежал этим двум высоким назначениям.

Когда мы вызываем из пространства слова и звуки, разве не идут с ними и все сопровождающие свойства энергии мысли? На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью.

Несомненно, через все эти огромные пространства вместе со внешним звуком протягиваются и внутренние струны мощнейшей энергии. Кто-то их почувствует очень ясно, кто-то даже, и чувствуя их, будет пытаться отрицать. В таком отрицании опять же будет значительный элемент страха. Ведь боязливое сознание содрогается от одного намека, что оно окружено какими-то энергиями, воздействиями. Именно то, что, казалось бы, должно окрылять людей, то самое подвергает слабых в ужас. Именно в ужас, который является следствием чего-то неопределенного, хаотического. Но ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему.

Прекрасно, облекшись во все мужество, признать величие мысли и всех приводимых ею в действие энергий. Хотя бы мерами механическими, все же пусть спешно подходят люди к мысли о мысли во всем ее мощном значении. И вместо хаотического ужаса многие, казалось бы, такие несложные проблемы жизни просветляются от одного осознания всех возможностей мысли. Недаром говорится: “Совершай не только телом, но и мыслью”.

Разве не увлекательно: “Мысль в Беспредельности”?!

Оттуда

Есть особый вид людей, называющих себя скептиками и требующих “вещественных доказательств”. При этом на каждое доказательство они найдут свое опровержение. Если явится свидетель, они скажут, что ему просто показалось. Если окажется множество свидетелей, то наверняка будет объявлено, что произошел массовый психоз. Если они увидят отпечатки чего-то на документальной фильме, то, наверное, будут подозревать какие-то хитроумные подделки. При этом они упустят из виду, что человек, слишком много подозревающий других, не носит ли в себе самом эмбрионы того самого, в чем он готов обвинить и прочих.

Среди всяких показаний все-таки наиболее поражающими для скептиков будут знаки, оказавшиеся на вещественных предметах. Если на фильме проявляется нечто, не бывшее перед аппаратом в момент съемки, то даже присяжный сомневател (если такое слово существует) будет все же поколеблен в своем заскорузом скептицизме, иначе говоря, в своем неведении. Сколько раз каждому приходилось встречать людей, которые торжественно объявили, что если им будут предъявлены доказательства, они всенародно объявят о том, в чем убедились. Но когда ожидавшиеся ими доказательства оказывались налицо, то никто из них не только всенародно ни о чем не объявлял, но преспокойно продолжал пребывать в прежней тоге скептического самодовольства. Не сослаться ли на примеры?

Оставим пока личные наблюдения, временно пренебрежем множеством свидетелей и вспомним лишь несколько эпизодов фотографических. Большая литература накапливается по вопросам фотографирования образов “оттуда”. В книге Коутса можно найти целый ряд снимков, в подделке которых трудно сомневаться. Так же точно нельзя заподозрить подделку тех случайных снимков, которые считались самими съемщиками просто испорченными фильмами. Вспоминаю, как однажды в Индии сняли фотографию одного умершего лица и на снимке, кроме тела, оказался целый ряд фигур, в которых близкие умершего вполне признали ранее умерших его родственников. Также нам приходилось видеть простые паспортные фотографии, на которых в самых неожиданных местах проявлялись непроявленные лица. Фотографы горевали об испорченных фильмах. А ведь такая “порча” могла происходить гораздо чаще, нежели можно предполагать.

Удивительную историю, случившуюся во время киносъемки в одном из залов ателье Голливуда, рассказывает знаменитый американский киноартист Уорнер Бакстер. При съемке очередной картины ему, по ходу действия, пришлось изображать мужа, оплакивающего смерть своей жены. Артист был в ударе, и режиссер заметил, что он никогда еще в жизни не проводил свою роль с такой правдивостью.

Вечером снятая картина демонстрировалась в зрительном зале в студии в присутствии режиссера. Через несколько минут он бросился к телефону и

позвонил Бакстеру.

– Приезжайте немедленно! – заявил он дрожащим голосом. – Случилось что-то совершенно невероятное.

Бакстер в автомобиле помчался в студию. Режиссер провел его в зрительную залу и приказал кинооператору продемонстрировать снятую утром фильму.

То, что увидел на экране Бакстер, потрясло также и его. Он увидел себя в позе отчаяния, сидящим в кресле. Вдруг за его спиной появились еле заметные очертания женской фигуры. Ни Бакстер, ни режиссер не находили объяснения этому удивительному явлению. Возможность незаметного появления постороннего лица перед объективом аппарата во время съемки совершенно исключалась. Так же не могло быть и речи о техническом трюке. Кинооператор клятвенно утверждал, что он снимал на совершенно чистую фильмовую пленку.

На другой день была повторена съемка той же сцены, причем приняты были все меры предосторожности. Когда приступили к демонстрации этой второй фильму, пораженные зрители снова увидели за спиной артиста загадочное привидение.

По словам Уорнена Бакстера, до сегодняшнего дня так и не удалось разгадать это удивительное явление. Одни из фильмовых артистов, верующие в оккультные науки, утверждают, что в данном случае имело место явление какого-нибудь духа. Другие утверждают, что мысли артиста, достигнув высшей степени напряжения, приняли материальный образ. То, что загадочное явление повторилось дважды во время двух съемок, исключает всякую возможность обмана или трюка.

Пока оставим приведенные в конце рассуждения о том, как именно объяснять появление нежданной фигуры на снимке. На эти темы можно дискутировать много, и для скептиков такие предположения будут неубедительными. Но само проявление фигуры на фильме, показанное многим, эту съемку видевшим, остается непровержимым. Особенно характерно, что эпизод повторился дважды. Совершенно невозможно делать предположения и выводы о том, какие именно привходящие условия могли способствовать такому проявлению. Очевидно существуют такие сложные для человеческого мышления условия, которые пока еще не поддаются формулировке.

Нам приходилось слышать о том, в каких неожиданных условиях происходили самые замечательные снимки. А в то же время, когда, по человеческому разумению, устраивались будто бы “самые лучшие” условия, то результаты не получались. Особенно останавливает внимание именно неожиданность удачных проявлений. В этой неожиданности исчезает всякий намек на подделку. Да и какие же подделки могут быть в тех случаях, когда люди не только не радуются загадочному явлению, но, наоборот, считают его просто порчею фильму.

Нам рассказывали, как один наш друг с трудом отнял у фотографа так называемую неудачную свою фотографию, на которой в разных положениях вышли непрошенные незнакомые лица. Фотограф извинялся за такую странно испорченную пленку и даже не хотел отдать такой неудачный, по его мнению, негатив. При этом характерно то, что само помещение фотографа было совершенно обычным, в котором ежедневно происходили многочисленные съемки. А сам наш друг находился в самом обычном житейском настроении, будучи совершенно далек от мысли о чем-то необычайном. Много раз нам приходилось слышать, что неожиданные проявления получались именно не тогда, когда их человеческим рассудком ожидали, но в самых неожиданных обстоятельствах. Нам приходилось видеть обстановку комнат, где происходили замечательные снимки, и можно было поражаться, что в этой обычной атмосфере могло происходить нечто необычное. Очевидно, существуют особо тонкие условия, неуловимые пока человеческим мышлением.

Также люди нередко своими преждевременными выводами сами же нарушают возможности значительных явлений. Грубейшие рассуждения при тончайших проявлениях лишь вредят. Прежде всяких самовольных выводов следует непредубежденно собирать факты. Пусть при этом назовут вас материалистами, – неважно, как будут определять ваши методы. Но прежде всего важно проявить во всех отношениях беспристрастие. Фильма – материальный предмет. Никто не заподозрит фильму и фотографический аппарат в чем-то “сверхъестественном”. Но если эти материальные предметы отметят нечто тончайшее, то все равно каким путем и каким методом, лишь бы новые факты проникали в человеческое

сознание. Все расширяющее и дающее новые возможности должно быть принимаемо с признательностью.

Если замечательный факт произойдет не в особо устроенной лаборатории, но среди самой житейской обстановки, то ведь это нисколько не умалит его истинное значение. Можно вспомнить, сколько полезнейших открытий было сделано неспециалистами в этой области, но иногда как бы случайными работниками. Из области металлургии нам приходилось слышать, как специалисты обращали внимание на особые приемы, употребляемые некоторыми опытными рабочими. Именно эти “случайные” приемы потом оказывались особенно полезными в руках специалистов, оформивших их в целое значительное усовершенствование.

Среди специалистов также существуют два лагеря. Одни, даже будучи серьезными учеными, самомнительно пройдут мимо интереснейших фактов, если они не облечены в научную форму. Другие же и среди самой ординарной обстановки сумеют усмотреть и оформить самые замечательные усовершенствования. Ведь известно, что обследована лишь самая незначительная часть мозговой деятельности. Недаром нередко обращалось внимание, что человеческие взаимоотношения менее всего изучены. Называйте эти области психологией или, по обстоятельствам, рефлексологией; давайте им любые названия, которые могут помочь вашим опытам, но уберегите ценнейшие области от легкомысленного поругания.

Показательно, что такие книги, как “Неизвестный человек” Алексея Карреля, выдержали десятки изданий и считаются наиболее распространенными на международном рынке. Человек все-таки стремится к познанию. Кроме эпидемии танцев и нововыдуманных игр, люди международно стремятся к просвещению.

Мы получили известие, что в Москве в настоящее время, по предложению покойного Максима Горького, возводится комплекс зданий на 450 гектарах для изучения человека. В центре находится Всесоюзный Институт Экспериментальной Медицины. Доброжелательное исследование – первый фактор продвижения вперед.

Сущность

Сущность людей в основе своей добрая. Первый раз это сознание укрепилось во мне во время давнишнего опыта с выделением тонкого тела.

Мой друг врач усыпил некоего Г. и, выделив его тонкое тело, приказал ему отправиться в один дом, где тот никогда раньше не бывал. По пути следования своего тонкого тела спящий указал ряд характерных подробностей. Затем ему было указано подняться на такой-то этаж дома и войти в такую-то дверь. Спящий обрисовал подробности прихожей, говоря, что перед ним дверь. Опять ему было указано проникнуть дальше и сказать, что он видит. Он описал комнату и сказал, что у стола сидит читающий человек. Ему было указано:

– Подойдите, испугайте его.

Последовало молчание.

– Приказываю, подойдите и испугайте его.

Опять молчание, а затем робким голосом:

– Не могу.

– Объясните, почему не можете?

– Нельзя – у него сердце слабое.

– Тогда не пугайте, но насколько можно, без вреда, наполните его своим влиянием. Что видите?

– Он обернулся и зажег вторую лампу.

– Если не вредно, то усильте ваше влияние. Что видите?

– Он вскочил и вышел в соседнюю комнату, где сидит женщина.

По окончании опыта мы позвонили к нашему знакомому и, не говоря в чем дело,

косвенно навели его на рассказ о его чувствах. Он сказал:

– Странное у меня сегодня было ощущение. Совсем недавно я сидел за книгой и вдруг почувствовал какое-то необъяснимое присутствие. Стыдно сказать, но это ощущение настолько обострилось, что мне захотелось прибавить свету. Все-таки ощущение усиливалось до того, что я пошел к жене рассказать и посидеть с ней.

Помимо самого опыта, который так ясно показал причины многих наших чувствований, для меня лично одна подробность в нем имела незабываемое значение. В земных обстоятельствах человек, конечно, не стал бы соображать, слабое ли у кого сердце. Он испугал бы, обругал, причинил бы зло, ни с чем не считаясь. Но тонкое тело, то самое, о котором так ярко говорит Апостол Павел, оно, в сущности своей, прилежит добру. Как видите, прежде чем исполнить приказ – испугать, явилось соображение очувствовать сердце. Сущность добра подсказала сейчас же, что было бы опасно повредить и без того слабое сердце.

Один такой опыт в самых обычных обиходных обстоятельствах уже выводит за пределы телесноограниченного. Получилось не только выделение тонкого тела, но замечательное испытание доброй сущности. Сколько темного груза должно отягчить светлую, тонкую сущность, чтобы люди доходили до человеконенавистничества. Опять, как говорил Святой Антоний, “ад – невежество”. Ведь весь темный груз, прежде всего, от невежества. При таком положении насколько нужны добрые мысли, которые своими незримыми крыльями касаются отягченного, отуманенного чела.

Когда люди в невежестве говорят: “К чему эти сосредоточения мысли, к чему эти ушедшие от мира отшельники? Ведь они эгоисты и о своем спасении только думают”. Большое заблуждение в таком суждении. Если даже на самом обиходном опыте мы могли убеждаться в доброй и благородной сущности тонкого тела, если мы видели, что мысль добра превысила все приказы, так несомненные в таких случаях, то насколько же нужны эти мысли добра. Сколько простой, трогательной бережливости сказывается в простом ответе о слабом сердце. А разве мало сейчас слабых сердец, и кто имеет право отягощать их? Разве мало сейчас смертельных пораженных сердец, которые под одним неосторожным толчком уже не выдержат более? И будет это такое же точно убийство, как убийство кинжалом, пулей или ядом. Разве не яд проникает в сердце при злобном нападении? Какое огромное количество убийств настоящих, умышленных, злобных в своей длительности, происходит вне всяких судов и приговоров! Отравить человека нельзя, задушить человека нельзя; это правильно. Но тогда почему же можно разгрызть и разорвать сердце человеческое? Ведь если бы люди, хотя иногда, хотя кратко, в час утренний помыслили о чем-то добром, вне их собственной самости, это было бы уже большим приношением миру.

Конечно, невежественные циники, наверное, будут ухмыляться, считая, что мысль – это ничто, во всяком случае, не более былинки в воздухе. Всякий цинизм о мысли, о духе, о внетелесных возможностях будет ярким примером грубейшего невежества. Когда же эти невежды, злобно кривясь, скажут: “Куда уж нам, малокультурным, погружаться в океан мысли”, – это будет сказано вовсе не в смирении и робости, но будет словом безобразнейшей гордости.

* * *

Часто люди втайне мечтают приобщиться чему-то, как они говорят в просторечии, сверхъестественному. Точно бы в естестве великом может быть естественное и, как противоположение, сверхъестественное. Конечно, это обычное выражение, как противоречащее обиходу, не приводит к верному сознанию. Но главное дело то, что, как только людям доводилось прикоснуться хотя бы к началу такого необычного явления, они впадали в такой безудержный сердечный трепет, что явление останавливалось. Прекращалось оно по той же самой причине, как и в вышесказанном опыте. Становилось ясным, что невоспитанное сердце и неопытное сознание не выдержали бы ничего сверхбудничного.

Очень часто говорится о каких-то необъясненных сердцебиениях. Их вносят в рубрику половую, или чрезмерной работы, или каких-либо излишеств. Но немало случаев нашлось бы среди этих явлений, когда какие-то прекрасные крылья уже касались ждущего или неждущего, а он, от одной близости этой, уже смертельно содрогался. Это тоже будет так часто несовместимая разница между языком земным и языком небесным.

Сколько добра и сострадания заключено в простом соображении о слабом сердце. Если бы люди даже в обиходе чаще допускали себе эту человеческую мысль о чужой боли, о переутомленности и слабости сердца, то ведь они уже тем самым становились бы во многих случаях человечнее.

* * *

Явления мертвых рассказаны во всевозможных повествованиях. Они совершенно несомненны. Среди них несомненно и то, что много раз, являясь с целью очень нужною, родные и друзья не могли сказать свою благую весть только из-за того же опять-таки животного страха тех, кому они являлись. Известны случаи, когда, желая спасти человека от опасности, усопшие должны были предпринимать целый ряд постепенных приближений, чтобы освободить человека, прежде всего, от страха. Именно страх так часто мешает принять самую добрую весть.

Об этих явлениях, о таких добрых вестях и желаниях помочь написано так много, что невозможно вдаваться в перечисление отдельных эпизодов. Начиная от теологических и через многие философские, исторические и поэтические рассказы, всюду утверждается, что и смерти как таковой нет, и близость миров может быть ощущаема даже среди обихода жизни. Все это несомненно. Но злоба и ненависть, так обуявшие человечество в наше время, понуждают еще раз вспомнить о том, что сущность человеческая добро, а все злое, безобразно вредное будет наносным, прежде всего, в силу невежества.

Очень темные, глубоко павшие сущности проявляют свое влияние прежде всего на невеждах. Их излюбленное средство опять-таки будет через многообразное запугивание. Они постараются настолько омрачить и понизить сознание уловляемого, что он почувствует себя изолированным, одиноким и, наконец, увидит счастье свое лишь в общении с темными. Темные также стараются лишить уловляемого всех истинных радостей, подсунув ему всякие постыдные суррогаты самоуслаждения.

Человек хочет забыться. Вместо того, чтобы хотеть возможно яснее помыслить и вооружиться на духовную битву, его заставляют забываться. В дурмане желания забыться, чего легче им овладеть и сделать его послушным орудием, ублажая его в невежестве. Между тем, лишь мысль добра, лежащая в основе, может подвинуть и к жажде знания. И тогда человек не упустит ни дня, ни часа, чтобы узнать, улучшить и украсить все, что возможно. И в этом процессе мысль добра будет и мыслью прекрасною.

Парапсихология

Новые взлеты мысли порождают и новые слова. Еще недавно завоевало себе право гражданства понятие психологии – не будем повторять значение этого героического слова, ибо оно достаточно всем известно. Постепенно психология завоевывала новые области и проникла в глубины человеческого сознания. Психология связалась с неврологией, обратилась в Институт мозга, коснулась областей сердца и сосредоточилась на изучении энергии мысли.

Уже давно Платон заповедал, что идеи управляют миром, но наука о мысли оформилась сравнительно совсем недавно. Вполне естественно, что потребовалось и новое утонченное обозначение для этой широчайшей области. Таким образом получилась многозначительная надстройка над понятием психологии – родилась парапсихология. Радиоволны, чувствительные фотографические фильмы и многие новые пути науки сроднились с областями парапсихологии, и неслучайно человеческое внимание устремилось к этой высшей области, которая должна преобразить многие основы жизни.

Во времена темного средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончились бы инквизицией, пытками и костром. Современные нам “инквизиторы” не прочь и сейчас обвинить ученых исследователей или в колдовстве или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя. Также мы знаем, что за исследования в области мысли серьезные ученые получали всякие служебные неприятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так было и в Европе, и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих затворов и наветов. Эволюция противоборствует темному

невежеству, и сама жизнь блестяще выдвигает то, что еще недавно вызывало бы глумление невежд. Ведь не забудем, что еще на нашем веку одна ученая академия назвала фонограф Эдисона проделкою шарлатана. Еще недавно некий врач уверял, что если микроорганизмы требуют такого большого увеличения для изучения их, то они вообще не могут иметь значения и приложения во врачебной практике. Такого рода заявления, как видите, передаются и сейчас печатным словом. Но если косность костенеет, то все живые части человечества неудержимо стремятся к истинному широкому познанию.

Мы узнаем, что в одной Америке сорок профессоров заняты изучением энергии мысли. Перед нами лежит журнал “Парапсихология”, изданный под редакцией проф. Рейна (Дьюк. университет в Сев. Каролине). Проф. Рейн и проф. Макдугал уже много лет работали над передачей мысли на расстоянии. Нам уже приходилось отмечать их блестящие результаты в этой области. Теперь же проф. Рейн привлек к сотрудничеству целую группу интеллигентных студентов и вместе с ними произвел ряд поучительнейших опытов.

Сперва передача мыслей производилась на кратчайших расстояниях в простейших формулах, но затем опыты постепенно перешли и на более далекие расстояния и сделались сложными и по содержанию своему. В течение нескольких лет было установлено, что мысль несомненно может передаваться на расстоянии и для этого люди вовсе не должны становиться какими-то сверхъестественными посвященными, но могут действовать в пределах разума и воли. Несомненно, что область мысли, область открытия тончайшей всеначальной энергии суждена ближайшим дням человечества. Таким образом, именно наука, называйте ее материальной, или позитивной, или как хотите, но именно научное познание откроет человечеству области, о которых намекали уже древнейшие символы.

Если мысль мировая направляется по определенному пути, то множество неожиданных пособников могут быть усмотрены наблюдательным умом исследователя. Появились люди, притом самые обыкновенные, которые без приемника улавливают радиоволны или могут видеть через плотные предметы, подтверждая этим, что орган зрения может действовать и за пределами физических условий.

В Латвии под надзором врачей и ученых находилась маленькая девочка, читающая мысли. Врачебный надзор исключает какое бы то ни было шарлатанство или своекорыстие. В конце концов такой феномен уже перестает быть таковым, если и студенты университета Сев. Каролины совершенно естественно достигают путем упражнений очень значительных результатов.

Также весьма замечательны опыты с недавно изобретенным аппаратом, улавливающим тончайшие до сих пор еще не уловленные пульсации сердца. Еще недавно д-р Анита Мьюль рассказывала нам об этих произведенных ею опытах. При этом оказывалось, что высокая мысль чрезвычайно повышала напряжение и утончала вибрации, тогда как мысль обиходная, уже не говоря о мысли низкой, сразу понижала вибрации. Кроме того, было замечено, что объединенная мысль группы людей, составивших цепь, необычайно усиливала напряжение. Доктор Анита Мьюль вынесла также наблюдения из своего недавнего посещения Исландии, Дании, а теперь, вероятно, и Индии, где она находится, даст ей новые импульсы.

Конечно, всякие такие соображения, хотя и подтвержденные механическими аппаратами, продолжают оставаться для большинства “Терра инкогнита”. Но по счастью, эволюция никогда не совершалась большинством, а была ведома меньшинством самоотверженным, готовым претерпеть выпад невежд. Но правосудие истории неизбежно. Имена невежд, противодействующих знанию, становятся символами постыдного ретроградства. Имя Герострата, уничтожившего произведение искусства, осталось в школьных учебниках, только не в том значении, о котором этот безумец мечтал. Имена невежд, подавших свои голоса за изгнание из Афин великого Аристиды, не так давно были найдены на раскопках в Акрополе и пополнят собою мрачный синодик невежд и отрицателей. Конечно, не забудем, что человек, уловивший радиоволны без аппарата, и теперь еще угодит в сумасшедший дом, ибо некоторого сорта врачи не могли допустить эту способность. Вообще многие человеческие способности удивят косных ретроградов, и им придется пережить немало постыдных часов, когда все, что они отрицали, займет свое место в области точных наук.

Еще и теперь передача мыслей на расстояние некоторыми обскурантами считается чуть ли не колдовством. Мы можем привести примеры, когда эта уже установленная десятками профессоров область вызывает грубые насмешки и

восклицания о получении вестей из голубого неба. Не говоря уже о примерах, запечатленных в литературе многих веков и народов, позволительно напомнить невеждам, что радиоволны, которые уже вошли в их каждодневный обиход, тоже получаются именно из голубого неба. Плачевно подумать о том, что люди не задумываются над многими очевидными явлениями и о космических основах или законах, лежащих за ними. Как попугаи, невежды не прочь иногда твердить трюизмы, сами не понимая их значения. Так кричащие о вестях из голубого неба не подозревают, что они говорят о том, что уже установлено научными исследованиями и запечатлено аппаратами.

Столько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством. Нелепые запреты, созданные косностью отрицателей, начинают спадать. Еще вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-Веды, столь еще недавно осмеянные, оживают под рукой просвещенных ученых. В Москве основывается Институт изучения тибетской медицины, западные ученые нашли чрезвычайно знаменательным указание среди древних китайских заветов, которые вполне отвечают новейшим европейским научным открытиям. И древняя знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке, открывшей большое количество адреналина именно в этих амфибиях, кроме того, в них уже найдено новое вещество буффонин, очень близкое к дигиталису. Можно приводить множество примеров среди подобных новейших открытий. Ослиная шкура китайской медицины тоже была оправдана в отношении витаминности последними исследованиями д-ра Рида.

Другой ученый д-р Риил под древнейшими символами установил указания на железы, значение которых сейчас понято и так выдвигается наукою. Таким образом, в разных областях науки древние знания выявляются под новым вполне современным аспектом. Если собрать эти параллели, то получится многотомное сочинение. Но завершительным куполом всех этих исканий будет та основная область, которая сейчас идет под наименованием парапсихологии, ибо в основе ее лежит все та же великая всеначальная или психическая энергия. Мечта о мысли уже оформилась в науку о мысли. Мысль человеческая, предвосхищающая все открытия, уже носится в пространстве и достигает человеческого сознание именно "из голубого неба". Мозговая деятельность человека приравнивается к электрическим феноменам. Еще недавно биолог Г. Ляховский утверждал, что все этические учения имеют определенно биологическую основу. И, таким порядком, труд Ляховского подтверждает опыты д-ра Аниты Мьюль с электрическим аппаратом, наглядно отмечающим значение качеств мысли. Даже миф о шапке-невидимке получает научное подтверждение в открытых лучах, делающих предметы невидимыми. Итак, повсюду вместо недавних отрицаний и глумлений возникает новое безграничное знание. Всем отрицателям можно лишь посоветовать: "знайте больше и не затыкайте ушей ваших ватой преступного невежества". Издревле было сказано, что невежество есть прародитель всех преступлений и бедствий.

Будет ли парапсихология, будет ли наука о мысли, будет ли психическая или всеначальная энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий.

Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство, этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век есть эпоха энергетического мировоззрения.

Знаки Новой Эры

Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф. Райна в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лестер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения еще далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Все же каждый непредубежденный наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время, как истинные знаки эпохи, расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят только в случае очевидной утилитарности опытов. Как в средневековье легче всего находились средства на производство золота из непрочных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все еще с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда, полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остается столько недомолвок или недоумений, что уже предсужденные выводы опять замедляются. Но все же ясно одно, что так называемое одухотворение науки постепенно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются отчужденными в своей злобной разрушительности. Правда, эти разрушительные громы невежества все еще оглушительны, но в общественном мнении все-таки просыпается настойчивое желание борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как еще недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Все же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познание никогда не достаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оцененный сейчас, в свое время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Еще на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук и тем не менее создал периодическую систему атомов. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесенные им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: "Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?" В копилке жизни можно находить множество таких примеров, которые в просторах культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток – все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!

"Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдем силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко обороть атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твердо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отперется и следующий, когда пойдем, зачем должны приложить в земном мире все действие. Только таким путем дойдем и до третьего входа, где пойдем сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать ее, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явленная ехидна надеется скрыть от человека самое драгоценное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспевания, но сокровище в нем самом. Мудрость всех веков указывает: "Познай самого себя". В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего. Не будем надеяться, что люди легко признают свое достояние, они изобретут все доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но, тем не менее, путь един".

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований или в Дьюк-Университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого – решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Записной лист "Борьба с невежеством" написан, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг, выдающихся ученых, например Алекс. Карреля (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса – найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. “Изучай все окружающее”. “Познавай без утомлений”. “Сердце есть бездна”. “Крылата мысль”.

Множество ободрительных призывов несется из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего, и нового познания.

“Излучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение – не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание. Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не приступать к опыту. Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необычные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряженная сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать.

Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живет психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии. Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остается в небрежении.

Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями. Каждый сон – не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений.

Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную – граница будет несуществующей.

Наблюдения следует вести не только над согласованными привходящими, но также и над разъединяющими проявлениями. Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешить при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия. Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей несколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять. Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание. Каждый век несет свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него

проблем.

Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных. Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не дает себе отчета, как он настроен в данное время. Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее свое настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения.

Кроме исследований психической энергии на цвет, испытывайте ее на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние, и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что веселая музыка сообщает радость, а печальная – горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека. Также необходимо исследовать влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию. В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трех двигателей.

Люди, наконец, поймут, какие мощные воздействия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они окружают себя истинными друзьями и убергутся от разрушительных влияний. Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни.

Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести свое сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания”.

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять сделается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

Борьба с невежеством

“Борьба с невежеством должна быть явлением мировым. Ни один народ не может хвалиться, что он достаточно просвещен. Никто не может найти довольно сил, чтобы одолеть невежество в единоборстве. Знание должно быть всемирным и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, также и пути знания должны процветать в обмене мнений. Не нужно думать, что где-то достаточно сделано для образования. Знание настолько расширяется, что требуется постоянное обновление методов. Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений. Каждый отрицатель не может называться ученым. Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого. Спросите великих ученых – сколько раз самые изумительные открытия происходили в процессе обычных наблюдений. Глаз был открыт и мозг не запылен. Путь умеющих смотреть свободно будет путем будущего. Именно борьба с невежеством неотложна, как с разложением и тлением. Нелегка борьба с темным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством, и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом”.

Уже пять веков до нашей эры с Востока раздались благословенные слова: “Невежество есть тягчайшее преступление”. Затем и великие отшельники первых веков христианства заповедали, что “невежество есть ад”. Действительно из этой темной пропасти рождаются все братоубийственные преступления, мир

наполняется тою ложью и тьмою, которая способствует самым безобразным, самым жестоким и отвратительным деяниям.

Глотать пищу еще не значит жить. Так же точно быть грамотным еще не значит быть просвещенным. Грамота есть естественное питание, но мы видим, что как пища может быть и полезной и вредной, так же и значки грамоты могут служить и свету и тьме. Просвещение и культура будут синонимами. Как в том, так и в другом наименовании заключена готовность к беспредельному познанию. В горниле такого постоянного обновления сознания очищается и сущность человеческая. В этом честном и неограниченном труде знания люди облагораживаются и начинают понимать, что есть – служение человечеству и миру. Истинный ученый имеет глаз открытый и мысль нестесненную. Но, как и все в мире, глаз должен быть воспитан, и мысль должна быть воспитана. От первых шагов образования светлое допущение и раскрытие горизонтов должно входить в основу начальной школы. Знание должно быть освобождено от условных рамок. Знание есть путь к радости, но радость есть особая мудрость.

Ученый и художник знают значение слова “вдохновение”. Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утонченные формы и познаются доселе незамеченные, а может быть, и позабытые высокие энергии. Из далеких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль светоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема. Но даже и такая старая истина лишь в самое последнее время, на глазах нынешнего поколения, вошла в обиход ученого мышления. Все мы были свидетелями, как еще совсем недавно невежды глумились над так называемым магнетизмом и гипнотизмом. Доходило до того, что та же сила в разных ее наименованиях воспринималась иначе. Месмеризм был осмеян и осужден, и он же под именем гипнотизма получил некоторое право на существование. Ведь для чего-то некоторые пилюли должны быть позолочены, а склянки лекарств снабжены особыми ярлыками. И можно понять, по каким причинам некоторые химические элементы, теперь вполне признанные, должны были быть прикрываемы алхимиками под названиями орлов, фениксов и другими символами.

Все мы помним, как во время образования проф. Бехтеревым Неврологического института все, кому не лень было, насмеялись над его опытами передачи мысли на расстоянии. Широкая известность имени Бехтерева не избавила его не только от насмешек, но даже и от всяких подозрений. Невежды шептали, что не могло же целое учреждение возникать для исследования процессов нервной системы и мысли. Шептали о каких-то политических затеях или о романтических увлечениях и даже о помешательстве Бехтерева. Вот до каких Геркулесовых столбов доходили судороги невежества. Помню, как при этих злощепаниях мучительно вспоминалась книга Гастона Тиссандье “Мученики науки”. Куда же дальше идти, когда еще на нашем веку некая академия обозвала великого Эдисона шарлатаном за его фонограф, а некие университеты не допускали женщин к высшему образованию. Ведь это было, повторяю, не в средневековье, а на нашем веку. Делалось это не какими-то безграмотными дикарями, но людьми, забронировавшими себя мертвым, официальным ярлыком учености. Не будем перечислять бесконечный ряд истинных мучеников науки, но раз мы упомянули о гонениях на женское образование, то вспомним хотя бы гениальную математичку Софью Ковалевскую, которая не могла поступить ни в один университет, а в то же время удостоивалась мирового признания ее работ по высшей математике. А сколько прекращалось ученых и врачей можно бы припомнить, которые, гонимые их невежественными коллегами, должны были даже покинуть свою родину.

Мир гордится великим именем физиолога Павлова, повсюду твердятся формулы его учения о рефлексах и другие его гениальные прозрения. Но даже и эта небелевски увенчанная всемирная деятельность вызывала в некоторых специфических кругах пожимание плечами. Среди этих пожимателей плечами тоже ищите невежество. Поистине никакие мундиры, никакие мертвенные, схоластические ярлыки не прикроют человеконенавистничество, зависть и тупую ограниченность. Бороться с безграмотностью куда легче, нежели поразить мрачную гидру человеконенавистничества, со всеми ее атрибутами – зависти, сомнения, пошлости, злощепания и тех подпольных кампаний, которые силы мрака умеют так ловко проделывать. Ведь силы зла и с ними силы невежества – позорные синонимы – весьма сплоченны. Из всех чувств любовь и ненависть являются наиболее объединяющими и сильнейшими.

Конечно, несмотря на все ярые попытки невежества, светлое познание

продвигается по всему миру. Вспомним хотя бы недавние сведения, порадовавшие просвещенный мир. Вспомним все замечательные достижения великого биолога Боше о жизни растений. Проф. Комптон заявляет, что мысль человека является самым важным фактором мира. Проф. Метальников дает исследования об иммунитете и о бессмертии одноклеточных. Д-р Котик исследует перенос чувствительности. Профессор Мюнстерского университета В. Стемпель доказывает существование незримых излучений от всех живых существ. Д-р Доблер из Гейлброннского университета утверждает существование еще недавно осмеянных излучений Земли и связь их с человеческим магнетизмом. Гарри М. Джонсон, проф. университета Виргинии, делает поучительные заключения о безумии. Д-р Отриан, заведующий метеорологической станцией в Германии, наблюдает влияние атмосферных явлений. Аббат Морэ, французский астроном, делает интереснейшие выводы о солнечных пятнах. Американский биолог Бернард Проктор изучает условия жизни на высотах. Французский ученый д-р Леви Валенси предостерегает об эпидемиях безумия. Д-р Ризе делает опыты над воздействием ритмов. Д-р Бернард Рид, британский ученый, сближает находения древнейшей медицины с современными исследованиями о витаминах. Венгерский молодой ученый открывает лучи-невидимки. Всем известны опыты профессоров Рижэ и Жиллэ и выводы сэра Оливера Лоджа. Проф. Лейденского университета В. де Хааз исследует абсолютный нуль, доказывая его невозможность. Профессор Гарвардского университета д-р Кеннон делает выводы о значении удачи в научных открытиях. Химик Минглей делает смелый прогноз грядущих открытий. Проф. Гарвардского университета Иосиф Райн и Уильям Мак-Дугалл достигают замечательных результатов по передаче мысли на расстоянии. Сколько прекрасных достижений! И так, в каждой стране имеются светлые искатели, неутомимо и бесстрашно приоткрывающие завесы знания. И все-таки эти великие люди остаются единицами и вынуждены каждый в своей области, а иногда и в общественном мнении, преодолевать незаслуженные затруднения.

Можно привести длиннейший ряд произведенных за последнее время работ, расширяющих условные рамки мышления. Сама природа деятельно приходит на помощь каждому мыслителю. Солнечные пятна, со всеми около них выводами, о которых пишут величайшие авторитеты нашего времени, как проф. Джинс, Аббот и др., напоминают нам о том, что недалеко время, когда и столь осмеянная астрология окажется не чем иным, как просто формулой астрохимии, и еще одна великая отрасль науки будет освобождена от наветов. И люди поймут, что они живут окруженные великими химизмами и сами представляют из себя утонченнейшую и сильнейшую химическую лабораторию. Все читали о недавно произведенных опытах с химизмом человеческих секретов и излучений из пальцев, причем излучения некоторых людей убивали зловерные бактерии. Так же точно вспомнят и опыты проф. Юревича, подтверждающие, насколько энергия, излучаемая человеком, является проводником и соединителем для иначе не поддающихся сочетанию элементов. И разве не о том же свидетельствовали попытки столь несправедливо преследуемого Килли. И так, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовет человечество к ближайшим, изумительнейшим достижениям.

Невежды очень любят смеяться над индусскими йогами. Для невежд хождение по огню, сидение на воде, глотание сильнейших ядов, остановка или ускорение пульса по желанию, погребение заживо и возвращение к жизни через несколько недель – все это лишь ловкие фокусы и шарлатанство. Но вот, в весьма позитивном и распространенном журнале “Модерн ревью” можно прочесть статью с фотографиями о ходящих по огню в Мисоре, о чем журнал сообщает в связи с прогремевшими по всему миру демонстрациями кашмирца Кхуда Букса в Лондоне. Сидение на воде на Ганге было названо шарлатанством, и осторожные люди, даже видевшие это, добавляли: не знаем, не было ли какой-то подводной поддержки. Но сейчас английские газеты оповещают о женщине, настолько меняющей свой вес, что подобное проявление на воде для нее вполне доступно, как проявление изменения полярности. По всему миру прошли сообщения о необъяснимых, с точки зрения условий науки, манифестациях баварки Т. Нейман, а сейчас все газеты были полны об удивительном случае с девятилетней девочкой Шанти в Дели. Ряд выдающихся наблюдателей проверили этот замечательный случай.

Из Латвии приходит сведение, описанное в целой брошюре, о необыкновенном случае чтения мыслей восьмилетней девочкой. Недавно зарегистрированы несомненные случаи улавливания радиоволн без аппарата и замечательная способность двух итальянских мальчиков – видеть через стены и другие непроницаемые предметы. Конечно, в средневековые все эти злосчастные по необыкновенности своей люди были бы, наверно, сожжены на кострах. Но и в

настоящее время человек, улавливающий самостоятельно радиоволны, все-таки отведал сумасшедший дом.

Не забудем также и замечательные прозрения и яснослышания Жанны д'Арк, спасшие Францию, но за которые невежественные современники возвели ее на костер. И не только сами обладающие необыкновенными способностями, но даже и наблюдатели их подвергаются со стороны невежд и по сие время всяким гонениям. Вспомним несправедливые насмешки и над Обществом психических исследований. Преследуется каждый зародыш нового беспредрассудочного научного завоевания. Получается необыкновенно уродливое зрелище. С одной стороны, открываются новые учебные заведения, одним видом своим как бы зовущие для последующих познаний, но с другой стороны, каждое необычное явление, не вошедшее еще в элементарные учебники, оказывается достойным не только насмешек, но и всяких гонений. Значит, гидра невежества не только в безграмотности, но и в окаменелости восприятий и в человеконенавистничестве.

“Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно. Противоборство против истины заражает пространство; но бывает еще более отвратительное действие, когда люди, однажды познав истину, потом от нее отступают. Безумно такое отступление во тьму! Можно найти случаи в истории человечества, когда уже постигались частицы Истины, но затем, по причине крайнего невежества, некоторые лжеучителя пытались снова скрыть от народа непреложное положение вещей. Получались акты, которые когда-то будут рассматриваться как позорные страницы истории. При этом не давалось никаких доказательств, но приказывалось отрицать очевидность. Как бы неверие в солнце предписывалось, потому что кто-то, по слабому зрению, не мог взглянуть на солнце. Кто-то, по незнанию и по самости, запрещал и другим знать действительность. Пусть люди припомнят, сколько отступлений во тьму происходило в разные века. Может быть, такие воспоминания подвинут человечество к честности и справедливости”.

Итак, каждый, для кого Просвещение и Культура не пустой звук, должен в своей области по мере сил бороться с невежеством. Пусть никто не скажет, что у него нет возможности к тому, – это было бы неправдой. Невежество, – и явное, и тайное, со всей его притворностью и изворотливостью, – увы! – существует везде. В каждом обиходе ясный ум может усмотреть, какая пыль и грязь должны быть убраны. И сейчас, когда в мире грохочут пушки и конкурируют ядовитые газы, именно тогда всякая борьба с невежеством будет особенно нужна. Будет нужна оборона всего лучшего, прекрасного и просвещенного.

Если даже кто-то и не преуспеет в своих благих попытках, то все же это будут попытки, а не только отвлеченные намерения. Кроме того, в каждой попытке уже есть элемент действительности. Потому каждая попытка уже будет добротворчеством. Наверное, какие-то приспешники невежества будут шептать, что именно теперь неуместны слова о культуре и просвещении. Это их обычная уловка, чтобы в каждый момент человеческой жизни найти причину, почему именно тогда устремление к культуре и к просвещению несвоевременно. Эту свою формулу служители невежества и выдают себя. Ведь именно добро, культура и просвещение всегда своевременны.

Не может быть такого человеческого состояния, в котором человекообразию было бы неуместным и несвоевременным. Шептать о такой несвоевременности могло бы лишь человеконенавистничество, которое, во мраке своей берлоги, всегда мечтает обратить род человеческий в чудовищ, взаимно друг друга пожирающих.

Поистине, от мала до велика, каждый может и обязан внести свою лепту в дело борьбы с невежеством. Объединяясь в группы и единолично, каждый может где-то пресечь глумливое чудовище невежества. Каждый труд уже заключает в себе попытку к усовершенствованию и к просвещению. Только невежество могло унижать труд как таковой и бесстыдно насмехаться над исканиями знания. В справедливом негодовании против каждого проявления невежества, против каждого невежественного отрицания работник культуры найдет и действительную мысль, и яркое слово и запечатлеет прекрасным действием победоносный путь просвещения.

Слава поборникам культуры! Слава труженикам! Слава бесстрашным!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Рерих Н.К. Химават filosoff.org
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!